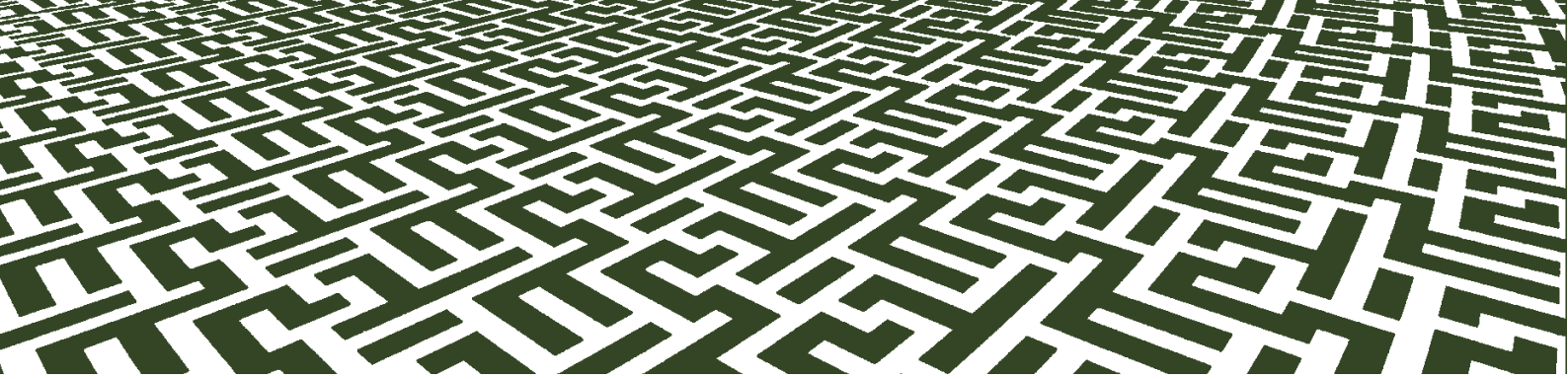


РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ

- Экономическая теория
- Методология экономической науки
- От теории к экономической политике
- Междисциплинарные исследования
- Экономическая история
- Обзоры и рецензии

№3
2023

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ. ИЗДАЕТСЯ С 2017 г.
ВЫХОДИТ 4 РАЗА В ГОД

ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
МОСКВА

ВОПРОСЫ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИКИ
научный журнал

№ 3/2023

дата публикации: 12.08.2023 г.

Является сетевым СМИ
Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций;
серия Эл № ФС77-78796 от 30 июля 2020 г.
ISSN 2587-7666
Выходит с 2017 г., периодичность выхода — 4 раза в год

Журнал внесён в перечень ВАК по следующим специальностям:
Экономические: 5.2.1. Экономическая теория
Социологические: 5.4.2. Экономическая социология
Политические: 5.5.3. Государственное управление и отраслевые политики

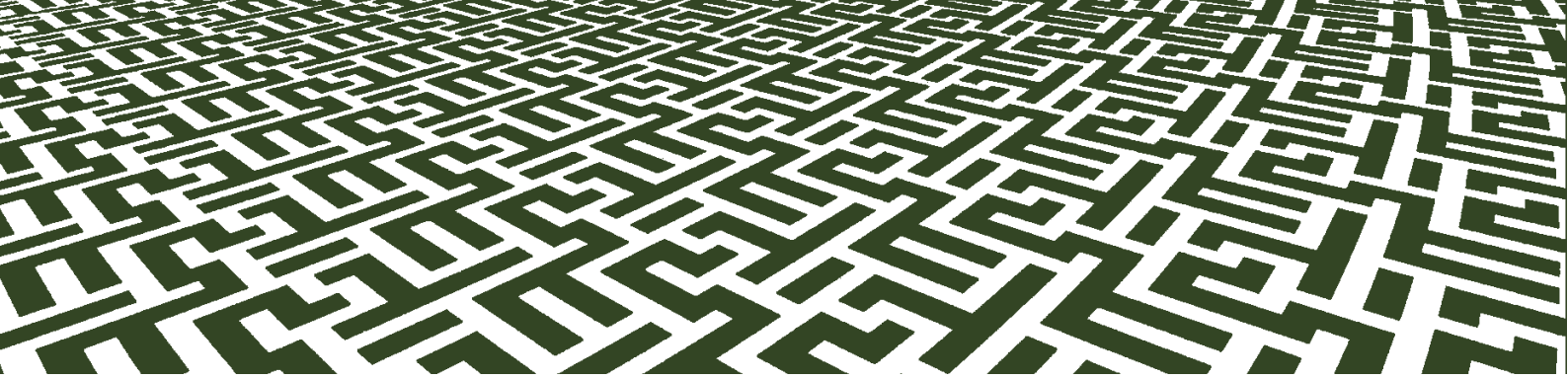
Главный редактор П.А. Ореховский
Ответственный секретарь А.И. Волынский

Редакционная коллегия

В.С. Автономов
О.И. Ананьин
М.Р. Байсингер (США)
А.Е. Варшавский
М.И. Воейков
зам. гл. редактора
Г.Д. Гловели
Р.С. Гринберг
В.Е. Дементьев
А.П. Заостровцев
зам. гл. редактора
Л.В. Зеленоборская
Р.И. Капелюшников
С.Г. Кирдина-Чэндлер
А.М. Либман (ФРГ)
В.И. Маевский
Н.А. Макашева
зам. гл. редактора
В.С. Мартьянов
В.Ю. Музычук
А.Н. Олейник (Канада)
Н.М. Плискевич
зам. гл. редактора
Л.И. Полищук
В.М. Полтерович
Т.Ф. Ремингтон (США)
А.Я. Рубинштейн
М.Е. Симон
Н.Е. Тихонова
М.Ю. Урнов
Б.А. Хейфец
Т.В. Чубарова
зам. гл. редактора

Компьютерная верстка — Хацко Н.А.
Адрес издателя: 117218, Москва, Нахимовский проспект, 32
тел./факс: 8(499) 724-15-41
e-mail (издателя): ieras@inecon.ru
e-mail (для авторов статей): editorqet@gmail.com

© Вопросы теоретической экономики, 2023



RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

ISSUES OF ECONOMIC THEORY

- Economic Theory
- Methodology of Economic Science
- From Theory to Economic Policy
- Interdisciplinary Studies
- Economic History
- Surveys & Reviews

№3
2023

INSTITUTE OF ECONOMICS OF THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
MOSCOW

ISSUES OF ECONOMIC THEORY
scientific journal

№ 3/2023

Publication Date: 12.08.2023

Chief Editor Petr Orekhovsky
Executive Secretary Andrei Volynskii

Editorial board

V.S. Avtonomov

O.I. Anan'in

M.R. Beissinger (USA)

A.E. Varshavskiy

M.I. Voyeikov
Deputy Chief Editor

G.D. Gloveli

R.S. Grinberg

V.E. Dementiev

A.P. Zaostrovtsev
Deputy Chief Editor

L.V. Zelenoborskaya

R.I. Kapelyushnikov

S.G. Kirdina-Chandler

A.M. Libman (FRG)

V.I. Mayevskiy

N.A. Makasheva
Deputy Chief Editor

V.S. Martyanov

V.U. Muzychuk

A.N. Oleinik (Canada)

N.M. Pliskevich
Deputy Chief Editor

L.I. Polishchuk

V.M. Polterovich

T.F. Remington (USA)

A.Y. Rubinshtein

M.E. Simon

N.E. Tikhonova

M.Y. Urnov

B.A. Kheyfets

T.V. Chubarova
Deputy Chief Editor

Address: 117218, Russia, Moscow, Nakhimovskiy pr., 32
tel./fax +7 499 724 1541
e-mail (direction): ieras@inecon.ru
e-mail (redaction): editorqet@gmail.com
© Issues of Economic Theory, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А.П. Заостровцев
Эффект колеи, культура и «критические моменты» в институциональной истории 7

И.А. Николаев
Концепция экономической сложности как теоретическая основа выбора экономической стратегии России в условиях масштабных внешних ограничений 22

МЕТОДОЛОГИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ

А.М. Либман
Междисциплинарные исследования и смешанные методы: перспективы и ограничения 35

Т.А. Вархотов
Метод против истины (Часть 2. Схизма с советским марксизмом и трансформация дискурса Франкфуртской школы) 49

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Т.С. Новикова, М.Р. Зафаржонова
Оценки потребности в оборотном капитале при инвестициях в развитие здравоохранения 62

О.А.Маркова
Аэропорты как платформы: следствия для антимонопольного правоприменения 80

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский
Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования (Часть 2) 92

В.Л. Римский
Господство государственной бюрократии в России 108

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

М.Е. Баскакова
Государственное регулирование занятости женщин и профессиональная сегрегация в российской сфере труда — 100 лет истории (Часть 1. 1918–1945 гг.) 127

В.Л. Степанов
Денежная реформа 1993 г. в мемуаристике и научной литературе 147

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Балацкий
Метод событийно-психологической диагностики и «китайское пророчество» Джека Лондона 157

М.А. Фельдман
Кораблестроение при Николае II (О новой книге В.В.Поликарпова) 171

CONTENTS

ECONOMIC THEORY

A. Zaostrovtsev
Path Dependence, Culture and «Critical Junctures» in the Institutional History 7

I. Nikolaev
The Concept of Economic Complexity as a Theoretical Basis for Choosing Russia's Economic Strategy in the Context of Large-scale External Restrictions 22

METHODOLOGY OF ECONOMIC SCIENCE

A. Libman
Interdisciplinary Research and Mixed Methods: Perspectives and Limitations 35

Varkhotov T.A.
Method Versus Truth (Part 2. The Schism with Soviet Marxism and Transformation of Frankfurt School's Discourse) 49

FROM THEORY TO ECONOMIC POLICY

T. Novikova, M. Zafarjonova
Estimates of the Working Capital Requirements for Investing in Health Care Development 62

O. Markova
Airports as Platforms: Consequences for Antitrust Policy 80

INTERDISCIPLINARY STUDIES

A. Medushevskiy
Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance (Part 2) 92

V. Rimskiy
The State Bureaucracy Domination in Russia 108

ECONOMIC HISTORY

M. Baskakova
State Regulation of Women's Employment and Occupational Segregation in the Russian Labour Sphere – 100 Years of History (Part 1. 1918–1945) 127

V. Stepanov
The Monetary Reform of 1993 in Memoirs and Scientific Literature 147

SURVEYS & REVIEWES

E. Balatsky
The Method of Event-Psychological Diagnostics and the «Chinese Prophecy» by Jack London 157

M. Feldman
Shipbuilding under Nicholas II (About the New Book by V.V. Polikarpov) 171

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

А.П. Заостровцев
к.э.н., профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург);
с.н.с., Международный центр социально-экономических исследований «Леонтьевский Центр» (Санкт-Петербург)

ЭФФЕКТ КОЛЕИ, КУЛЬТУРА И «КРИТИЧЕСКИЕ МОМЕНТЫ» В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИИ[1]

Аннотация. Зависимость от траектории предшествующего развития (эффект колеи) рассматривается в работе прежде всего как культурный феномен. Под культурой понимается устойчивый, воспроизводимый в историческом времени образ идеального социального порядка. Она отождествляется с неформальными институтами, которые лежат в основе формальных институтов. Культура, с одной стороны, есть связующая материя исторических эпох, а с другой — может выступать по этой же причине и в роли механизма институциональной ловушки: преграды на пути модернизации. Индикаторами национальных особенностей культуры могут служить опросы общественного мнения и топонимика. В России к таковым отнесены явное превалирование положительных оценок роли Сталина над аналогичными оценками Горбачева и сохранение топонимики коммунистической эпохи. Концепция «критических моментов» может использоваться как для объяснения механизма попадания на историческую колею, так и схода с неё. В статье она проиллюстрирована расходящимися путями Литвы и Белоруссии в XX в. В итоге делается вывод о том, что выход из этой колеи возможен, но требует редкого сочетания критических событий, а поэтому является скорее исключением, чем правилом.

Ключевые слова: *эффект колеи, культура, Сталин, топонимика, критические моменты, Литва, Белоруссия.*

JEL: A13, D02, Z13

УДК: 330.34

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_7_21

© А.П. Заостровцев, 2023
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Заостровцев А.П.* Эффект колеи, культура и «критические моменты» в институциональной истории // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_7_21.

FOR CITATION: *Zaostrovtsev A.* Path Dependence, Culture and «Critical Junctures» in the Institutional History // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 7–21. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_7_21.

[1] Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

В настоящее время внимание многих экономистов-институционалистов сосредоточено на объяснении феномена зависимости от траектории предшествующего развития (path dependence), нередко называемого в России эффектом колеи (термином, явно навеянным песней Владимира Высоцкого «Чужая колея»). Среди новейших российских исследований эффекта колеи выделяется статья А.А. Аузана, Я.Д. Лепетикова и Д.А. Ситкевича «Колея и маятник: влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений» [*Аузан, Лепетиков, Ситкевич,* 2022]. Этой статье предшествовали и другие интересные работы в этой области [*Вольчик,* 2003; *Нуреев*, *Латов*, 2006; *Нуреев, Латов,* 2010; *Нуреев, Латов,* 2016; *Радаев*, 2007; *Афонцев*, 2010; *Завершинский*, 2014; *Аузан*, 2015; *Плискевич*, 2016, *Корнейчук*, 2016]. В этот же разряд можно поместить монографии Н.С. Розова [*Розов*, 2011], С.Г. Кирдиной [*Кирдина*, 2014] и О.Э. Бессоновой [*Бессонова*, 2015]. Эффект колеи рассматривается не только в глобальных и национальных масштабах, но и применительно к отдельным институтам и сферам [*Вольчик*, 2016; *Михневич*, 2016; *Мальцев, Ковалев,* 2020; *Даньшин,* 2020]. Можно даже констатировать безбрежную широту пользования этим термином, приложение его едва ли не к любым исследуемым предметам, например таким, как эволюция деревень в одном отдельно взятом регионе Российской Федерации [*Чучкалов, Алексеев,* 2020].

В данной статье эффект колеи в эволюции страны помещён в контекст доминирующей культуры, связанной с принадлежностью к тому или иному типу цивилизации[2]. Культура же трактуется как система неформальных институтов, служащих фундаментом институтов формальных. Такое ви́дение можно связать с современным историческим институционализмом[3].

Проявления культуры многогранны. В целях её познания можно изучать общественное мнение. Однако здесь встаёт проблема искренности респондентов, особенно в обществах, где идущие вразрез с официальной позицией точки зрения преследуются в уголовном порядке[4]. Тем не менее и в таких обществах можно найти безопасные ниши, которые позволяют выявить социально-культурный код населения.

В настоящее время интересным и многообещающим направлением изучения указанного кода является обращение к нарративам [*Вольчик, Маслюкова,* 2018; *Вольчик*, 2020]. В то же время следует обратить внимание не только на сами повествования, но и на ту часть вербального взаимодействия людей, которая представлена в топонимике. Неслучайно при радикальной смене социальных порядков она меняется не менее радикально. И наоборот, эффект колеи может находить свое отражение в консервации старых названий.

---

[2] О двух типах базовых социальных порядков — силовой и правовой цивилизации см.: [*Заостровцев*, 2020. С. 98–151].

[3] Автор полагает необходимым объединить исследования возникновения, эволюции и отмирания институтов в историческом времени через понятие «исторический институционализм». Термин «новая институциональная экономика» вводит в заблуждение, поскольку слово «экономика» (когда речь идет о науке) прочно ассоциируется с классическим её определением Л. Роббинсом как науки, изучающей «соотношение между целями и ограниченными средствами, которые могут иметь различное употребление» [*Роббинс*, 1993. С. 18]. Такое понимание подходит к микроэкономике с её статическим видением мира, в котором задача максимизации цели реализуется через подбор оптимальной комбинации ресурсов. Очевиден его антиисторизм. Неслучайно Д. Норт, Дж. Уоллис и Б. Вайнгаст писали о необходимости новой исследовательской повестки дня для общественных наук [*Норт, Уоллис, Вайнгаст,* 2011. С. 416–450].

[4] Автор придерживается жёсткой манихейской позиции, увязывая уголовное преследование за высказываемое мнение с «силовой цивилизацией» и полностью игнорирует многочисленные примеры преследования журналистов и блогеров в странах, принадлежащих к «правовой цивилизации». Следует также отметить, что в упомянутой выше работе Норта и соавторов нет такого жёсткого противопоставления, но есть несколько градаций государств «ограниченного доступа», прежде чем они превратятся в государства «свободного доступа». Хотя нужно оговориться, что в работе Норта и др. есть определённая идеологическая предвзятость. Это проявляется в отсутствии характеристики условий регресса свободного доступа к ограниченному. — *Прим. ред.*

Нередко приверженцев учения об эффекте колеи обвиняют в историческом детерминизме, проповеди предопредёленности. В этой связи обращается внимание на теорию критических моментов (*critical junctures*). Она пытается раскрыть, как и при каких условиях то или иное общество покидает историческую колею. Эта теория, при всех её проблемах, в целом неплохо иллюстрирует расхождение исторической колеи Литвы и Белоруссии в XX в.

Культура как хранительница колеи

Для описания культуры в роли таковой надо прежде всего определиться с самим понятием «культуры». Д. Тросби выделяет два аспекта культуры. Во-первых, это «ряд позиций, убеждений, нравов, обычаев, ценностей и практик…» [*Тросби*, 2013. С. 19]. Во-вторых, этим словом обозначаются «виды деятельности, которые выполняются людьми, и продукты такой деятельности, имеющие отношение к интеллектуальным, моральным и художественным аспектам жизни человека» [Там же. С. 20]. Естественно, что исследование колеи обращается к первому из этих определений.

Ш. Бегельсдайк и Р. Маселанд приводят следующее краткое определение: «Культура — это идея, на основании которой действуют индивиды» [*Бегельсдайк, Маселанд,* 2016. С. 216]. Другое определение, принадлежащее этим же авторам, определяет культуру «как те поведенческие и умозрительные структуры, которые считают неотъемлемыми для создаваемой идентичности сообщества» [Там же. С. 27].

Под культурой М. Харари и Г. Табеллини понимают «преимущественно нормативные ценности о том, что такое “правильно” и что такое “неправильно” и как “дóлжно” себя вести в данных обстоятельствах…» [*Harari, Tabellini*, 2015. P. 246]. Согласно Дж. Роланду, «культура — это набор ценностей и убеждений, которые люди имеют по поводу того, как работает мир (как природный, так и социальный), а также нормы поведения, вытекающие из этих ценностей» [*Roland*, 2020. P. 415]. Эти определения культуры, по сути, есть и определения неформальных институтов.

Неформальные институты первичны; они более устойчивы и в значительной мере определяют институты формальные. «…Формальные институты, — отмечает в предисловии научного редактора к книге Бегельсдайка и Маселанда В.С. Автономов, — становятся реально действующими только при легитимации неформальными, прежде всего моральными нормами, действующими в обществе» [*Автономов*, 2016. С. XII].

Классик институциональной экономической истории Д. Норт прямо не отождествлял культуру с неформальными институтами. Однако в дальнейшем такое отождествление было сделано другими авторами [*Alesin*a, *Giuliano*, 2014][5]. И действительно, если вникнуть в даваемые экономистами определения культуры, то что отличает её от неформальных институтов? Можно констатировать, что практически ничего[6].

В то же время Норт, в частности, писал: «Культура общества есть кумулятивная структура правил и норм (а также убеждений), которую мы наследуем из прошлого, которая определяет наше настоящее и влияет на наше будущее» [*Норт*, 2010. С. 20]. Кроме

---

[5] «Экономисты, в большинстве своём, и мы вместе с ними под культурой понимаем ценности и поведенческие установки, разделяемые большой группой людей и медленно меняющиеся во времени — неформальные институты» [*Аузан*, 2022. С. 14].

[6] Попытка В.Тамбовцева построить сложную иерархию понятий (социальные нормы, ценности, практики, культура) и отделить культуру от неформальных институтов представляется излишним умножением сущностей (нарушением принципа бритвы Оккама). Он ссылается на отсутствие операционального или хотя бы просто чёткого определения культуры [*Тамбовцев*, 2014. С. 87]. Книга Тамбовцева вышла до появления цитированных выше работ Харари и Табеллини, Роланда. Как нетрудно было заметить, их определения культуры достаточно чёткие. Автору статьи ближе всего понимание Харари и Табеллини. У них культура фактически выступает как идеальный образ должного социального порядка.

определения культуры, здесь отмечается, что она-то и формирует эффект колеи[7]. Таким образом, последний создается устойчивостью и протяженностью культуры во времени.

Как же определяют эффект колеи? Для начала снова обратимся к Норту. «В любой момент времени игроков сдерживает зависимость от пройденного пути — их выбор ограничен сочетанием представлений, институтов и артефактной структуры, унаследованной от прошлого» [Там же. С.24]. В современной российской литературе этот эффект и его «культурный бэкграунд» проанализирован Аузаном [*Аузан*, 2015; *Аузан*, 2022. С. 92–115]. В статье Аузана, Лепетикова и Ситкевича эта тема была продолжена и развита [*Аузан, Лепетиков, Ситкевич,* 2022].

В ней много внимания уделено роли культуры в формировании эффекта колеи. И это обстоятельство, несомненно, придает ей особую ценность. В то же время культура связывается только со спросом на институты. Наряду с ним большое внимание уделяется структуре выгод и издержек, барьерам. Причём при моделировании институциональных изменений (модель макроинституционального эффекта колеи) они, по существу, рассматриваются как независимые переменные [Там же. С. 30–36]. По всей видимости, такой подход не до конца учитывает тот факт, что выгоды, издержки и барьеры не есть некие извне заданные объективные величины, но пронизаны и детерминированы существующими в обществе ценностями, т.е. культурой.

В этом легко убедиться даже на примере элементарной микроэкономической модели рынка труда. Согласно неоклассике предложение труда определяется эффектом дохода и эффектом замещения, который предполагает изменение соотношения предельных ценностей дополнительной единицы часа труда и такой же единицы свободного времени. Очевидно, что это соотношение задаётся ценностью труда и отдыха, заложенной в культуре индивидов. Вспомним, в частности, известный пример с экспериментом по исправлению поведения медсестёр в Индии в госмедучреждениях, который описан в книге Д. Аджемоглу и Дж. Робинсона [*Acemoglu, Robinson*, 2012. Pp. 449–450]. Там их упорное отлынивание объясняется неформальным институтом сговора с начальством, но понятно, что сам этот институт есть одно из проявлений национальной культуры.

Если же обратиться к истории, то легко можно увидеть, как культура на протяжении веков выполняла и выполняет роль входного барьера в разных областях. Например, это кастовая система в той же Индии. «Кастовые различия не только усилили глубоко укоренившиеся иерархии и неравенство в обществе, но и исказили природу политики» [*Аджемоглу, Робинсон,* 2021. С. 366]. Можно далее вспомнить про исламский банкинг как барьер для развития рынка капитала или положение женщин в странах с исламскими теократиями.

Однако наиболее интересный и близкий нам пример культурного детерминирования в христианском мире показан в исследовании С. Дьянкова и Е. Николовой [*Djankov, Nikolova*. 2018]. Оно раскрыло, как глубоко укоренившиеся богословские различия между православием, католицизмом и протестантизмом влияют на удовлетворённость жизнью, а также другие взгляды и ценности на большей части европейского пространства сегодня. «По отношению к католикам, протестантам и неверующим приверженцы православия имеют меньший социальный капитал и менее склонны к принятию риска… Они также предпочитают устаревшие идеи новым и работу с высоким уровнем стабильности. Приверженцы православия в большей мере придерживаются политических взглядов левого толка и более выраженного мнения о том, что правительства (а не народ) должны брать на себя больше ответственности» [Ibid. P. 35]. Более того, работа подтвердила боль-

[7] Похожее определение с указанием на эффект колеи даёт для политической культуры Г.Л. Тульчинский: «Политическая культура, являясь системой порождения, хранения и трансляции политического опыта, выступает как совокупность ценностей и норм, обеспечивающих формирование, сохранение и развитие общества» [*Тульчинский*, 2016. С. 24].

шую расположенность православных стран к коммунизму. Считается, что особенности постсоциалистических стран связаны с особенностями тоталитарного наследия. Однако Дьянков и Николова показали, что «богословские различия между различными христианскими деноминациями могли поставить страны на разные пути развития задолго до прихода коммунизма, и что коммунистические элиты могли использовать культурную среду в своих собственных интересах [Ibid.][8].

Роль культуры как барьера развития и модернизации применительно к России была лучше всего показана не экономистами и политологами, а культурологами. Приведём далее достаточно длинную цитату из выступления культуролога и философа А.П. Давыдова на междисциплинарных дебатах о роли культуры, организованных Фондом «Либеральная миссия» в 2010–2011 гг.: «А что предлагают наши либеральные политики и эксперты сегодня? Они опять предлагают реформы, игнорируя культуру. Не получится, господа. Потому что вы опять не учитываете менталитет русского человека. Человека, который болен равнодушием к себе и страхом, как основанием этого равнодушия. А корень страха / равнодушия — в специфике русской культуры. Именно она блокирует развитие у русского человека потребности в свободе. В силу своей статичности, она — противник и модернизации, и личности как субъекта модернизации» [*Куда ведёт кризис…*, 2011. С. 377].

Заслуживает цитирования и следующее утверждение Давыдова: «Культурным основанием развития и, соответственно, его субъектом является автономная личность. От чего она автономна? Она автономна от тех стереотипов культуры, которые всё ещё господствуют в нашем сознании и которые я называю соборно-авторитарными. Именно они являются основанием нашей экономической, социальной и политической динамики. Развитием эту динамику назвать нельзя. Это скорее топтание на месте. Чтобы было развитие, должна произойти смена культурных оснований. Должна появиться массовая потребность в свободе, потребность стать личностью, что равнозначно культурной революции» [Там же. С. 395].

Из этих слов можно заключить, что, собственно говоря, культура и образует колею. И, одновременно, воспроизводясь во времени, передаваясь через поколения, образует в России то, что называют ловушкой институционального развития. Массовую потребность в свободе, потребность стать личностью можно отождествить со спросом на качественные институты. Однако, как мы покажем далее, в России он весьма невелик.

Что в имени тебе моем?

Начнем с Л. фон Мизеса. Надо сказать, что большинство из заявленных современными институционалистами концепций были сформулированы Мизесом очень давно. В частности, это роль культуры как определяющего фактора развития [*Мизес*, 2005. С. 791; *Мизес*, 2007. С. 299]. Также он указывал на власть идеологии и общественного мнения. В частности, он писал: «Курс экономической политики страны всегда определяется экономическими идеями, разделяемыми общественным мнением. Никакое государство, ни демократическое, ни диктаторское, не может быть свободно от власти всеми признаваемой идеологии»

[8] Как это часто случается у русскоязычных авторов, — будь то защитников, будь то критиков православия — история христианства рассматривается весьма избирательно. На момент Великой Схизмы, имевшей место в 1065 г., Византия была самым богатым из христианских государств; Крещение Руси св. Владимиром принято относить к 988 г., таким образом, пресловутого выбора между католичеством и православием на тот момент просто не существовало. В свою очередь, католические ордена основывались на общности имущества, более того, среди них были и «нищенствующие» (францисканцы), что, видимо, следовало бы интерпретировать как близость к коммунистическим принципам… Напротив, в Византийской империи, политическое устройство которой принято характеризовать как «цезарепапизм», несмотря на наличие «своих» монахов и монастырей, не было ни сравнимых с католическими орденов, ни проповеди нищенства. — *Прим. ред.*

[*Мизес*, 2005. С. 798]. И далее подчёркивал: «Верховенство общественного мнения определяет не только исключительное место, занимаемое экономической наукой в мышлении и знании. *Оно определяет весь ход человеческой истории* (курсив мой — *А.З.*)» [Там же. С. 810].

Среди социологов всё чаще встречается критическое отношение к опросам общественного мнения. Одним из наиболее критично настроенных по отношению к ним авторов является Г.Б. Юдин* [*Юдин**, 2020]. В его рассуждениях присутствует много верных соображений. В то же время другой социолог — директор «Левада-Центра», признанного в России иностранным агентом, Д.А. Волков — полагает, что даже в современной России опросы возможны [*Волков*, 2023]. В данном случае не будем вторгаться в споры социологов. Заметим только, что в закрытом обществе очень важно выбрать такой предмет опроса, который не вызывает у респондентов острого желания уходить от ответов или отвечать неискренне в силу страха ожидания последующих репрессий. И, в то же время, такой опрос должен раскрыть важную характеристику общества. В нашем случае — его культуру.

Идеальным вариантом такого опроса является определение отношения к И. Сталину. Публично-негативное отношение к нему пока не преследуется по закону. Так что фактор страха исключён. Ещё в 2008 г., когда проводился телевизионный конкурс «Имя России», Сталин занял третье место после Александра Невского и Петра Столыпина. Однако наблюдавшие за его прохождением высказывали сомнения в таком итоге. До предполагаемого вмешательства в результаты Сталин лидировал по числу поданных голосов, иногда уступая место барду Высоцкому [*Самигуллина*, 2008]. Да и отсутствие среди «призёров» конкурса Петра I также усиливает сомнение в непредвзятости.

В опросе, проведённом «Левада-Центром»** в июне 2021 г., эмоциональное отношение к Сталину в России выглядело так (рис. 1).

Результаты опроса продемонстрировали явно положительное отношение к данному историческому персонажу. В той или иной форме его продемонстрировали 60% респондентов. Тогда как разные степени неприятия — лишь 11%.

Рис. 1. Отношение к Сталину

Источник: Левада-Центр: Отношение к Сталину: Россия и Украина, 2021. (Настоящий материал (информация) про-изведён и распространён иностранным агентом АНО «Левада-Центр»).

*** Юдин Георгий Борисович включен в реестр иностранных агентов 19.01.2024**

**** «Левада-Центр» (Аналитический центр Юрия Левады) был включен Минюстом РФ в реестр НКО-«иностранных агентов» 5.09.2016.**

В нашей книге показано, что в России образ Сталина как некоего идеального или, по меньшей мере, предпочтительного правителя и низкая оценка на его фоне реформатора М. Горбачева явились индикаторами, той культурной почвой, на которой в XXI в. обрёл силу и утвердился неосталинизм [*Заостровцев*, 2020. С. 231–237]. В ней, в частности, обращается внимание на результаты проведённого в 2017 г. Исследовательским центром Пью (Pew Research Center) опроса. Респондентам предлагалось ответить на вопрос о роли Сталина и Горбачева в истории. В России, как видно из рис. 2., Сталину приписали положительную и скорее положительную роль 58% ответивших, Горбачеву — лишь 22%. Результаты по остальным приведённым здесь странам бывшего СССР говорят о многом. Больше, чем что-либо иное.

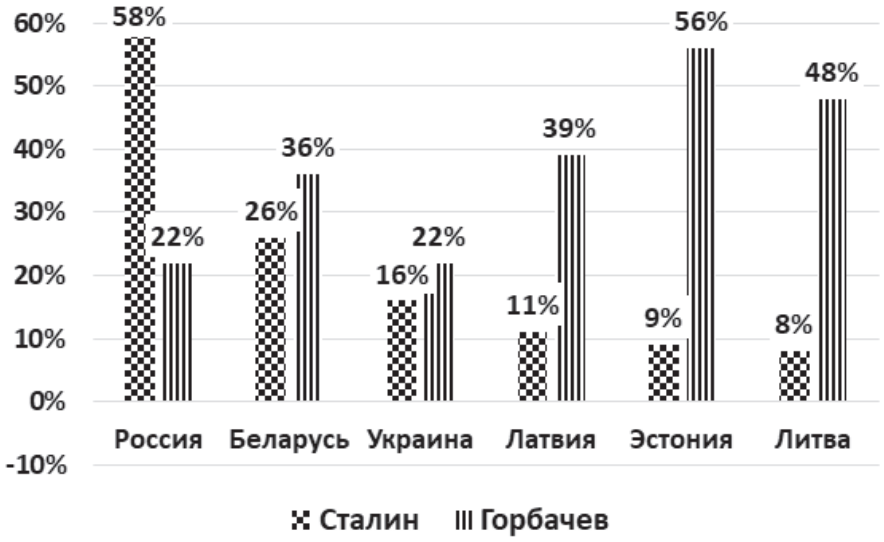


Рис. 2. Положительная и скорее положительная роль в истории
Источник: Pew Research Center, 29.06.2017. In Russia Nostalgia for Soviet Union and Positive Feelings about Stalin. https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/06/29/in-russia-nostalgia-for-soviet-union-and-positive-feelings-about-stalin/ (access date: 25.04.2023).

Сталин ведь не просто человек или даже известнейший политический деятель XX в. С его именем неразрывно ассоциируется определённый общественный строй. Это означает, что высокая оценка Сталина автоматически означает высокую оценку этого строя, вхождение его идеального образа в политическую культуру, а следовательно, так или иначе, его желательности как проекции на будущее. В этой связи поворот России к неосталинизму в XXI в. не должен вызывать никакого удивления. О чём мечтали, то и получили[9]. «Как яхту назовёшь — так она и поплывёт»[10].

---

[9] Тут к месту будет вспомнить очень важный постулат Мизеса: «Для наук о человеческой деятельности конечной данностью являются ценностные суждения действующих субъектов и идеи, порождающие эти ценностные суждения» [*Мизес*, 2007. С. 275].

[10] Несмотря на заявленную автором верность историческому материалу, им полностью игнорируется опыт 1980–1990-х гг., когда антисталинистские настроения в России были максимальны. Последствия этих «культурных настроений» для экономики, науки и культуры, демографии очевидны. Сравнение этого исторического деятеля с Горбачевым некорректно — можно было бы провести аналогичный мысленный эксперимент опроса российского общественного мнения в отношении фигур Александра III и А. Керенского. Подобное манипулирование, характерное для «политологических» социологических опросов, затемняет реальный выбор, хорошо осознаваемый респондентами из бывших соцстран: либо Сталин, либо Гитлер. Спустя 30 лет после «поражения СССР в холодной войне» соответствующий исторический выбор элитами бывших соцстран стал очевиден, что проявляется и в сносе советских памятников, и в «маршах легионеров», и в топонимике. Напротив, никакой «ползучей реабилитации сталинизма» в России не наблюдается. — *Прим. ред.*

Приверженность населения России сталинизму любят приписывать пропаганде, воздействию телевизионной картинки. Эта приверженность трактуется как нечто временное, наносное, непостоянное. В этой связи можно сказать лишь одно: есть химическая реакция, а есть её катализатор. Но последний попросту бесполезен без первой. В нашем случае химическая реакция может протекать с различной интенсивностью, но при этом её отличает устойчивость. В данном сравнении она олицетворяет многовековую культуру государствопоклонства российского общества, одной из ярких исторических разновидностей которой является сталинизм.

Если на время отойти от опросов общественного мнения как инструментов выявления особенностей культуры, то стоит вспомнить про такой лежащий на поверхности и гораздо менее подверженный искажениям индикатор, как топонимика. Названия городов, улиц, площадей и т.п. — это, конечно же, не нарратив, но в чём-то они близки мемам. Мем — это что-то вроде элементарной частицы при передачи информации. Они могут передавать идеи [*Вольчик, Маслюкова,* 2018. С. 161]. Естественно, в очень сжатой форме. Но зато очень наглядной и доступной. Например, «улица Красного курсанта» многое говорит о политической культуре.

Кардинальное изменение институциональной среды предполагает и такую же смену топонимики. Примером могут служить страны Балтии, где все советские названия улиц были почти единовременно заменены на исторические или же, в случае отсутствия таковых, просто на другие. В России этот процесс шёл медленно в 90-е гг. прошлого века, а потом затормозился. Рассмотрим его на примере Санкт-Петербурга.

Всего в городе после социалистической революции и до сегодняшнего дня сменили названия 217 улиц (площадей)[11]. Из этого списка можно вычесть, как минимум, три названия, замена которых никак не носила идеологический характер, а была связана с чисто техническими обстоятельствами. В результате из примерно 214 названий вернули свое историческое имя 63 или 29%.

В некоторых случаях утрата исторических названий не обернулась их последующим восстановлением при очередном переименовании. Такое имело место при устранении имён коммунистических деятелей, ставших жертвами сталинских чисток. Так, Пальменбахская улица с 1922 по 1937 г. была улицей Домбаля[12]. После этого стала Смольной улицей.

Далеко не все переименованные при советской власти улицы получали имена с коммунистической нагрузкой. Это связано, как правило, с валом переименований в 1952 г., когда поздний сталинский СССР боролся с космополитами и приобщался к «славным именам» царской империи. Так, Колтовская набережная стала набережной адмирала Лазарева (одного из первооткрывателей Антарктиды). Однако в любом случае устранение старого названия — это не техническая деталь, а борьба с исторической памятью. Даже когда Гарднеровский переулок (по имени купца Гарднера) переименовывается в Евпаторийский.

В то же время в Санкт-Петербурге сохраняется и много улиц, названных в честь коммунистических деятелей. Есть, например, улица Котовского и улица Куйбышева. Москвичи по железной дороге прибывают на Московский вокзал на площадь Восстания (Знаменская). Около Смольного института сохраняется площадь Пролетарской диктатуры (Лафонская). Этот перечень можно продолжать и продолжать.

Особо выделим имя Ленина. После 1991 г. удалось справиться только с Ильичём. Переулок Ильича стал Большим и Малым Казачьими переулками. Перед Финляндским вокзалом остаётся площадь Ленина (Финляндская) и ул. Ленина (Широкая). В относи-

---

[11] Улицы Петербурга, 2023. Список переименованных улиц. Сайт Nick de Golden. https://nickdegolden.ru/ulicy-peterburga-spisok-pereimenovannyh-ulic/ (дата обращения: 25.04.2023).

[12] Томаш Домбаль — польский революционер, потом советский партийный деятель. Расстрелян в 1936 г. по делу «Польской военной организации».

тельно новом районе города есть ещё Ленинский проспект. Новые районы здесь не рассматривались, но там после 1991 г. переименован еще меньший процент улиц, несущих в своих названиях память о коммунизме, СССР и т.п. Заглохла даже инициатива переименовать улицу Белы Куна. В 2011 г. власти её не поддержали.

Продолжить можно подсчётами, связанным с именем Ленина. В городах России 56 улиц Ленина[13], 6 Ленинских улиц[14], 9 Ленинских проспектов[15], 59 проспектов Ленина[16], 14 улиц Ильича[17] и 57 площадей Ленина[18] [*Площади Ленина,* 2023]. Не так уж трудно суммировать и получить 201 наименование.

Однако вернёмся в Санкт-Петербург. Может сложиться неверное впечатление, что удержание названий советской эпохи — это некая прихоть администрации. Это не так. Массовое сознание не менее негативно относится к их изменениям. В 2018 г. Санкт-Петербургский информационно-аналитический центр Комитета по информатизации и связи администрации губернатора города проводил опрос петербуржцев относительно переименования ул. Восстания и с 1-й по 10-ю Советских улиц. Иначе говоря, улиц с весьма одиозными названиями. При этом Советские улицы ранее были Рождественскими (вроде как восстановление их исконных имен должно было радовать православных жителей). В итоге поддержали возвращение имен 32,6% респондентов (12,8% — полностью «за» и 19,8% — скорее «за»). Против же высказались 55% (28,3% резко против, 26,5% — скорее против). Затруднились высказать мнение 12,4% [*Отношение петербуржцев…,* 2018]. Одновременно проводился опрос и об отношении к названию улицы, на которой проживают петербуржцы. Ставился следующий вопрос: «Нравится ли Вам название той улицы (проспекта и т.п.), на которой Вы проживаете в данный момент?». 89,3% ответили, что нравится и лишь 6% оно не нравится (4,7% затруднились ответить) [Там же]. Очевидно, что среди этих почти 90% респондентов много тех, кто живёт на улицах с одиозными советскими именами. И, тем не менее, их это вполне устраивает. Более того, даже среди недовольных около трети (36,1%) выступили бы против возможного переименования [Там же].

Выяснялось и отношение к переименованию в целом. К респондентам обращались с такой преамбулой: «Переименование может касаться не только улиц, а также других объектов (парки и скверы, станции метрополитена и т.п.) и разных ситуаций: иногда предлагается вернуть историческое название, иногда предлагается изменить изначально существующее». И далее следовал вопрос: «Если взять вопрос переименований в целом, с каким суждением Вы скорее согласились бы?»

Выяснилось, что лишь 5,3% занимают позицию, согласно которой эту работу необходимо систематически вести и пересмотреть обоснованность названий возможно боль-

---

[13] Улицы Ленина, 2023. Онлайн-энциклопедия «Википедия». https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0_%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 25.04.2023).

[14] Ленинские улицы, 2023. Онлайн-энциклопедия «Википедия». https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0 (дата обращения: 25.04.2023).

[15] Ленинские проспекты, Онлайн-энциклопедия «Википедия». https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D1%81%D0%BA%D0%B0%D1%8F_%D1%83%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0 (дата обращения: 25.04.2023).

[16] Проспекты Ленина, 2023. Онлайн-энциклопедия «Википедия». https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BF%D0%B5%D0%BA%D1%82_%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 25.04.2023).

[17] Улицы Ильича, 2023. Онлайн-энциклопедия «Википедия». https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A3%D0%BB%D0%B8%D1%86%D0%B0_%D0%98%D0%BB%D1%8C%D0%B8%D1%87%D0%B0 (дата обращения: 25.04.2023).

[18] Площади Ленина, 2023. Онлайн-энциклопедия «Википедия». https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BB%D0%BE%D1%89%D0%B0%D0%B4%D1%8C_%D0%9B%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0 (дата обращения: 25.04.2023).

шего числа объектов. В противовес им три четверти (76,8%) горожан убеждено, что эту деятельность необходимо вообще прекратить, а ещё около 14% полагают, что если какие-то названия и нужно изменить, то таких во всём городе наберётся не больше 5-6. Данная картина мнений была одинакова во всех рассматриваемых социально-демографических группах [Там же].

В таком опросе люди вряд ли отвечали неискренне. О чём говорят его результаты? В первую очередь о том, что у граждан города отсутствует потребность отделить себя от 70-летнего коммунистического эксперимента. Они готовы жить в окружении коммунистических имен и символов[19]. Во-вторых, о преемственности политической культуры. Таковая присуща не только России, но и ряду постсоциалистических стран. Её наличие есть признак глубокого погружения в то, что можно назвать силовой цивилизацией (*rule of force*).

Нередко возражают, говоря, что и имя Сталина, и имена улиц и пр. — это всё несущественно. Что, мол, стоят слова? По нашему мнению, существенно. Сегодня — слово, завтра — дело.

Концепция критических моментов: можно ли выйти из колеи?

В институциональной теории истории существует сравнительно молодая концепция критических моментов (*critical junctures*), которая в обобщённом виде впервые была представлена политологами Дж. Капоччиа и Р. Келеменом в 2007 г. [*Capoccia, Kelemen*, 2007]. В дальнейшем Капоччиа развил её, показав связь критических моментов с институциональными изменениями [*Capoccia*, 2015]. Д. Коллиер и Дж. Мунк определили критический момент как главный эпизод институциональной инновации, порождающий длительное наследие (*legacy*)[20]. Эпизоды эти могут быть самыми различными, но объединяет их то, что они есть результат расхождения или шока. Последствиями являются долгоживущие, стабильные институты с заложенным в них механизмом самовоспроизводства (зависимости от предшествующего пути) [*Collier, Munk*, 2015].

Коллиером и Мунком рассмотрена следующая логическая цепочка: предпосылки → расхождение или шок → критический момент → механизм производства (шаги, последовательность которых создает наследие) → наследие [Ibid. P. 5]. Эту схему можно применить к сравнительному анализу истории Литвы и Белоруссии в XX в. Вкратце можно сказать, что первые две стадии этой схемы у Литвы и Белоруссии были очень похожи, практически совпадали: признаки становления национальной идентичности в царской России, Первая мировая война и социалистическая революция, сопровождавшиеся распадом Российской империи.

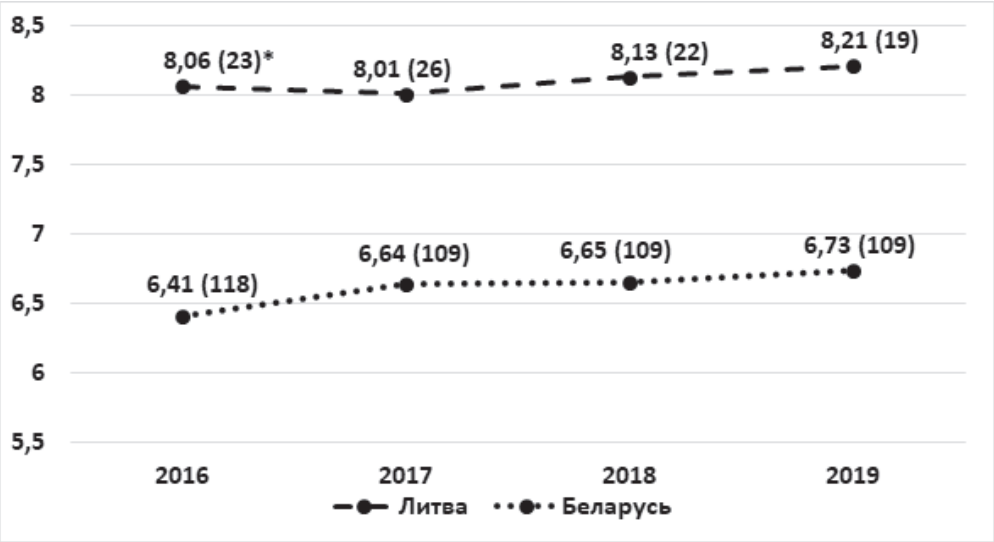
Однако Белоруссия (в отличие от Литвы) не смогла перейти к четвёртой стадии. Литовская республика существовала между мировыми войнами, и это обстоятельство заложило основы традиции суверенной государственности. В то же время Белорусская народная республика просуществовала в 1918 г. чуть более полугода. Таким образом, критический момент (провозглашение государственной независимости) здесь не закрепился в виде наследия.

---

[19] Манипуляции с топонимией вряд ли стоит интерпретировать так однозначно. О чём автору говорят многочисленные площади, бульвары и улицы имени рабовладельцев Дж. Вашингтона и Т. Джефферсона? Несмотря на протесты части афроамериканцев (не говоря уже о коренных жителях Америки), их ещё не все переименовали. Исходя из логики работы, это свидетельство принадлежности к «силовой цивилизации» и неизбежности грядущего экономического кризиса. — *Прим. ред.*

[20] Критический момент определяется и как «исторический момент, в ходе которого возможны гораздо большие изменения, чем в предшествующий и последующий периоды высокой и часто длительной институциональной стабильности» [*Büthe, Jacobs*, 2017. P. 1].

После Второй мировой войны и Литва, и Белоруссия находились в составе СССР в качестве союзных республик. Однако литовцы воспринимали это положение как национальный гнёт («третья оккупация»), противопоставляли себя СССР. Напротив, белорусы, не имевшие такого периода суверенной государственности, искренне воспринимали себя как часть СССР. Поэтому новый критический момент, связанный с распадом СССР и созданием на месте союзных республик независимых государств привёл в конечном счёте к совершенно разным результатам. Литва органически вошла в западную цивилизацию, Белоруссия противопоставила себя ей (рис. 3) и фактически утратила суверенную государственность, став сателлитом России[21].



* В скобках — ранги среди оцениваемых стран мира.

Рис. 3. Индекс человеческой свободы (Индекс человеческой свободы Института Катона (США) представляет собой композитный индекс, соединяющий индекс экономической свободы и индекс личной свободы, высшее значение — 10,0)

Источник: The Human Freedom Index — 2021. https://www.cato.org/human-freedom-index/2021 (дата обращения: 25.04.2023).

Таким образом, практически однотипные критические моменты дважды в истории обернулись, можно сказать, диаметрально противоположными результатами. Это возвращает нас к вопросу культуры. Недостаточно было формально провозгласить национальную государственность, важно, чтобы это провозглашение отвечало ценностям народа, олицетворяло его национальную идентичность.

В то же время на примере Тайваня можно видеть, что шоки и критические моменты нередко должны повторяться с тем, чтобы произошли решающие изменения в культуре, например смена культуры цивилизации силового (деспотического) типа на культуру цивилизации правового типа [*Заостровцев*, 2020. С. 248–250]. Тайвань стал Западом, в то время как материковый Китай, несмотря на все его успехи в плане экономического развития, в конечном счёте, от него отдалился и вышел на активное геополитическое противостояние ему.

---

[21] «Органическое вхождение в западную цивилизацию» сопровождалось стремительной депопуляцией и деиндустриализацией Литвы вместе с резким ростом потребления алкоголя (данные ВОЗ за 2007–2017 г., Литва вышла на 1-е место в мире (OECD (2019). “Alcohol consumption among adults”, in Health at a Glance 2019: OECD Indicators, OECD Publishing, Paris. https://doi.org/10.1787/961753cf-en (дата обращения 24.06.2023).)). Заодно, если использовать топонимические характеристики, героем Польши и стран Прибалтики стал Джохар Дудаев (площадь Дудаева в Варшаве, сквер Дудаева в Вильнюсе, аллея Дудаева в Риге, мемориальная доска (оккупанту! — «работал в 1987–1991 гг.») Дудаеву в Тарту). Надо полагать, чеченский терроризм органически соответствует «правовой цивилизации». На этом фоне культурное, демографическое и социально-экономическое состояние Белоруссии выглядит намного более предпочтительным. — *Прим. ред.*

Для того, чтобы такая переворачивающая цивилизационный тип культурная революция имела место в крупной империи, её должен предварять шок в форме распада. Он создаёт условия для формального обособления её частей в качестве критических моментов. Вне его смена цивилизационного типа вряд ли возможна. Если бы Испания до сих пор дралась за сохранение своих колоний на Американском континенте, то превращение её в государство — член ЕС было бы исключено. То же самое можно сказать и о Португалии и её африканских колониях.

Имперско-державная культура оказывается зачастую главным препятствием на пути перехода к правовому обществу. Если она ослабляется и имперский организм распадается, то ресентимент может остаться в прошлом. Однако «может» не значит «должен». В таких случаях всё зависит от конкретных исторических обстоятельств (особенностей критического момента или моментов).

Заключение

Концепции зависимости от траектории предшествующего пути и критических моментов органически встроены друг в друга. Первая показывает, что историческое прошлое во многом определяет настоящее и будущее. Передаточным механизмом являются неформальные институты или культура. Мир идей, построенный на базовых, укоренившихся ценностях и нормах, диктует, в конечном счёте, каким быть миру реальному.

Именно поэтому столь труден импорт формальных институтов, которые при столкновении с чуждой культурой, обычно отторгаются. История даёт неоднократные подтверждения этому, когда, казалось бы, изначально успешные радикальные реформы оборачиваются «возвращением к истокам». Российские реформы, начиная с горбачёвской перестройки и далее в 90-е гг. прошлого века — наглядный тому пример.

Критические моменты взрывают стабильность движения по исторической траектории. Они отождествляются с ситуациями, когда выход из колеи возможен. Однако необходимое условие ещё не есть достаточное. Для того, чтобы сменить принадлежность к цивилизации, нужно обычно пройти через ряд шоков и критических моментов. И в каждом из последних нужно сделать правильный выбор, что тоже далеко не просто.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Автономов В. (2016). От научного редактора. Путеводитель по культуре для экономистов // *Бегельсдейк Ш., Маселанд Р. Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности* [*Avtonomov V*. (2016). From the Science Editor. Cultural Guide for Economists // Begelsdijk S., Maseland R. Culture in Economics: History, Methodological Considerations and Areas of Practical Application in Modern Times]. — М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ. С. I–XIV.

Аузан А.А. (2015). «Эффект колеи». Проблема зависимости от траектории предшествующего развития — эволюция гипотез [*Auzan A.A.* (2015). Path Dependence Problem: The Evolution of Approaches] // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика.* № 1. С.3-17.

Аузан А.А. (2022). *Культурные коды экономики: Как ценности влияют на конкуренцию, демократию и благосостояние народа* [*Auzan A.A.* (2022). Cultural Codes of the Economy: How Values Affect Competition, Democracy and the Welfare of the People]. — М.: Издательство АСТ.

Аузан А.А., Лепетиков А.Д., Ситкевич Д.А. (2022). Колея и маятник: Влияние ловушки предшествующего развития на динамику институциональных изменений [*Auzan A.A., Lepetikov A.D., Sitkevich D.A.* (2022). Track and pendulum: impact of the past dependence problem on the dynamics of institutional change] // *Вопросы теоретической экономики.* № 1. С. 24-47. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_24_47.

Афонцев С.А. (2010). Зависимость от исторического пути, социальное действие и исторический процесс // *«Советское наследство». Отражение прошлого в социальных и экономических практиках современной России* [*Afontsev S.A.* (2010). Dependence on the Historical Path, Social Action and the Historical Process //

Soviet Heritage. Reflection of the Past in the Social and Economic Practices of Modern Russia] / Под ред. Л.И. Бородкина и др. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). С. 21–36.

Бегельсдейк Ш., Маселанд Р. (2016). *Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области практического применения в современности.* [*Begelsdijk S., Maseland R.* (2016). Culture in Economics: History, Methodological Considerations and Areas of Practical Application in Modern Times]. — М.; СПб: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ.

Бессонова О.Э. (2015). *Рынок и раздаток в российской матрице: от конфронтации к интеграции* [*Bessonova O.E.* (2015). The Market and Handouts in the Russian Matrix: From Confrontation to Integration]. — М.: Политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Волков Д. (2023). *Возможны ли опросы в современной России?* [*Volkov D.* (2023). Are Opinion Polls Possible in Modern Russia?]. Левада-центр. https://www.levada.ru/2023/02/10/vozmozhny-li-oprosy-v-segodnyashnej-rossii/ (дата обращения: 25.04.2023).

Вольчик В.В. (2003). Провалы экономической теории и зависимость от предшествующего пути развития [*Volchik V.V.* (2003). Failures of Economic Theory and Dependence on the Previous Path of Development] // *Экономический вестник Ростовского государственного университета.* Т. 1. №3. С. 36–42.

Вольчик В. (2016). *Зависимость от траектории предшествующего развития и эволюция института собственности в России* [*Volchik V*. (2016). Dependence on the Trajectory of the Previous Development and the Evolution of the Institution of Property in Russia]. https://psihdocs.ru/v-v-volechik-zavisimoste-ot-traektorii-predshestvuyushego-razv.html (дата обращения: 25.04.2023).

Вольчик В.В. (2020). Нарративы и понимание экономических институтов [*Volchik V.V*. (2020). Narratives and Understanding of Economic Institutions] // *Terra Economicus*. Вып. 18. № 2. С. 49–69. DOI: 10.18522/2073-6606-2020-18-2-49-69.

Вольчик В.В., Маслюкова Е.В. (2018). Нарративы, идеи и институты [*Volchik V.V., Maslyukova E.V*. (2018). Narratives, Ideas and Institutions] // *Terra Economicus.* Вып. 18. № 2. С. 150–168. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-2-150-168.

Даньшин А.И. (2020). «Эффект колеи» в сельском хозяйстве депрессивных территорий [*Danshin A.I.* (2020). Path Dependence Effect in Agriculture of Depressive Territories] // *Географическая среда и живые системы.* № 2. С. 100-112. DOI: 10.18384/2712-7621-2020-2-100-112.

Завершинский К.Ф. (2014). «Эффект колеи» в методологии политико-культурных исследований институциональной динамики современного российского общества [*Zavershinskiy K.F.* (2014). «Path Dependence» in the Methodology of Political and Cultural Studies Contemporary Russian Institutional Dynamics] // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6.* Вып. 1. С. 71–79.

Заостровцев А.П. (2020). *Полемика о модернизации: общая дорога или особые пути?* [*Zaostrovtsev A.P.* (2020). Modernization Debate: Common Road or Special Ways?] — СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.

Кирдина С.Г. (2014). *Институциональные матрицы и развитие России. Введение в X-Y-теорию* [*Kirdina S.G.* (2014). Institutional Matrices and Development in Russia: An Introduction to X&Y theory]. — М., СПб.: Нестор-история.

Корнейчук Б.В. (2016). «Эффект колеи» в контексте эволюционной теории экономических изменений [*Korneychuk B.V*. (2016). «The Rut Effect» in the Context of the Evolutionary Theory of Economic Changes] // *Terra Economicus.* Вып. 14. № 1. С. 78–87.

Куда ведет кризис культуры? (2011): Опыт междисциплинарных диалогов [Where is the crisis of culture leading? (2011): Experience of Interdisciplinary Dialogues] / Под ред. И.М. Клямкина. — М.: Новое издательство.

Левада-Центр *(2021). Отношение к Сталину: Россия и Украина [*Levada Center* (2021). Attitude towards Stalin: Russia and Ukraine].

Мальцев А.А., Ковалев А.В. (2020). Теоретические взгляды экономистов России и Белоруссии: эффект колеи [*Maltsev A.A., Kovalev A.V*. (2020). Theoretical and Methodological Views of Russian and Belarusian Economists: Path Dependence] // *Журнал экономической теории.* Т. 17. № 3. С. 560–573. DOI: /10.31063/2073-6517/2020.17-3.4.

Матвеев А.А. (2019). Применение теории «path dependence» в исследовании институциональных преобразований в России [*Matveev A.A*. (2019). Application of the «Path Dependence» Theory in the Study of Institutional Transformations in Russia] // *Управленческое консультирование.* № 4. С. 107–113. DOI: 10.22394/1726-1139-2019-4-107-113.

Мизес Л. фон. (2007). *Теория и история: Интерпретация социально-экономической эволюции* [*Mises L. von*. (2007). Theory and History: Interpreting Socio-Economic Evolution]. — Челябинск: Социум.

Михневич С.В. (2016). «Эффект колеи» и проблема трансформации внешнеполитической ориентации России [*Mikhnevich S.V*. (2016). «Dependence Path» and the Problem of the Russian External Policy Transformation] // *Актуальные проблемы Европы.* 2016. № 1. С. 55–80.

Норт Д. (2010). *Понимание процесса экономических изменений* [*North D.* (2010). Understanding the Process of Economic Change]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

*** «Левада-Центр» (Аналитический центр Юрия Левады) был включен Минюстом РФ в реестр НКО-«иностранных агентов» 5.09.2016.**

Норт Д., Уоллис Д., Вайнгаст Б. (2011). *Насилие и социальные порядки. Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества* [*North D., Wallis D., Weingast B.* (2011). Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History]. — М.: Изд. Института Гайдара.

Нуреев Р., Латов Ю. (2006). Что такое зависимость от предшествующего развития и как её изучают российские экономисты // *Истоки: из опыта изучения экономики как структуры и процесса* [*Nureev R., Latov Yu.* (2006). What Is the Dependence on the Previous Development and How Russian Economists Study It // Origins: from the experience of studying the economy as a structure and process] / Редкол.: Я.И. Кузьминов (гл.ред.) и др. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 228–256.

Нуреев Р.М., Латов Ю.В. (2010). *Россия и Европа: эффект колеи (опыт институционального анализа истории экономического развития.* [*Nureev R.M., Latov Yu.V.* (2010). Russia and Europe: the Rut Effect (The Experience of Institutional Analysis of the History of Economic Development)]. — Калининград: Изд-во РГУ им. И. Канта.

Нуреев Р. М., Латов Ю.В. (2016). *Экономическая история России (опыт институционального анализа.* [*Nureev R. M., Latov Yu.V.* (2016). Economic History of Russia (Experience of Institutional Analysis)]. — М.: КНОРУС.

Отношение петербуржцев к переменам в городской топонимике (2018): Экспресс-Анализ [The Attitude of Petersburgers to Changes in Urban Toponymy (2018): Express-Analysis] / СПб ИАЦ. — СПб: Комитет по информатизации и связи.

Плискевич Н.М. (2016). «Path dependence» и проблемы модернизации мобилизационного типа [*Pliskevich N.M.* (2016). «Path dependence» and Problems of Modernization of the Mobilization Type] // *Мир России.* № 2. С. 123–143.

Радаев В.В. (2007). Можно ли преодолеть зависимость от предшествующего развития? [*Radaev V.V.* (2007). Is It Possible to Overcome Dependence on Previous Development?] // *Отечественные записки.* Вып. 35. № 2. Онлайн-версия. https://strana-oz.ru/2007/2/mozhno-li-preodolet-zavisimost-ot-predshestvuyushchego-razvitiya (дата обращения: 25.04.2023).

Роббинс Л. (1993). Предмет экономической науки [*Robbins L.* (1993) Subject Matter of Economics] // *THESIS: теория и история экономических и социальных институтов и систем.* Вып. 1. № 1. С. 10–23.

Розов Н.С. (2011). *Колея и перевал: макроэкономические основания стратегий России в XXI веке* [*Rozov N.S.* (2011). Rut and Pass: Macroeconomic Foundations of Russia's Strategies in the 21st Century]. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН).

Самигуллина А. (2008). Запрос на величие [*Samigullina A.* (2008). Request for Greatness] // *Газета ру*. https://www.gazeta.ru/politics/2008/12/29_a_2919791.shtml (дата обращения: 25.04.2023).

Тамбовцев В.Л. (2014). *Экономическая теория неформальных институтов* [*Tambovtsev V.L.* (2014). Economic Theory of Informal Institutions]. — М.: РГ-Пресс.

Тросби Д. (2013). *Экономика и культура* [*Throsby D.* (2013). Economy and culture]. — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Тульчинский Г.Л. (2018). *Политическая культура России: источники, уроки, перспективы* [*Tulchinsky G.L.* (2018). Political Culture of Russia: Sources, Lessons, Prospects]. — СПб.: Алетейя.

Чучкалов А.С., Алексеев А.И. (2020). Эффект колеи в эволюции сельских населённых пунктов республики Марий Эл [*Chuchkalov A.S., Alekseev A.I.* (2020).). The Track Effect in the Evolution of Rural Settlements in the Republic of Mari El.] // *Вестник Московского университета. Серия 5.* География. № 2. С. 53–65.

*Юдин Г** (2020). *Общественное мнение, или Власть цифр* [*Yudin* G.* (2020). Public Opinion or the Power of Numbers]. — СПб.: Изд-во ЕУСПб.

Acemoglu D., Robinson J. (2012). *Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity and Poverty*. — New York: Crown Business.

Alesina A., Giuliano P. (2014). Culture and Institutions // *Journal of Economic Literature*. Vol. 53. No. 4. Pp. 898–944. DOI: 10.1257/jel.53.4.898.

Büthe T., Jacobs A.M. (2017). Letter from the Editors // *Qualitative and Multi-Method Research*. Vol. 15. No. 1. Pp. 2–8.

Capoccia G. (2015). Critical Junctures and Institutional Change // *Advances in Comparative-Historical Analysis* / J. Mahoney, K. Thelen (eds.). — New York: Cambridge University Press. Pp. 147–179. DOI:10.1017/CBO9781316273104.007.

Capoccia G., Kelemen R.D. (2007). The Study of Critical Junctures: Theory, Narrative, and Counterfactuals in Historical Institutionalism // *World Politics*. Vol. 59. No. 3. Pp. 341–369. DOI:10.1017/S0043887100020852.

Collier D., Munk G.L. 2017. Building Blocks and Methodological Challenges: A Framework for Studies Critical Junctures // *Qualitative and Multi-Method Research.* Vol. 15. No. 1. Pp. 2–9.

Djankov S., Nikolova E. (2018). *Communism as the unhappy coming*: Policy Research Working Paper No. WPS 8399. — Washington, D.C.: World Bank Group URL: http://documents.worldbank.org/curated/en/303241522775925061/Communism-as-the-unhappy-coming (access date: 25.04.2023).

Harari M., Tabellini G. (2015). The Effect of Culture on the Functioning of Institutions // *Culture Matters in Russia – and Everywhere: Backdrop for the Russia-Ukraine Conflict* / L. Harrison, E. Yasin (eds.). — London and etc.: Lexington Books. Pp. 245–265.

*** Юдин Георгий Борисович включен в реестр иностранных агентов 19.01.2024**

Pew Research Center (2017). *In Russia Nostalgia for Soviet Union and Positive Feelings about Stalin*. Pew Research Site. 29.06. https://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/06/29/in-russia-nostalgia-for-soviet-union-and-positive-feelings-about-stalin/ (access date: 25.04.2023).

Roland G. (2020). Culture, Institutions and Development // *The Handbook of Economic Development and Institutions* / Ed. by J.-M. Baland, F. Bourguignon, J.-Ph. Platteau and Th. Verdier. — Princeton and Oxford: Princeton University press. Pp. 414–448.

The Human Freedom Index — 2021. (2021). Cato Institute. https://www.cato.org/human-freedom-index/2021 (access date: 25.04.2023).

Заостровцев Андрей Павлович
zao-and@yandex.ru

Andrey Zaostrovtsev
PhD (economics), professor, National Research University — Higher School of Economics
zao-and@yandex.ru

PATH DEPENDENCE, CULTURE AND CRITICAL JUNCTURES IN THE INSTITUTIONAL HISTORY

Abstract. In the article, the path dependence is considered, first of all, as a cultural phenomenon. Culture is understood as a stable, reproducible image of an ideal social order in historical time. It is identified with informal institutions that underlie formal institutions. Culture, on the one hand, is the binding material of historical epochs, and on the other hand, for this reason, it can also act as an institutional trap — an obstacle to modernization. Public opinion polls and toponymy can serve as indicators of national cultural characteristics. In Russia, these include the clear prevalence of positive assessments of the role of Stalin over similar assessments of Gorbachev and the preservation of toponymy of the communist era. The concept of critical junctures can be used both to explain the mechanism for getting on and off the historical track. In the article, it is illustrated by the diverging paths of Lithuania and Belarus in the 20th century. As a result, it is concluded that getting out of path dependence is possible, but requires a rare combination of key events, and therefore is the exception rather than the rule.

Keywords*: path dependence, culture, Stalin, toponimy, critical junctures, Lithuania, Belarus.*
JEL: A13, D02, Z13.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ТЕОРИЯ

И.А. Николаев
д.э.н., главный научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

КОНЦЕПЦИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СЛОЖНОСТИ КАК ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ ОСНОВА ВЫБОРА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ РОССИИ В УСЛОВИЯХ МАСШТАБНЫХ ВНЕШНИХ ОГРАНИЧЕНИЙ[1,2]

Аннотация. В России в настоящее время отсутствует утверждённая социально-экономическая стратегия. Разрабатывать данную стратегию придётся. Актуален вопрос о том, что могло бы стать теоретической основой для её разработки. В качестве теоретического базиса стратегии социально-экономического развития страны в статье предлагается использовать концепцию экономической сложности (economic complexity). В последние десятилетия эта теория стала по-настоящему популярной в исследовательской среде во всем мире. Однако многогранность соответствующих работ по-прежнему не отражает в полной мере тот факт, что, даже увязывая динамику сложности экономики с перспективами экономического роста, учёные недостаточно пытаются проецировать это на проблему разработки экономических стратегий.

Оценка того, что происходит со сложностью экономики, какие в ней наблюдаются процессы и какие есть перспективы, позволяет более обоснованно формулировать стратегию социально-экономического развития. Если национальная экономика усложняется, что находится в тренде развития современной экономики, то у такой экономики есть шансы на динамичное экономическое развитие. Если же, напротив, усложнение экономики замедляется, останавливается, а то и вовсе идёт вспять, рассчитывать на быстрое развитие не приходится.

Экономика России на фоне беспрецедентных санкций, связанных с острейшим геополитическим конфликтом вокруг Украины, вынужденно упрощается, уровень её сложности снижается. В такой ситуации применение теории экономической сложности говорит в пользу того, что у российской экономики отсутствуют шансы на устойчивый экономический рост в обозримой перспективе. Доказательная констатация этого важна в целях выбора оптимальной стратегии социально-экономического развития страны в условиях масштабных санкций.

Ключевые слова: *стратегия социально-экономического развития, теория экономической сложности, экономический рост, упрощение экономики.*

JEL: A11, E02, E61, E65

УДК: 338.22

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_22_34

© И.А. Николаев, 2023

© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Николаев И.А.* Концепция экономической сложности как теоретическая основа выбора экономической стратегии России в условиях масштабных внешних ограничений // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 22–34. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_22_34.

FOR CITATION: *Nikolaev I.* The Concept of Economic Complexity as a Theoretical Basis for Choosing Russia's Economic Strategy in the Context of Large-scale External Restrictions // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 22–34. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_22_34.

---

[1] Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

[2] Статья подготовлена в развитие одного из ключевых тезисов научного доклада «Дуализм экономической стратегии России в условиях внешних ограничений», представленного автором на заседании Учёного совета Института экономики РАН в июне 2023 г.

После 24 февраля 2022 г., когда обострился геополитический конфликт, связанный с событиями в Украине, российская экономика функционирует в стрессовых условиях. Тот факт, что экономические итоги 2022 г. (–2,1% по ВВП)[3] оказались значительно лучше, чем это представлялось весной 2022 г. (–8–10% по ВВП)[4], не должен вводить в заблуждение относительно её перспектив.

Учитывая остроту геополитического конфликта и непримиримость обозначенных противоборствующими сторонами позиций, реалистичная прогнозная оценка должна исходить из того, что кризисная ситуация пока будет развиваться. Скоро она, по-видимому, не разрешится. Это означает, что сильное санкционное давление на российскую экономику также, с большой долей вероятности, сохранится.

Факторы и теория сложности как основа для выбора экономической стратегии

Ещё в 2014 г. законодательно была закреплена необходимость разработки стратегии социально-экономического развития страны[5]. Возникает естественный вопрос: какой должна быть стратегия социально-экономического развития Российской Федерации в данный период? По-хорошему, выбор стратегии должен опираться как на анализ важнейших факторов, влияющих на перспективы развития, так и на теоретическую основу. Пофакторный анализ перспектив экономического развития в сложнейший период санкционных ограничений абсолютно необходим. Однако, даже если его результаты будут убедительно демонстрировать безальтернативность выбора той или иной экономической стратегии, то ответ на вопрос, есть ли у этой стратегии теоретический базис, остаётся очень важным и актуальным.

Необходимость теоретической проработки выбора стратегии социально-экономического развития предопределяется тем, что существует множество факторов, влияющих на экономическую динамику. Их действие может быть подчас разнонаправленным, а сама сила воздействия (влияния) того или иного фактора на экономический рост трудноизмерима. Это не означает, что количественную оценку влияния факторов делать не следует. Делать это необходимо, но не стоит переоценивать точность получаемых результатов.

Чтобы оценить перспективы экономического развития и принять соответствующую стратегию, требуется проанализировать такие факторы экономического роста, как потребительский спрос, инвестиции, экспорт. Если эти факторы относятся к традиционным, то среди новых возможных драйверов экономического роста по праву называют: кредитование малого и среднего бизнеса [*Орловский*, 2016], политику поддержки конкуренции [*Розанова, Комарницкая,* 2016; *Щербинина, Стефанова,* 2016], монетизацию экономики [*Черемисинова,* 2015], государственно-частное партнёрство [*Божаренко,* 2012], низкоуглеродное развитие [*Луговой, Лайтнер, Поташников*, 2015] и даже неравенство [*Косьмин, Косьмина,* 2016], а также многое другое (инфраструктуру, инновации, мегапроекты, отдельные отрасли, разнообразные институты и пр.).

---

[3] О производстве и использовании валового внутреннего продукта (ВВП). Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/22_20-02-2023.html (дата обращения: 11.07.2023).

[4] Среднесрочный прогноз Банка России по итогам заседания Совета директоров по ключевой ставке 29 апреля 2022 года. Банк России. http://www.cbr.ru/collection/collection/file/40964/forecast_220429.pdf (дата обращения: 11.07.2023).

[5] Федеральный закон от 28.06.2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». Президент России. http://www.kremlin.ru/acts/bank/38630 (дата обращения: 11.07.2023).

Необходимо учитывать, что помимо факторов, которые в той или иной степени можно рассматривать в качестве возможных драйверов, перспективы роста зависят и от того, насколько продолжительным может быть действие санкций, в каком объёме есть необходимые ресурсы (финансы, кадры, технологии и пр.) для противостояния санкционному давлению, будет ли сохраняться высокой неопределённость экономической ситуации, как в целом пока чувствует себя российская экономика, какие настроения у бизнеса и т.д. (подробнее см. [*Николаев*, 2023]). Но даже если с учётом названного выше станет очевидной та или иная траектория экономического развития, то всё равно важно будет понять, существуют ли теоретические аргументы в пользу этой траектории. Если их нет, то надо быть готовым, что реальное развитие экономической ситуации может в конечном итоге отличаться от того, что на основе факторного анализа могло показаться очевидным. Если такие аргументы есть, то это, безусловно, также не гарантирует верность ожидаемой экономической динамики, но шансы в пользу её достоверности повышаются.

Ситуация, когда стратегия выбирается на основе определяющих её факторов, даже без серьёзного теоретического фундамента, — это ещё удовлетворительная ситуация. В таком случае всё-таки реализуется научный подход, пусть и не в полной мере, без теории. Гораздо чаще стратегии выбираются не экономистами-исследователями, а правящей элитой на основе доминирующих идеологий [*Полтерович*, 2017]. Именно это в значительной степени предопределяет неудачи как экономического реформаторства, так и развития экономики в целом. Определяясь сегодня в России с теоретической основой выбора экономической стратегии, придётся искать ответ на вопрос, учитывая огромное множество экономических теорий и концепций: какая (-ие) из них может (-гут) стать убедительным аргументом в пользу правильного выбора экономической стратегии в нынешних форс-мажорных условиях?

Среди множества теорий обращает на себя внимание теория экономической сложности (*economic complexity*). Когда сегодня исследователи говорят об этой теории, они не без оснований утверждают, что можно вести речь даже ни много ни мало, как о становлении нового экономического мышления, отражающего трансформацию традиционных иерархических систем в сложные адаптивные системы (complex adaptive systems — CAS) [*Смородинская*, 2018]. Утверждается, что в ходе экосистемной трансформации национальные экономики приобретают не только новые возможности роста, но и новые стандарты организации и поведения. Развитие идёт за счёт того, что в сетевой среде макроуровневые (агрегированные) структуры связей возникают благодаря взаимодействию агентов и их групп на микро- и мезоуровнях.

Вопросы трансформации традиционных иерархических систем нашли в последние десятилетия отражения в работах многих зарубежных исследователей (см, например, [*Williamson*, 2005; *Schneider*, 2012; *Martin*, *Sunley*, 2007] и др.). Внимательное отношение к ним, развитие собственных идей отличает и работы отечественных учёных [*Кирдина-Чэндлер,* 2017a; *Кирлина-Чэндлер*, 2017b; *Смородинская*, 2018; *Дементьев, Евсюков, Устюжанина,* 2017*; Катуков,* 2014; *Любимов, Лысюк, Гвоздева,* 2018; *Волошенко, Дрок, Фарафонова,* 2019].

Получает развитие такое направление исследований, как институциональная сложность [*Тамбовцев*, 2023]. В. Тамбовцев, казалось бы, только ставит вопрос о том, является ли институциональная сложность новым направлением изучения институтов, но, по-моему, на самом деле он волне утвердительно сам же и отвечает на него[6].

---

[6] С этим утверждением автора трудно согласиться: «Возвращаясь к вопросу, вынесенному в заголовок этой статьи, можно, как показывает проведённый анализ, дать следующий неполиткорректный ответ на него: за понятием “институциональной сложности” скрывается удобство его использования при написании статей, не содержащих нового научного знания. Неопределённость этого понятия даёт самые широкие возможности его использования в меняющемся и ускользающем смысле, на основе чего автор может неограниченно долго рассуждать о нём, не делая попыток строго обосновать свои утверждения» — *Тамбовцев В.Л.* Институциональная сложность: новое направление изучения институтов? // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 2. С. 31. — *Прим. ред.*

Что касается прикладного использования теории сложности применительно к определению стратегии социально-экономического развития России на современном этапе, когда экономика страны находится под сильнейшим санкционным давлением, то в этом случае необходимо обратить внимание на идеи экономистов Р. Хаусмана и Ц. Идальго [*Hausmann, Hidalgo,* 2009; *Hausmann, Hidalgo,* 2023]. Суть их интерпретации (развития) теории состоит в утверждении, что если те или иные страны обладают значительными производственными знаниями (технологиями, ноу-хау и пр.), то они имеют лучшие перспективы для наращивания диверсифицированного экспорта своей продукции. Это открывает путь для ускоренного экономического развития, так как такую основу для экспорта можно рассматривать как важное конкурентное преимущество. Для того чтобы оценить, насколько значительными производственными знаниями обладают те или иные страны, предлагается анализировать экспортные корзины стран с целью выявления продукции, у которой у них есть сравнительные преимущества на международных рынках. Так как экспортируемая продукция различается с точки зрения необходимых для её производства возможностей (в том числе необходимых ингредиентов), это даёт представление о потенциальных экспортных возможностях страны и, следовательно, о перспективах экономического развития.

Получается, что уровень и качество диверсификации экспорта отражает как степень экономического развития страны, так и перспективы этого развития. Тем самым фактически предложен подход к измерению сложности экономики. Можно соглашаться или нет с тем, следует ли оценивать сложность экономики, выводя соответствующие коэффициенты на основе анализа экспортных корзин, а заодно заниматься построением атласов экономической сложности. Однако такой подход означает переход от чисто теоретической экономики к её практической составляющей.

Очень важно, что как только сложность экономики стала оцениваться через использование показателей-измерителей, так сразу актуализировалось и интенсифицировалось изучение вопроса о взаимосвязи сложности экономики и темпов ее роста [*Hausmann, Hidalgo, Bustos, Coscia, Chung, Jimenez, Simoes, Yildirim,* 2014*; Никонов, Вотинов*, 2018; *Vinci, Benzi,* 2018; *Gala, Rocha, Magacho*, 2018; *Sbardella, Pugliese, Zaccaria, Scaramozzino*, 2018].

Имея «под рукой» показатели сложности экономики, нетрудно заметить, что между ними и показателями экономического роста существует явная взаимосвязь. Выявление такой взаимосвязи открывает перспективы для более точного прогнозирования макроэкономической динамики. Такие возможности существуют уже сегодня, хотя пока они явно недооцениваются. Учитывая, что проблема измерения сложности экономики ещё только разрабатывается, а потенциал такой разработки остаётся высоким, можно утверждать, что перспективы макроэкономического прогнозирования благодаря теории сложности явно улучшились.

Перспективность оценок через экспорт подтверждается результатами целого ряда работ, в которых освещается вопрос влияния роста экспорта на производительность труда и совокупную производительность. Следует выделить соответствующую работу ОЭСР, в которой взаимосвязь экспорта и производительности анализируются на примере опыта Латвии и Эстонии [*Benkovskis, Masso, Tkacevs, Vahter, Yashiro,* 2017]. В работе рассматриваются данные по компаниям в разрезе по отраслям. Опыт Латвии рассмотрен на основе анализа данных за 2006–2014 гг., Эстонии — за 2005–2014 гг. Не анализировались данные компаний, представляющих следующие отрасли: добыча полезных ископаемых, сельское хозяйство, производство и распределение электроэнергии и воды, государственные услуги. В анализ включалось от 40 тыс. до 70 тыс. предприятий Латвии ежегодно и до 100 тыс. предприятий по Эстонии. Специфика компаний этих стран такова, что более 80% выборки составили малые предприятия с численностью работников до 10 человек, причём их число увеличивалось со временем: 2014 г. — 88% в Латвии, 93,8% в Эстонии. Доля компаний-экспортёров составляла всего 6-8% в Латвии и 12% в Эстонии от числа компаний,

при этом компании-экспортёры были крупнее, на их долю приходилось более 30% занятых в течение всего исследуемого периода и в последние годы порядка 55% оборота в обеих странах. Рассматривалось влияние выхода компаний на экспортный рынок на динамику производительности труда. Авторы исследования пришли к выводу, что выход компаний на экспортный рынок существенно повышает производительность труда. В год выхода на экспортный рынок производительность труда в Латвии в среднем прирастала на 23% и на третий год — на 20%, в Эстонии, соответственно, на 14 и 13,5%.

Прирост производительности труда при выходе на экспортный рынок является следствием большой работы внутри компаний, повышения эффективности их организационных, технологических, производственных процессов и т.д. Всё это требуется для выхода на внешний рынок. Желание стать экспортёром побуждает компании применять наиболее продвинутые практики, активно повышать собственную эффективность. Среди экспортёров высока доля компаний, внедряющих самые разнообразные инновации. Все экспортёры-инноваторы совершенствовали производственный процесс, большинство занимались организационными изменениями. Экспортёры товаров промежуточного потребления также реализовывали маркетинговые инновации, экспортёры услуг — продуктовые инновации. Опираясь на результаты данных исследований, можно сделать вывод, что выход на экспортные рынки, расширение присутствия на них неминуемо усложняет и деятельность компаний, и функционирование экономики в целом. Получается, что повышение сложности экономики является естественным следствием работы по завоеванию новых экспортных рынков.

Следует выделить и работу британского Центра экономической продуктивности [*Steinwender,* 2015]. К. Штайнвендер рассмотрела данные 4000 компаний Испании с 1993–2007 гг. Исследование показало, что увеличение экспорта компаний на 10% в среднем приводит к росту уровня производительности труда на 1,1%. Также заслуживающим внимание результатом стал вывод о том, что рост производительности у экспортёров наблюдается только в случае, если компании и до наращивания экспорта были высокопроизводительными. Это достаточно интересное наблюдение, которое находится в некотором противоречии с результатами других, в том числе приведённых выше исследований. Что касается импорта, то здесь связь слабее, но тем не менее автор делает вывод, что компаниям с низким уровнем технического оснащения удаётся повысить производительность в ответ на усиление конкуренции со стороны импорта. Отмечается, что сложно выделить эффект от импорта и экспорта отдельно, так как многие компании одновременно и импортируют, и экспортируют. Автор также отмечает, что всё увеличение производительности наблюдалось ввиду роста НИОКР, числа патентов, инноваций. Выход на экспортный рынок также сопутствовал адаптации к международным технологиям.

О повышении производительности при выходе на экспортный рынок пишет и Й. Шварцер [*Schwarzer,* 2017]. Он также отмечает, что будущие экспортёры демонстрируют более высокий уровень производительности труда по сравнению с компаниями, которые не ставят себе задачи по завоеванию экспортных рынков. На основании рассмотрения опыта около 14 тыс. западноевропейских компаний за 1993–2014 гг. даётся такая оценка: премия за выход на экспортный рынок обычно составляет около 35% прироста уровня производительности труда. Й. Шварцер на основе регрессионной модели премию за выход на экспортный рынок среди немецких компаний оценивает в 38%. Компании обучаются на своём опыте выхода на экспортные рынки, что оказывает ещё больший эффект и на повышение производительности труда, и на рост основных экономических показателей. Прирост производительности труда после выхода на экспортные рынки выше для компаний сектора промышленного производства по сравнению с компаниями сектора услуг. Точнее, он дольше наблюдается, в то время как для компаний сферы услуг соответствующий эффект в среднем длится два года.

Результаты рассмотренных исследовательских работ убедительно показывают, что общая экономическая динамика в значительной мере определяется тем, насколько широко и эффективно реализуются возможности экспорта. Экспорт не сам по себе автоматически даёт весомую прибавку добавленной стоимости. Чтобы выйти на экспортные рынки, требуется повышать производительность труда, а это приводит к усложнению производства через внедрение новых технологий и использование всё более новой и современной техники. «Технологический» фактор позволяет в целях повышения конкурентоспособности экспортируемой продукции или удешевлять её производство, или производить продукцию с новыми потребительскими характеристиками. Именно для этого требуется внедрять новые, всё более современные технологии, отличающиеся повышенной сложностью. Развитие экономики происходит через её усложнение.

Применение теории экономической сложности в прикладном плане не только показало её работоспособность, но и дало основания, по мнению автора, утверждать, что экономическую сложность необходимо рассматривать в более широком контексте. Экономическая сложность — это не только накопленные производственные знания, это не только технологии, это и накопленные знания по всем факторам производства.

Реальность состоит в том, что экономика развивается через усложнение. Совершенствуются не только производственные технологии, но и технологии управления и пр. Так происходит потому, что именно через усложнение можно получить определённые конкурентные преимущества, производить продукцию или оказывать услуги с большей добавленной стоимостью, сделать следующий шаг в своём развитии. Если процесс усложнения останавливается, тем более, если он обращается вспять, развития не происходит, наступает застой, примитивизация или даже деградация.

Фактически на этот же принципиальный момент обращает внимание и Х. Виссема [*Виссема,* 2000], утверждая, что в настоящее время, если необходимо усилить конкурентоспособное положение на международном уровне, проблему можно решить путём увеличения добавленной стоимости. А вот наиболее действенным способом в этом случае является «наполнение» продуктов и методов производства знаниями. Остаётся добавить: «наполнение» знаниями — это как раз и есть повышение сложности экономики[7].

Снижение сложности российской экономики

Реалии современной экономики таковы, что к её усложнению подталкивает усиливающаяся конкуренция. Именно конкуренция, как и выход на экспортные рынки (хотя разделение провести здесь достаточно сложно, так как выход на экспортные рынки — это и одновременное усиление конкуренции), заставляет производителей повышать конкурентоспособность своей продукции через её усложнение, наделяя её новыми потребительскими характеристиками или удешевляя через совершенствование технологических процессов изготовления.

Если по тем или иным причинам конкуренция ослабевает, то теряются важнейшие стимулы, благодаря которым возрастает сложность экономики. Подсанкционная эконо-

[7] Таким образом, экономическая сложность фактически определяется через диверсификацию экспорта национальной экономики. При этом, однако, следует обратить внимание на то обстоятельство, что в ряде богатых стран добавленная стоимость обрабатывающей промышленности, на примерах которой строит свою аргументацию автор, занимает лишь 9–12% ВВП. Стоит отметить также, что включение тех или иных стран в зону свободной торговли существенно повышает объёмы экспорта и импорта. Последнее распространяется даже на страны бывшей Советской Прибалтики, переживающие деиндустриализацию и депопуляцию. Вряд ли, однако, эти процессы следует отождествлять с «наполнением экономики знаниями» — *Прим. ред.*

мика России отличается тем, что уровень конкуренции в ней снижается. Конкуренция ослабевает по ряду причин.

Во-первых, снижение уровня конкуренции связано с уходом иностранных компаний из России. Точной официальной статистики здесь нет. Экспертные оценки сводятся к тому, что с весны 2022 г. ушли с российского рынка сотни иностранных компаний, включая многие мировые бренды. Таким образом, негативное влияние на конкуренцию существует.

Однако ФАС России придерживается иного мнения[8]. Служба признает, что добровольный уход отдельных иностранных участников повлиял на состояние конкуренции на отдельных товарных рынках в России. В результате этого произошло перераспределение долей участников на рынке. В то же время ФАС оценивает, что около 75% иностранных компаний продолжили свой бизнес в России. В целом ФАС не считает, что уход иностранных компаний из России имел негативные последствия. Объясняет Служба свою позицию тем, что за право приобрести активы уходящих компаний шла серьёзная конкурентная борьба. Кроме того, в результате ухода с рынка крупных иностранных игроков для отдельных секторов экономики России, например рынка информационных технологий, вообще предоставилась возможность активного развития.

Тем не менее, даже если согласиться с тем, что уход иностранных компаний из России не имел для отечественной экономики негативных последствий, встаёт вопрос, как такое может быть, если одновременно официально признаётся, что 25% иностранных компаний всё-таки прекратили свою деятельность в России.

Во-вторых, конкуренция снижается и из-за того, что государство, учитывая специфику и глубину нынешнего геополитического конфликта, а также непростую экономическую ситуацию, выстраивает систему защиты и разного рода преференций для отечественных производителей, прежде всего государственных. Это нормальная и естественная реакция государства в тяжёлый для экономики период, для чего у государства есть, к примеру, такой инструмент, как госконтракты. Но одновременно практически неизбежным следствием такой поддержки является снижение уровня конкуренции в экономике. В качестве примера того, какие меры были предприняты Правительством Российской Федерации в 2022-2023 гг., следует назвать:

- повышенные авансы по госконтрактам[9];
- изменение цены госконтракта в связи с ростом стоимости ресурсов[10];
- сокращение срока оплаты по договорам с госкомпаниями и госкорпорациями[11] и др.

Эти меры поддержки экономики сыграли позитивную роль, особенно в начальный период после февраля 2022 г., который можно охарактеризовать как шоковый. Но одновременно эти же меры вынужденно снизили уровень конкуренции в экономике, что оказало негативное влияние на уровень её сложности.

---

[8] Доклад о состоянии конкуренции в Российской Федерации за 2022 год. Федеральная антимонопольная служба. https://fas.gov.ru/documents/689041 (дата обращения: 08.07.2023).

[9] Постановление Правительства Российской Федерации от 29 марта 2022 г. № 505 «О приостановлении действия отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации и установлении размеров авансовых платежей при заключении государственных (муниципальных) контрактов в 2022 году». Правительство России. http://static.government.ru/media/files/AMQgg4wJJXACAYmZVnMDL7NTj1NlAjYt.pdf (дата обращения: 08.07.2023).

[10] Постановление Правительства Российской Федерации от 23 марта 2022 г. № 439. «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации». Правительство России. http://static.government.ru/media/files/IO1L436m0W0AYfrArOAht3qAYDoVuiBj.pdf (дата обращения: 08.07.2023).

[11] Постановление Правительства Российской Федерации от 21 марта 2022 г. № 417. «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам осуществления закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд и закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц». Правительство России. http://static.government.ru/media/files/ejZnaiAoQ0xQoL9vuBg5Vw34IdZA2KlB.pdf (дата обращения: 08.07.2023).

В условиях беспрецедентных санкций, обрушившихся на российскую экономику, процесс её усложнения объективно, как минимум, затормозился. Торможение усложнения в таких условиях естественно. Технологические санкции влияют на сложность самым негативным образом. Уход с российского рынка мировых компаний, одновременно являющихся и технологическими лидерами в своих областях, также имеет негативные последствия.

В условиях ухудшившейся экономической ситуации, обострившихся проблем с импортными комплектующими и материалами, предприятия вынуждены упрощать выпускаемую продукцию (яркий пример — отечественный автопром). Когда решается вопрос, выпускать ли более простую, технически менее сложную продукцию или не выпускать вообще никакую, пытаясь решить в конечном итоге проблемы с импортными комплектующими и пр., рациональность выбора состоит в том, чтобы пойти по первому пути. Так, как правило, и поступают. Одновременно это свидетельствует и об упрощении производства, о снижении сложности экономики. В таком случае экономика не может рассчитывать на высокие темпы экономического роста[12].

Такое рациональное поведение не означает, что процесс снижения сложности экономики начинает идти линейно и только в одну сторону. Возможны и позитивные откаты. Так, как правило, и происходит. Если вновь взять в качестве примера уже упомянутый отечественный автопром, то спустя почти полтора года после февраля 2022 г., т.е. к середине 2023 г., в России стали производить свои антиблокировочные системы (ABS), но, конечно, ещё потребуется определённое время, чтобы все технологические процессы были полностью отлажены.

Правительство не только принимает меры, которые сказываются на общем уровне конкуренции и тем самым «подталкивают» к «упрощению» экономики. Оно также принимает и прямо «упрощающие» решения. Это также направлено на обеспечение устойчивости функционирования экономики. После февраля 2022 г. Правительством Российской Федерации был принят целый ряд необходимых в этом плане решений. К примеру, упрощение затронуло:

- госэкспертизу в строительстве[13];
- ввоз в Россию электронных устройств и оборудования[14];
- порядок регистрации автомобилей[15];

---

[12] Стоит напомнить об экономической блокаде СССР, которая была объявлена странами Антанты (и присоединившейся к ним Германии). Безусловно, после мировой и гражданской войн экономика Советской России значительно упростилась. Что, однако, не помешало впоследствии добиться её значительного усложнения и быстрого роста. Это произошло, несмотря на все ошибки большевистского руководства и условия внешней торговли, которые были намного хуже, чем те, в которых оказались власти постсоветской России после 24.02.2022 — *Прим. ред.*

[13] Постановление Правительства Российской Федерации от 04.04.2022 № 579 «Об установлении особенностей внесения изменений в проектную документацию и (или) результаты инженерных изысканий, получившие положительное заключение государственной экспертизы, в том числе в связи с заменой строительных ресурсов на аналоги, особенностей и случаев проведения государственной экспертизы проектной документации». Официальное опубликование правовых актов. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202204060020 (дата обращения: 08.07.2023).

[14] Постановление Правительства Российской Федерации от 09.05.2022 № 834 «Об установлении особенностей ввоза в Российскую Федерацию шифровальных (криптографических) средств и товаров, их содержащих». Официальное опубликование правовых актов. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202205160011 (дата обращения: 08.07.2023).

[15] Постановление Правительства Российской Федерации от 15.07.2022 № 1269 «О внесении изменений в Правила применения обязательных требований в отношении отдельных колесных транспортных средств и проведения оценки их соответствия». Официальное опубликование правовых актов. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202207180029 (дата обращения: 08.07.2023).

- подтверждение страны происхождения товаров[16];
- схему получения и переоформления лицензий и разрешений[17] и т.д[18].

Что касается госэкспертизы в строительстве, то суть данного упрощения (пока такой порядок установлен до конца 2023 г.) состоит в том, что для начала строительства и его окончания застройщику не требуется предоставлять органам строительного надзора градостроительный план земельного участка и ряд других документов. Введены также и другие упрощающие процедуры в строительстве.

Упрощение ввоза в Россию электронных устройств и оборудования касается оформления нотификации (документа, который требуется для всех электронных устройств, поддерживающих криптографические возможности или шифрование: смартфоны, планшеты, ноутбуки, компьютеры, микросхемы, рации).

Что касается упрощения действующего порядка регистрации автомобилей, то главное новшество заключается в том, что было отменено одно из обязательных требований к техническому оснащению автомобилей — теперь эксплуатация автомобиля возможна без устройств вызова экстренных служб «ЭРА-ГЛОНАСС».

Решение об упрощении процедуры документального подтверждения товаров, ввозимых из развивающихся и из наименее развитых стран, было принято Советом Евразийской экономической комиссии. Появилась возможность использовать для получения тарифных преференций копии сертификатов о происхождении товаров.

Переоформление лицензий и разрешений стало возможным по упрощенной схеме. Кроме того, срок действия лицензий и других видов разрешительных документов был автоматически продлён ещё на один год.

Эти и другие меры Правительства Российской Федерации, направленные на снижение административной нагрузки в экономике, являются, безусловно, необходимыми. Они направлены на поддержание предпринимательской активности в сложный для экономики период. Однако одновременно принятие этих решений свидетельствует об упрощении экономики. То есть получается, с одной стороны, что эти меры, как отмечалось, направлены на поддержание предпринимательской активности, а с другой — «упрощая» экономику, они препятствуют её ускоренному развитию в перспективе. Конкурентоспособность товаров, конкурентоспособность экономики в целом, а следовательно, и шансы на ускоренное развитие экономики снижаются при принятии «упрощающих» решений.

Инициативы правительства дополняются предложениями «с мест». Так, Союз производителей нефтегазового оборудования предложил приостановить действие международных технических стандартов (ISO) на территории Российской Федерации[19]. Вероятность, что такая инициатива может быть поддержана Правительством Российской Федерации, достаточно высока. Заместитель Председателя Правительства Российской Федерации Д.В. Мантуров ещё летом 2022 г. указывал, что сложившаяся экономическая ситуация заставила вернуться к вопросу о необходимости создания отечественной системы стандар-

---

[16] Решение Совета Евразийской экономической комиссии №33 от 17 марта 2022 г. «О внесении изменений в Правила определения происхождения товаров из развивающихся и наименее развитых стран». Евразийский экономический союз. Правовой портал. https://docs.eaeunion.org/docs/ru-ru/01431475/err_18032022_33 (дата обращения: 08.07.2023).

[17] Постановление Правительства Российской Федерации от 12.03.2022 № 353 «Об особенностях разрешительной деятельности в Российской Федерации в 2022 году». Официальное опубликование правовых актов. http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202203140039 (дата обращения: 08.07.2023).

[18] Перечисленные автором правовые акты никак не связаны с диверсификацией экспорта, что противоречит ранее введённому критерию экономической сложности. Вероятно, их можно оценить как «институциональные упрощения», направленные на сокращение трансакционных издержек экономических агентов. В соответствии с экономическим мэйнстримом, однако, такое упрощение будет способствовать росту национальной экономики, а не наоборот — *Прим. ред.*

[19] Денис Мантуров: тотального отказа от принципов рыночной экономики не будет. Интерфакс https://www.interfax.ru/russia/856544 (дата обращения: 08.07.2023).

тизации и сертификации[20]. Обосновывается это тем, что проблема использования в реализуемых в России проектах иностранных стандартов раньше была обусловлена участием в этих проектах иностранных лицензиаров и подрядчиков. Именно поэтому, как утверждается, российские производители для участия в тендерах были вынуждены получать сертификаты соответствия иностранным стандартам[21].

Получается, что применение иностранных стандартов российским компаниям необходимо было по формальным основаниям. На самом деле, вряд ли только этим и ограничивались стимулы по использованию международных стандартов, уровень которых был и остаётся, безусловно, высоким. Их применение позволило не только поддерживать, но и повышать технологический уровень отечественного производства. Отказ от их применения неминуемо негативно скажется на уровне производства. Но это в сложившихся сегодня условиях будет тем упрощением производства, на которое лучше вынужденно пойти, чем поставить под вопрос сами перспективы производственной деятельности.

С точки зрения снижения сложности российской экономики показательно то, как меняются приоритеты и география международного сотрудничества наших крупнейших госкорпораций, таких как «Росатом» и «Роскосмос». Так, на Петербургском международном экономическом форуме, состоявшемся в июне 2023 г., «Росатом» подписал с Мьянмой меморандум о строительстве ветропарков на 172 и 200 МВт[22]. Пока речь идёт только о начале технико-экономических предпроектных работ в сфере строительства ветроэнергетических станций. «Роскосмос», в свою очередь, достиг в конце 2022 г. договоренности с Зимбабве о сотрудничестве в области создания и запуска малых космических аппаратов[23]. Летом 2023 г. состоялась встреча руководства госкорпорации «Роскосмос» с представителями Конго для обсуждения перспектив сотрудничества в области исследования и использования космического пространства в мирных целях[24].

Вряд ли случайно такое изменение географии в области международного сотрудничества российских госкорпораций. Это в значительной степени вынужденная переориентация. Однако это и своего рода упрощение, снижение сложности в соответствующих научно-производственных областях. Следует признать, что, когда сужается, а то и вовсе по каким-либо направлениям прекращается сотрудничество с рядом передовых научно-технологических стран, лучше использовать и такие возможности расширения географии сотрудничества. Поэтому отечественные госкорпорации действуют рационально, а значит, в нынешних условиях правильно. Однако это не отменяет констатации, что сложность российской экономики, если смотреть и через эту призму, в целом снижается[25].

Есть и другие убедительные доказательства снижения сложности российской экономики на фоне санкционного давления. Например, логично было бы предположить, что в такой период должен возрастать спрос на неквалифицированный труд. Соответствующая статистика подтверждает верность данного предположения. Одновременно спрос на квалифицированных работников (прежде всего, рабочих специальностей) должен снижаться.

---

[20] Там же.

[21] Там же.

[22] «Росатом» подписал с Мьянмой меморандум по строительству ветропарков. РИА Новости. https://ria.ru/20230615/myanma-1878259170.html (дата обращения: 08.07.2023).

[23] «Роскосмос» будет сотрудничать с Зимбабве в вопросах создания и запуска малых спутников. ТАСС. https://tass.ru/kosmos/16743029 (дата обращения: 08.07.2023).

[24] «Роскосмос» и Географический институт Демократической Республики Конго обсудили вопросы двустороннего сотрудничества. РОСКОСМОС. https://www.roscosmos.ru/39360/ (дата обращения: 08.07.2023).

[25] Конечно, автора заботит прежде всего проблема снижения сложности отечественной экономики. Но всё же, представляется, ему стоило бы также заметить, что и страны, прекратившие в силу тех же геополитических причин сотрудничество с «Росатомом» и «Роскосмосом», резко снизили свой уровень конкурентности и сложности, что должно привести к падению темпов их экономического роста. — *Прим. ред.*

Реальность (по данным выборочных обследований Росстата) свидетельствует, что именно такие тенденции и наблюдаются в Российской экономике.

Предварительно необходимо отметить, что формальный рост в 2021–2022 гг. численности специалистов высшей квалификации не должен вводить в заблуждение. Хотя численность таких специалистов увеличилась, по данным Росстата, с 18 774 тыс. до 19 268 тыс. человек, т.е. на 494 тыс. человек (на 2,6%), достигнуто это, прежде всего, за счёт роста численности специалистов в области здравоохранения[26]. На фоне борьбы с пандемией COVID-19 численность специалистов высшей квалификации в здравоохранении только за один год выросла с 1 590 тыс. до 1 858 тыс. человек, т.е. на 268 тыс. человек (на 16,9%).

В 2022 г., по сравнению с 2021 г., численность квалифицированных рабочих промышленности, строительства, транспорта и рабочих родственных занятий снизилась с 9 549 тыс. до 8 889 тыс. человек (на 6,9%). В то же время численность неквалифицированных рабочих возросла с 5 565 тыс. человек до 5 623 тыс. человек (на 1%)[27]. Получается, что только за один 2022 г. численность квалифицированных рабочих заметно снизилась при одновременном росте численности неквалифицированных рабочих. Это также свидетельствует об упрощении экономики.

Таким образом, концепция экономической сложности, широкая трактовка которой тесно увязывает развитие экономики через её усложнение, получает свое подтверждение при анализе происходящего сегодня в российской экономике. Она вынужденно упрощается, и это делает невозможным её ускоренное развитие в обозримой перспективе.

Данная констатация важна при выборе стратегии социально-экономического развития России в условиях масштабного санкционного давления. Экономическая наука, возможно, и не смогла до сих пор предложить общую и убедительную методологию проектирования стратегии [*Полтерович*, 2017], но на кое-что важное, к чему стоит прислушаться, она все-таки может обратить внимание.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Божаренко О.Ю. (2012).Государственно-частное партнёрство как драйвер экономического роста [*Bozharenko O.Yu.* (2012).Public-private partnership as a driver of economic growth] // *Terra Economicus.* Т. 10. №1. С.26-29.

Виссема Х. (2000). *Стратегический менеджмент и предпринимательство: возможности для будущего процветания* [*Wissema H.* (2000).Strategic management and entrepreneurship: opportunities for future prosperity]. — М. Издательство «Финпресс».

Волошенко К.Ю., Дрок Т.Е., Фарафонова Ю.Ю. (2019). Экономическая сложность на субнациональном уровне — инновационная парадигма регионального развития [*Voloshenko K.Yu., Drok T.E., Farafonova Yu.Yu.* (2019).Economic complexity at the subnational level is an innovative paradigm for regional development] // *Вопросы инновационной экономики*. Т. 9. № 3. С. 735–752. DOI: 10.18334/vinec.9.3.40822.

Дементьев В.Е., Евсюков С.Г., Устюжанина Е.В. (2017). Гибридные формы организации бизнеса: к вопросу об анализе межфирменных взаимодействий [*Dementiev V.E., Evsyukov S.G., Ustyuzhanina E.V.* (2017). Hybrid forms of business organization: to the question of the analysis of interfirm interactions] // *Российский журнал менеджмента.* Т. 15. № 1. С. 89–122. DOI: 10.21638/11701/spbu18.2017.105.

Катуков Д.Д. (2014).Кластерная инициатива как особый экономический проект: европейская и российская практика [*Katukov D.D.* (2014).Cluster initiative as a special economic project: European and Russian practice] // *Инновации*. Т. 189. № 7. С. 47–52.

Кирдина-Чэндлер С.Г. (2017a). *Мезоуровень: новый взгляд на экономику?*: Научный доклад [*Kirdina-Chandler S.G.*(2017a). Mesolevel: a new look at the economy? Scientific report]. — М.: Институт экономики РАН.

Кирдина-Чэндлер С.Г. (2017b). Эволюция социально-экономических систем на мезоуровне: пределы многообразия [*Kirdina-Chandler S.G.* (2017b).Evolution of socio-economic systems at the mesolevel: the limits

[26] Занятое население в возрасте 15 лет и старше по полу и группам занятий на основной работе в 2017–2022 гг. (в соответствии с ОКЗ ОК 010-2014). Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru/labour_force (дата обращения: 08.07.2023).

[27] Там же.

of diversity] // *Очерки по экономической синергетике.* — М.: ИЭ РАН, МРОО Центр эволюционной экономики. С. 47–67.

Косьмин А.Д., Косьмина Е.А. (2016). О виртуальном драйвере экономического роста (или о гармонизации неравенства) [*Kosmin A.D., Kosmina E.A.* (2016).On the virtual driver of economic growth (or on the harmonization of inequality)] // *Российское предпринимательство.* Т. 17. №9. С.1119-1144. DOI: 10.18334/rp.17.9.35184.

Луговой О.В., Лайтнер Д., Поташников В.Ю. (2015).Низкоуглеродное развитие как драйвер экономического роста [*Lugovoi O.V., Lightner D., Potashnikov V.Yu.* (2015). Low-carbon development as a driver of economic growth] // *Российское предпринимательство.* №16 (23). С. 4221–4228. DOI: 10.18334/rp.16.23.2159.

Любимов И.Л., Лысюк М.В., Гвоздева М.А. (2018). Атлас экономической сложности российских регионов [*Lyubimov I.L., Lysyuk M.V., Gvozdeva M.A.* Atlas of the economic complexity of Russian regions] // *Вопросы экономики.* № 6. С. 71–91. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-6-71-91.

Николаев И.А. (2023). Драйверы экономического роста: возможности и перспективы их использования в подсанкционной экономике России [*Nikolaev I.A.* (2023). Drivers of economics growth: opportunities and prospects in the sub-sanctioned economy of Russia]. // *Вестник Института экономики Российской академии наук.* № 1. С. 59–74. DOI: 10.52180/2073-6487_2023_1_58_74.

Никонов И.В., Вотинов А.И. (2018).Анализ перспектив развития экономики Армении с применением теории экономической сложности [*Nikonov I.V., Votinov A.I.* (2018).Analysis of the prospects for the development of the Armenian economy using the theory of economic complexity] // *Математические методы экономики.* №4. С. 121–131. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-4-121-131.

Орловский К.А. (2016). Кредитование малого и среднего бизнеса как драйвер экономического роста России в современных условиях [*Orlovsky K.A.* (2016). Lending to small and medium-sized businesses as a driver of Russia's economic growth in modern conditions] // *Таврический научный обозреватель.* №11. С. 169–173.

Полтерович В.М. (2017). Разработка стратегий социально-экономического развития: наука vs идеология [*Polterovich V.M.* (2017). Development of strategies for socio-economic development: science VS ideology] // *Вопросы теоретической экономики.* №1. С. 55–65.

Розанова Н.М., Комарницкая А.Н. (2016). Политика поддержки конкуренции как драйвер экономического роста [*Rozanova N.M., Komarnitskaya A.N.* (2016). Competition support policy as a driver of economic growth] // *Вопросы регулирования экономики.* Т. 7. №1. С. 19–33.

Смородинская Н.В. (2018). Структурные особенности и механизмы развития экономических систем с позиций теории сложности: мезоуровень или мезосостояние? [*Smorodinskaya N.V.* (2018). Structural features and mechanisms of development of economic systems from the standpoint of complexity theory: meso-level or meso-state?] // *Мезоэкономика:состояние и перспективы* / Под ред. В.И. Маевского, С.Г. Кирдиной-Чендлер, М.А. Дерябиной. — М.: ИЭ РАН, 2018. С. 107–130.

Тамбовцев В.Л. (2023). Институциональная сложность: новое направление изучения институтов? [*Tambovtsev V.L.* (2023).Institutional Complexity: A New Direction for the Study of Institutions?] // *Вопросы теоретической экономики.* №2. С. 22–34. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_22_34.

Черемисинова Д.В. (2015). Монетизация экономики как драйвер экономического роста [*Cheremisinova D.V.* (2015).Monetization of the economy as a driver of economic growth]// *ECONOMICS*. 2015. №6 (7). С. 33–38.

Щербинина М.Ю., Стефанова Н.А. (2016). Конкуренция как драйвер экономического роста [*Shcherbinina M.Yu., Stefanova N.A.* (2016). Competition as a driver of economic growth] // *Современные научные исследования и инновации.* № 6. https://web.snauka.ru/issues/2016/06/69360 (дата обращения: 16.01.2023).

Benkovskis K., Masso J., Tkacevs O., Vahter P., Yashiro N. (2017). Export and productivity in global value chains: Comparative evidence from Latvia and Estonia // *OECD Economics Department Working Papers №1448.* OECD Publishing Paris. 2017. DOI: 10.1787/cd5710c4-en (date of the application 03.07.2023).

Gala P., Rocha I., Magacho G. (2018).The structuralist revenge: Economic complexity as an important dimension to evaluate growth and development // *Brazilian Journal of Political Economy*. Vol. 38. No. 2. Pp. 219–236. DOI: 10.1590/0101-31572018v38n02a01.

Hausmann R., Hidalgo C. A. (2023). Country diversification, product ubiquity, and economic divergence // *FR Working Paper Series 10-045*. Harvard Kennedy School. [Электронный ресурс]. URL: https://growthlab.cid.harvard.edu/files/growthlab/files/201.pdf (дата обращения: 13.06.2023).

Hausmann R., Hidalgo C.A., Bustos S., Coscia M., Chung S., Jimenez J., Simoes A. J.G., Yildirim M.A. (2014). *The Atlas of Economic Complexity*. — Cambridge, MA: Puritan Press.

Hidalgo C. A., Hausmann R. (2009). The building blocks of economic complexity // *PNAS*. 106 (26). Pp. 10570–10575. DOI:10.1073/pnas.0900943106.

Martin R., Sunley P. (2007). Complexity Thinking and Evolutionary Economic Geography // *Journal of Economic Geography*. Vol. 7. No. 5. Pp. 573–601. DOI:10.1093/jeg/lbm019.

Sbardella A., Pugliese E., Zaccaria A., Scaramozzino P. (2018). The role of complex analysis in modelling economic growth // *Entropy*. Vol. 20. No. 11. Article 883. DOI:10.3390/e20110883.

Schneider V. (2012). Governance and Complexity // *The Oxford Handbook of Governance* / D. Levi-Faur (ed.). — Oxford: Oxford University Press. Pp. 129–142. DOI: 10.1093/oxfordhb/9780199560530.013.0009.

Schwarzer J. (2017). The Effects of Exporting on Labour Productivity: Evidence from German Firms // *Working Papers 1702, Council on Economic Policies*. URL: https://ideas.repec.org/p/ceq/wpaper/1702.html (date of the application 03.07.2023).

Steinwender C. (2015). The roles of import competition and export opportunities for technical change // *CEP discussion paper dp 1334. Centre for Economic Performance. LSE. London. UK.* https://ideas.repec.org/p/cep/cepdps/dp1334.html (date of the application 03.02.2023).

Vinci G.V., Benzi R. (2018). Economic complexity: Correlations between gross domestic product and fitness // *Entropy*. Vol. 20. No. 10. Article 766. DOI:10.3390/e20100766.

Williamson O.E. (2005). Networks — Organizational Solutions to Future Challenges // *Economics of Interfirm Networks* / T. Theurl (ed.). — Tübingen: Mohr Siebeck. Pp. 3–27.

Николаев Игорь Алексеевич
Nikolaev1806@mail.ru

Igor Nikolaev
Dr. Sciences (Econ.), Chief Researcher of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences (Moscow)
Nikolaev1806@mail.ru

THE CONCEPT OF ECONOMIC COMPLEXITY AS A THEORETICAL BASIS FOR CHOOSING RUSSIA'S ECONOMIC STRATEGY IN THE CONTEXT OF LARGE-SCALE EXTERNAL RESTRICTIONS

Abstract. Russia currently lacks an approved socio-economic strategy. This strategy needs to be developed. Therefore, the question of what could become a theoretical basis for developing a strategy is relevant. As a theoretical basis for the strategy of socio-economic development of the country, the article proposes to use the concept of economic complexity. In recent decades, this theory has become really popular in research environments around the world. However, the versatility of the relevant work still does not fully reflect the fact that even linking the dynamics of the complexity of the economy with the prospects for economic growth, scientists do not try enough to project this onto the problem of developing economic strategies.

An assessment of what is happening with the complexity of the economy, what processes are observed in it and what are the prospects, allows us to more reasonably formulate a strategy for socio-economic development. If the national economy becomes more complex, which is in the trend of the development of the modern economy, then such an economy has a chance for dynamic economic development. If, on the contrary, the complication of the economy slows down, stops, or even goes back at all, one cannot count on rapid development.

Against the backdrop of unprecedented sanctions associated with the most acute geopolitical conflict around Ukraine, the Russian economy is forced to simplify, its level of complexity is reduced. In such a situation, the application of the theory of economic complexity speaks in favor of the fact that the Russian economy has no chances for sustainable economic growth in the foreseeable future. Evidence of this is important in order to choose the optimal strategy for the socio-economic development of the country in the context of large-scale sanctions.

Keywords: *socio-economic development strategy, economic complexity theory, economic growth, economic simplification.*
JEL: A11, E02, E61, E65.

А.М. Либман
д.э.н., PhD (Economics), профессор, Берлинский Свободный университет (Берлин)

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ И СМЕШАННЫЕ МЕТОДЫ: ПЕРСПЕКТИВЫ И ОГРАНИЧЕНИЯ

Аннотация. Современное научное сообщество декларирует стремление к междисциплинарному подходу. В рамках отдельных дисциплин (прежде всего, в политологии) приветствуется сочетание различных методологических подходов в рамках так называемых «смешанных методов». Однако сколь продуктивными на самом деле являются междисциплинарные исследования? Способны ли они действительно продвинуть науку вперед? В настоящей статье мы попытаемся критически оценить перспективы междисциплинарных подходов и смешанных методов, определив условия, при которых они могут быть по-настоящему успешными.

Ключевые слова: *междисциплинарные исследования, смешанные методы, методология, понятие научности.*

JEL: B40, N00, Z13
УДК: 303.101.5

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_35_48

© А.М. Либман, 2023
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Либман А.М.* Междисциплинарные исследования и смешанные методы: перспективы и ограничения // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 35–48. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_35_48.

FOR CITATION: *Libman A.* Interdisciplinary research and mixed methods: perspectives and limitations // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 35–48. DOI: 10.52342/2587-7666V-TE_2023_3_35_48.

Введение[1]

Принцип междисциплинарности является, наверное, одним из наиболее распространённых риторических приёмов в современной науке. На междисциплинарные методы ссылаются при создании новых научных центров, при подаче заявок на гранты и при написании научных статей. При этом вопрос о том, какой цели должна служить междисциплинарность, часто остаётся без ответа. Кажется самоочевидным, что для понимания сложных феноменов сочетание подходов разных наук было бы весьма полезно — отдельные дисцип-

[1] Автор выражает признательность участникам семинаров в Институте экономики РАН, Институте Европы РАН, Бамбергском университете, а также студентам магистратуры «Восточноевропейские исследования» Берлинского Свободного университета, участвовавшим в семинаре «Mixed Methods and Interdisciplinarity in Political Science» в зимнем семестре 2022/23 годов.

лины с высокой вероятностью дадут неполную и неточную картину реальности. Помимо этого в различных дисциплинах вполне могут содержаться выводы, теории и концепции, полезные для других дисциплин. Поэтому исследования, в которых сотрудничают представители различных научных сообществ, кажутся крайне перспективными, а дисциплины, избегающие междисциплинарности, подвергаются критике.

Позиция экономической науки в междисциплинарном диалоге традиционно является достаточно специфической. Конечно, экономика многое заимствовала у других дисциплин — математики, статистики, а поведенческая экономика — у психологии. Однако при этом экономисты сознательно дистанцировались от других общественных наук, воспринимая себя как представителей своего рода «естественной науки об обществе». Конечно, экономисты участвуют в крупных междисциплинарных проектах, но в общем и целом менее склонны вести дискуссию с представителями других наук, чем социологи и политологи. До недавнего времени экономисты относительно неохотно цитировали представителей других дисциплин [*Fourcade, Ollion, Algan,* 2015], хотя в настоящее время подобная «изоляция» экономической науки ослабевает [*Angrist, Azoulay, Ellison, Hill, Lu,* 2020; *Truc, Santerre, Gingras, Claveau,* 2020][2].

Сколь проблематична на практике «замкнутость» экономики? Настоящая статья представляет собой попытку критического анализа преимуществ и проблем междисциплинарности. Наш главный вывод — во многих случаях кажущиеся преимущества междисциплинарных исследований с лихвой компенсируются их недостатками — прежде всего проблемами коммуникации и различным пониманием самой сути научных исследований. Междисциплинарный «диалог» часто срабатывает только в случае достаточно близких дисцилин, основанных на схожих эпистемологических предпосылках.

Междисциплинарный диалог: три примера

В качестве стартовой точки анализа приведу три примера междисциплинарного взаимодействия: экономики и политологии (в рамках так называемой «политической экономики»); истории и общественных наук; экономики и физики («эконофизика») и генетики и политологии («генополитика») и экономики[3].

Политическая экономика

Первый пример междисциплинарного диалога, который мы рассмотрим в нашей статье, — *взаимодействие экономической науки* и *политологии* — можно считать относительно успешным, причём с точки зрения обеих дисциплин. За последние пятьдесят лет между экономикой и политологией было выстроено немало «мостов». С одной стороны, политические процессы стали бесспорным предметом исследования экономистов: если первоначально сообщество теоретиков «общественного выбора» (public choice) представляло собой сравнительно обособленную группу экономистов, то, как минимум, последние двадцать лет экономический анализ политики относится к числу тем, которыми занимаются и лидеры дисциплины [*Mueller,* 2015]. С другой стороны, политическая наука (осо-

---

[2] Хотя бы часть междисциплинарных цитат при этом может быть связана с растущей готовностью экономистов публиковаться в журналах других дисциплин (в силу большей конкуренции в экономических журналах) [*Mitra, Palmer, Vuong,* 2020], хотя в экономике журналы других научных областей (в какой-то степени даже Nature и Science) котируются с определённым дисконтом.

[3] Перечень приведённых в статье кейсов не является исчерпывающим. Существуют и другие примеры междисциплинарного диалога, оставшиеся за пределами нашей дискуссии, например взаимодействие экономики и наук о мозге — так называемая «нейроэкономика» (neuroeconomics) [*Kenning, Plassmann* 2005; *Camerer, Loewenstein, Prelec,* 2005; *Truc*, 2023].

бенно в США) серьёзно изменилась под влиянием экономики: сначала теория рационального выбора и количественные методы исследования добились важного (если не ведущего) статуса в дисциплине, а затем и новейшие тенденции экономической науки — «революция достоверности» [*Angrist, Pischke,* 2010] были воспроизведены в исследованиях политики [*Samii*, 2016][4].

На сегодняшний день грань между экономистами и политологами, конечно, не стёрлась, но она достаточно проницаема. Существует немало примеров исследователей, публикующихся как в экономических, так и в политологических журналах, выступающих на конференциях обеих дисциплин и даже проводящих часть своей карьеры в департаментах (факультетах) экономики и политологии. В некоторых случаях понять, идёт ли речь об «экономистах» или «политологах», можно, лишь обратив внимание на небольшие «стилистические» различия между дисциплинами — предпочтения тех или иных методов анализа или типичная риторика статей [*Либман*, 2013]. Более того, схожими стали и форматы, в которых политологи и экономисты ведут диалог в своих научных сообществах — в обеих дисциплинах ключевую роль играют научные журналы с их чёткой иерархией[5]. Это также «облегчает» взаимодействие между дисциплинами: экономистам проще выделить «маркеры качества» (например, уровень престижности журнала), которым следует следовать, читая политологические статьи, и наоборот[6].

Пример политологии и экономики, однако же, позволяет довольно чётко очертить и границы междисциплинарного диалога. Обе дисциплины практически тождественны друг другу с точки зрения базовых эпистемологических допущений — представления о том, что составляет суть научного исследования. Обе дисциплины примерно одинаково оценивают своё место (и место науки) в обществе, следуя одному и тому же идеалу. Наличие этих базовых общих конвенций гарантирует способность дисциплин вести диалог между собой. Для областей общественных наук, основанных на других эпистемологических основаниях (конструктивизм, интерпретативная социология) или на других представлениях о роли науки (критическая социология, для которой учёный — не просто «исследователь» и время от времени «консультант», но в первую очередь критик существующего социального порядка), наладить диалог с экономикой оказывается гораздо сложнее. И более того, как только экономика и политология сталкиваются с различиями в базовых допущениях, их способность к взаимному обогащению также уменьшается[7]. Политология представляет собой более разнородную дисциплину, чем экономика. Это означает, что в проекте «политической экономики» могут принять участие лишь некоторые направления политологической мысли[8].

---

[4] Хотя и с определёнными модификациями — для политологов основным инструментом причинно-следственной идентификации стали опросные эксперименты, которые в меньшей степени применяются в экономике.

[5] Политологи, впрочем, продолжают публиковать монографии.

[6] Ситуация в количественной социологии схожа. В ней также большое распространение получила теория рационального выбора (хотя и существует ряд конкурентов — например, подходы шведской школы аналитической социологии [*Hedstrom*, 2005]), а в количественных исследованиях всё больше внимания уделяется идентификации и причинно-следственным связям. Некоторые концепции («микрофундирование» (microfoundations) в экономике и «лодка Коулмана» (Coleman's boat) в социологии) практически тождественны. Количественные социологи несколько отличаются от экономистов с точки зрения используемого инструментария [*Oshcheplkov*, *Shirokanova*, 2022], но не более того. Качественные социологи почти полностью воздерживаются от диалога с экономистами (кроме общей критики подхода последних), а также со своими коллегами-социологами, занимающимися количественными методами.

[7] Например, экономисты скептически относятся к опросам и интервью, полагая, что необходимо исследовать не высказывания людей (часто искажающие их реальные предпочтения), а их поведение (revealed preferences).

[8] Ярким примером могут быть протесты в Американской политологической ассоциации в 2000 г., связанные как раз с чрезмерным (по мнению их участников) распространением экономических методов. Если для некоторых политологов такая интеграция оказалась желательной, для других, в силу большей дистанции их методологических подходов и допущений, с одной стороны, и подходов и допущений экономистов — с другой, интеграция стала проблемой [*Landman*, 2002; *Laitin*, 2003; *Gunnell*, 2015].

Экономическая история и исследования устойчивости

Гораздо более спорными являются результаты другого междисциплинарного диалога — между экономикой и историей. Последнее десятилетие стало настоящей революцией в сфере использования исторических данных общественными науками, и прежде всего экономикой. Идея применения формальных методов и абстрактных теорий для анализа исторических данных, конечно, не нова: её примерами являются клиометрика, а также концепция «аналитических нарративов» [*Greif*, 1997; *Bates, Greif, Levi, Rosenthal, Weingast,* 2000]. Однако резкий рост доступности исторических данных, связанный с оцифровкой источников (а также общим развитием так называемых «цифровых общественных наук» — digital humanities), существенно облегчил работу обществоведов, стремящихся использовать исторические данные. Прежде всего речь идёт о расцвете таких субдисциплин, как экономическая история и историческая политическая экономика [*Abramitzky*, 2015; *Charnysh, Finkel, Gehlbach,* 2023]. Однако не менее важно появление субдисциплины «исследований устойчивости» (persistence studies) — целого ряда работ, отслеживающих влияние исторических данных на современное экономическое, политическое и социальное развитие [*Abad, Maurer,* 2021; *Cirone, Pepinsky,* 2022].

На сегодняший день, таким образом, немало экономистов (а также политологов и отчасти социологов) работают с историческими данными и в какой-то степени «внедряются» на территорию историков. Однако историки реагируют на такую экспансию гораздо более настороженно, чем политологи на экспансию экономистов в нашем предыдущем примере. Первая причина очевидна — историки гораздо более осмотрительно относятся к фактам и деталям в своих работах и не доверяют абстрактным дедуктивным теориям (являющимся основой экономической науки или политологии). Соответственно, по мнению историков, многие работы экономистов и политологов игнорируют исторические реалии, используют некорректные аналогии и неправильно интерпретируют данные, уделяя большее внимание соответствию данных и теорий, чем попыткам реально объяснить исторические явления [*Boldizzoni*, 2011]. Специфическая проблема, на которую часто указывают историки, — так называемое «сжатие истории» (compression of history) в работах обществоведов, игнорирующих тот факт, что исторические феномены, существующие столетиями или тысячелетиями, сами серьёзно меняются, поэтому строить теорию, исходя из их характеристики в какой-то конкретный момент времени, было бы неправильно [*Austin*, 2008].

Существует, однако, и более глубокая причина взаимного непонимания исторической и общественных наук, связанная с принципиально другим восприятием самого понятия научности в истории. Значительная часть работы историков, конечно, посвящена выявлению конкретных фактов и описанию реалий прошлого. Однако на основе этих фактов историки конструируют исторические нарративы — в буквальном смысле «истории», описывающие прошлое под определённым углом зрения, выбор которого часто определяется специфическими вопросами, находящимися в центре современной дискуссии. Подчеркнём: речь идёт, конечно, не о манипуляции данными (она, естественно, недопустима для историков) и не о подгонке прошлого под идеологические предпочтения того или иного исследователя, а скорее о выборе перспективы, позволяющей сконцентрировать большее внимание на тех или иных аспектах прошлого [*Курилла,* 2022]. Как раз этот метод и позволяет историкам играть важную роль не только в научной, но и в общественной дискуссии. Их тексты неизбежно привлекают внимание широкой аудитории, поскольку написаны как обращённый в прошлое ответ на ведущуюся сегодня актуальную дискуссию.

Подобный подход к науке глубоко чужд многим экономистам и политологам. Соответственно, возникают проблемы интерпретации: обществоведы или считают работы историков предельно упрощёнными (и игнорируют содержащиеся в них важные выводы), или пытаются «выудить» из них конкретные факты для тестирования гипотез и теорий (что не соответствует самому принципу построения «историй», с которым работают исто-

рики). Во многих случаях историческая наука предлагает множество перспектив взгляда на те или иные отрезки истории; с этим «плюрализмом нарративов» общественные науки не справляются [*Lustick,* 1996]. Можно утверждать, что в глазах многих обществоведов история представляет собой своего рода аналог общественных наук, «опрокинутый» в прошлое и менее строгий в части использования теории. Между тем история — это не общественная, а гуманитарная наука; и как раз это обстоятельство делает диалог между общественными науками и историей гораздо более сложным, чем между экономикой и политологией.

Эконофизика и генополитика

Ещё одна сложная ситуация возникает при попытке междисциплинарного диалога между *общественными науками* и *естественнонаучными дисциплинами*. Примером можно считать два проекта взаимодействия: экономической науки и физики — «эконофизика», econophysics (см. [*Sinha, Chatterjee, Chakraborti, Chakrabarti,* 2010]) и политологии и генетики — «генополитика», genopolitics (см. [*Wajzer* 2020]), сталкивающихся с фундаментальной критикой участвующих в диалоге дисциплин. В отличие от истории и общественных наук, проблема состоит не только и не столько в разных методологических предпосылках и критериях научности; более серьёзным барьером становится сложность предметов исследования, ведущая к распространению упрощённых и неверных представлений.

«Эконофизика» возникла как проект использования инструментов статистической физики для анализа экономических явлений. В принципе весь проект экономики мэйнстрима основан на аналогиях из естественных наук — экономика претендует на статус «объективной» дисциплины, основанной на общих теориях, которые могут быть подвергнуты эмпирическому тестированию. В то же время «эконофизика» идёт дальше декларации общего принципа «импорта» естественнонаучных принципов — она предполагает, что уравнения и статистические закономерности, выявленные физикой, могут реально использоваться для описания экономических процессов (например, поведения финансовых рынков). Во многих случаях «эконофизика» опирается на принцип аналогии — статистические распределения, описывающие экономические и физические явления, характеризуются общими характеристиками и могут исследоваться как схожие явления.

В принципе, «эконофизика» действительно смогла сформулировать ряд интересных эмпирических наблюдений, играющих важную роль опять же при анализе финансовых рынков. Однако в то же время признания в экономической науке ей добиться не удалось. Главная претензия экономистов состоит в том, что «эконофизика» не пытается выявить причинно-следственные механизмы, определяющие логику общественных явлений. Вместо того, чтобы моделировать последние как процессы взаимодействия людей с их целевыми функциями и бюджетными ограничениями, «эконофизика» ограничивается аналогиями, возможно, эмпирически корректными, но совершенно не раскрывающими причину наблюдаемых явлений. То обстоятельство, что, например, котировки акций на бирже и те или иные физические процессы описываются схожими статистическими распределениями, совершенно не объясняет, почему эмпирически наблюдаемые данные следуют тому или иному распределению, а именно этот вопрос о *причинах* наблюдаемых явлений находится в центре изучения экономики (и вообще общественных наук). Иначе говоря, теории, которые предлагает «эконофизика», не пригодны для изучения общественных явлений — а физики, интересующиеся обществом (и составляющие костяк «эконофизиков»), недостаточно осведомлены о работе экономистов [*Gallegati, Keen, Lux, Ormerod,* 2006][9].

[9] Конечно, экономическая наука тоже часто опирается на упрощённые предположения ради прогностической точности моделей — согласно М. Фридману, таким упрощением является сам принцип рационального выбора [*Friedman*, 1953]. Однако экономика хотя бы пытается моделировать взаимодействие агентов — «эконофизика» просто использует формулы, позволяющие описать эмпирически наблюдаемые данные.

Если «эконофизика» представляла собой критику экономической теории (корпуса формальных моделей экономики, описывающих экономическую реальность), то «генополитика» представляет собой попытку расширения эмпирических исследований в политологии. По сути дела, она предполагает введение в анализ стандартной количественной политологии (с её обычным инструментарием) ещё одной переменной — генетических характеристик субъектов. Исследователи пытаются объяснить, например, политические предпочтения или поведение как отдельных акторов, так и целых стран, их генетическими характеристиками. Главной проблемой таких исследований, очевидным образом, является корректное измерение последних — и именно здесь возникают проблемы. Политологи (или экономисты — в экономике включение генетических переменных в эмпирические регрессионные модели также становится все более и более популярным) попросту недостаточно осведомлены о прогрессе в генетике и используют упрощённые (а порой попросту неправильные) показатели [*Charney, English,* 2013].

Соответственно, такие работы нередко подвергаются критике — со стороны как биологов, так и представителей других научных дисциплин. Хорошим примером является цикл статей экономиста А. Галора, посвящённый влиянию «генетического разнообразия» на динамику экономического развития, опубликованный в том числе в ведущих журналах экономической науки [*Ashraf, Galor,* 2013]. Проблемы возникают как с точки зрения корректности эмпирических показателей, так и их интерпретации [*D'Alpoim Guedes, Bestor, Carrasco, Flad, Fosse, Herzfeld, et al.* 2013]. Помимо всего прочего, в работе приводятся «контрфактические» примеры — как изменилось бы благосостояние тех или иных стран при изменении генетического разнообразия их населения. И хотя такие утверждения сформулированы вполне в духе типичного для экономики причинно-следственного анализа, с точки зрения реального мира они являются сомнительными [*Gelman*, 2013].

Преодолеть разрыв между общественными и естественными науками для построения эффективного междисциплинарного формата исследований невероятно сложно. По сути дела, для этого требуется сформировать систему подготовки исследователей, в достаточной степени знакомых и с экономикой и политологией, и с, например, генетикой и физикой. Это едва ли возможно — и, как следствие, междисциплинарные исследования будут с высокой вероятностью стремиться к чрезмерному упрощению тезисов и выводов участвующих в них дисциплин.

Междисциплинарный диалог: критерии успеха

Приведённые примеры позволяют довольно чётко определить необходимые предпосылки для продуктивного междисциплинарного диалога, свидетельствуют однако же и о возможных рисках и угрозах такого подхода [*Libman*, 2023]. Прежде всего успешными (с точки зрения обеих участвующих дисциплин) междисциплинарные проекты могут быть только в случае достаточно близких по своим базовым допущениям дисциплин. Хотя даже в этом случае вполне возможны определённые «трения» между дисциплинами, но возможен и продуктивный диалог. Политическая экономика представляет собой яркий пример подобной ситуации.

Другой вариант основан на чёткой дисциплинарной иерархии: одна из дисциплин «задает тон», а другая «подстраивается» под её допущения, форматы работы, публикации и интересы. Такой вариант позволяет добиться успеха хотя бы с точки зрения одной из дисциплин (другая дисцплина при этом окажется в проигрыше). Такие форматы сотрудничества возможны, только если у представителей более «слабой» дисциплины существуют стимулы, по сути дела, для отказа от успеха в рамках своего собственного научного сообщества. Это может произойти, например, в силу очень мощного личного интереса или в ситуации, когда представители «слабой» дисциплины относятся к тем её школам

и направлениям, которые в самой «слабой» дисциплине занимают маргинальное положение. Так, в проекте, где «сильной» дисциплиной является история или культурология, скорее примут участие экономисты неортодоксальных школ, чем экономисты мэйнстрима[10].

Вполне реальной ситуацией, увы, является междисциплинарный проект, в котором участники, представляющие разные дисциплины, оказываются не способны к диалогу друг с другом. В этой ситуации проект в лучшем случае превращается в «вежливое выслушивание» друг друга, а в худшем тонет в критической дискуссии допущений и эпистемологии. Заявленная «междисциплинарность» не позволяет получить новые научные результаты и может быть формой поиска академической ренты (многие фонды с готовностью реагируют на ссылку на «междисциплинарность» в риторике исследователей при распределении грантов).

Упрощённо говоря, существуют две фундаментальные и практически неразрешимые проблемы междисциплинарности. Первая состоит во взаимном дефиците информации. Примеры, приведённые выше, чётко показывают — исследователи часто в недостаточной степени осведомлены о прогрессе в смежных дисциплинах (и тем более — в «отдалённых» областях знаний), или имеют весьма искажённое представление об их развитии. Это не удивительно: каждая область знаний характеризуется собственной внутренней динамикой, со временем ведущей к трансформации её метода и предмета. Экономическая наука — хороший пример этой динамики. Совсем упрощённо, можно говорить о пяти поколениях «экономических исследований», каждое из которых было связано со своими представлениями о сути экономической науки: 1) экономическая наука как наука о стоимости[11]; 2) экономическая наука как наука об общем равновесии (general equilibrium)[12]; 3) экономическая наука как теория рационального выбора, опирающаяся к тому же на эконометрику как основной инструмент анализа данных[13]; 4) поведенческая экономика[14]; 5) экономическая наука как преимущественно эмпирическая дисциплина, допускающая плюрализм теоретических подходов, но сосредоточенная на использовании экспериментальных методов для их тестирования (революция достоверности)[15]. Критики экономической науки из других дисциплин (например, социологии) часто сосредоточены на одном из поколений, полностью игнорируя то обстоятельство, что в самой экономике оно не является доминирующим[16].

Из-за взаимного дефицита информации междисциплинарные исследования не справляются не только с задачей адекватно воспринять информацию друг друга, но и с ещё более важным с научной точки зрения вызовом — взаимной критикой исследований. Политолог, опирающийся на исследования физика, едва ли может отличить «хорошие» работы от «плохих». Между тем для науки именно эта взаимная критика является ключевым элементом генерации знаний. В некоторых случаях, насколько можно судить, в междисциплинарных исследованиях существуют даже стимулы воспроизводства некачественных исследований. Для экономиста, цитирующего работы биологов, вполне привле-

---

[10] Эта ситуация, кстати, в ещё большей степени приведет к утрате интереса к междисциплинарному проекту со стороны других представителей «слабой» дисциплины, более соответствующих её ортодоксии.

[11] Дебаты классической политической экономики XIX в., итог которым «подвела» маржиналистская революция.

[12] Формальная и предельно математизированная область знаний, достаточно отдалённая от эмпирических исследований, итогом которой стала формулировка ряда теорем, описывающих свойства общего равновесия или доказывающих, что эти свойства в общем случае вывести невозможно.

[13] Это «поколение» экономической науки окончательно закрепило представление о ней как об универсальной дисциплине, границы которой определяются не предметом, а методом, и стало источником «экономического империализма» в других дисциплинах. См. также [*Полтерович*, 2011].

[14] Начиная с этого «поколения», в экономической науке стандартом становится использование моделей человеческого поведения, отклоняющихся от рационального выбора.

[15] Для этого «поколения», любая теория — рациональный выбор или другие подходы — играет второстепенную роль; важнее правильная эмпирическая «стратегия идентификации». См. [*Капелюшников*, 2018].

[16] К тому же есть области экономической науки — макроэкономика, например, не совсем следующие логике этих поколений.

кательными могут оказаться устаревшие работы или упрощённые и неточные аргументы, позволяющие, однако же, сформулировать более понятные гипотезы для эмпирического анализа. Даже если отказаться от дискуссии о подобных «предельных» случаях, для экономиста, как минимум, нет стимулов вникать в особенность аргументации биологов — проще воспользоваться упрощённым и понятным кратким описанием их аргументов (это в любом случае не станет конкурентным недостатком на рынке публикаций для экономистов).

Вторая проблема связана с различным пониманием самой сути научного исследования. Общественные и гуманитарные науки крайне разнородны и сильно отличаются как друг от друга, так и от естественных наук. За десятилетия (или столетия) эволюции в них сформировались свои эпистемологические основания, порой противоречащие друг другу. Так, в конкуренции идей экономической науки в конечном итоге «победил» количественный позитивизм. В истории же ситуация оказалась прямо противоположной — скорее, успеха добились конструктивистские подходы (например, изучение исторической памяти или исследования, сосредоточенные на визуальных источниках). В литературоведении и некоторых областях социологии постколониальный подход (призывающий «дать голос» традиционно дискриминируемым группам, особенно представителям Глобального Юга) крайне популярен; в экономике он воспринимается (в силу отказа от принципа свободы от ценностных оценок) как ненаучный. В исторической науке или политологии «нормой» является принцип воспроизводимости результатов (эмпирически исследования должны всегда приводить к одним и тем же результатам), а в некоторых областях качественной социологии он отвергается (научное знание «возникает» в процессе интервью и является продуктом со-творчества социолога и респондента) [*Str*ü*bing*, 2018]. Антропологи пытаются установить доверительные отношения с респондентами, а политологи, скорее, стремятся к большей дистанции. Список различий можно было бы продолжить.

Легко заметить, что, если «разногласия» дисциплин связаны со столь фундаментальными проблемами, вести диалог становится крайне сложно. Само по себе определение «хорошего» кейса для исследований будет различаться от дисциплины к дисциплине. Единственный выход — прагматичная позиция, в которой исследователи пытаются «выявить» те аспекты выводов их коллег из других наук, которые были бы интересны с позиции их собственной дисциплины, и отбрасывая всё не соответствующее их собственным критериям научности. Однако реализовать подобный прагматичный подход в междисциплинарном проекте непросто.

Смешанные методы: неразрешимое противоречие?

О междисциплинарных исследованиях обычно говорят при взаимодействии специалистов из различных более или менее чётко обособленных научных сообществ. В то же время во многих общественно-научных дисциплинах проблемой является не только диалог с другими науками, но и «внутренняя» дискуссия между различными «лагерями», разделёнными различными эпистемологическими допущениями. Речь идёт о споре между сторонниками «качественных» и «количественных» методов. Среди трёх основных общественно-научных дисциплин он наиболее жёстко ведется в социологии, где сторонники качественного и количественного подхода часто отказываются признавать за оппонентами статус учёных (или социологов)[17]. В экономике количественный подход на сегодняшний

[17] Для «качественников» «количественники» игнорируют особенности социологиии как особой науки и особого взгляда на общество и стремятся к созданию упрощённой сциентистской методологии изучения общества, скорее ориентирующейся на экономику и психологию (при этом на практике сами «качественники» могут быть вполне открыты для диалога с другими дисциплинами — однако, скорее с гуманитарными науками или антропологией). Для «количественников» «качественники» занимаются чистой (часто идеологической) риторикой, а не производят научное знание.

день доминирует и (как минимум, в мэйнстриме) признан как единственно научный. В политологии, наконец, сторонники двух подходов наиболее готовы к сотрудничеству друг с другом — в том числе в рамках парадигмы так называмых смешанных методов.

На первый взгляд, методологические предпочтения внутри одной дисциплины должны были в меньшей степени «разделять» исследователей, чем споры между дисциплинами. На практике же «споры о методе» часто становятся непримиримыми. Это связано с тем, что за различиями в методологии на практике скрываются различия в эпистемологии и в «критериях научности». Например, в социологии «качественники» отличаются от «количественников» не только тем, что последние проводят опросы, а первые предпочитают интервью. Обычно «количественники» выступают с позиций, так или иначе связанных с позитивистской парадигмой (в широком смысле этого слова), а «качественники» отвергают этот подход, выступая за «конструктивистские» и «интерпретативные» подходы. «Количественники» ратуют за науку, свободную от ценностных оценок, а «качественники» более склонны к публичной социологии, занимающей чёткую (нормативную) общественную позицию. Разделить эти составляющие крайне сложно, что и ведёт к спорам[18]. Даже если оставаться на уровне методологии, многие концепции (например, причинно-следственная связь — одно из ключевых понятий для современной эконометрики) определяются по-разному в количественных и в качественных методах [*Mahoney, Goertz,* 2006].

Попыткой преодолеть этот разрыв и является концепция «смешанных» методов (mixed methods). В упрощённом варианте проект, использующий смешанные методы, сочетает различные методологические подходы, которые обычно относят к «несовместимым» методологиям (прежде вего, качественные и количественные методы). Полученные результаты могут использоваться для триангуляции [*Oleinik*, 2011] — если тот или иной вывод подтверждён разными методами, то его можно считать более достоверным. Более «совершенная» интеграция методов предполагает их использование в рамках единого исследовательского дизайна [*Onwuegbuzie, Collins,* 2007; *Small*, 2011; *Schoonenboom, Johnson,* 2017]. Примером можно считать получившие большое распространение в политологии методы «nested analysis» [*Lieberman,* 2005]. В общем и целом они предполагают, что исследование проводится в два этапа — сначала с помощью количественных методов выявляются общие закономерности, а затем на основе детального анализа одного или нескольких кейсов, отобранных на основе заранее определённых критериев по результатам количественного анализа [*Gerring*, 2007; *Seawright, Gerring,* 2008], определяются конкретные механизмы эффектов, тестируется причинно-следственная связь. Таким образом преодолеваются недостатки обеих методологий — ограниченная способность количественных методов выявить каузальные эффекты (корреляция не тожественна причиности) и неспособность качественных методов к генерализации.

Проект смешанных методов кажется способом позаимствовать лучшее из обоих подходов. Однако на практике его успех в значительной степени определяется несколькими важными допущениями, которые не являются самоочевидными. Прежде всего «качественники» и «количественники» должны разделять общий исследовательский интерес, т.е. стремиться к изучению тех же самых аспектов общественных явлений. Во-вторых, от сторонников обоих методов требуется определённый прагматизм, т.е. готовность к диалогу с представителями других подходов, в котором требования к «чистоте» допущений играют меньшую роль, чем стремление так или иначе получить информацию об исследуемом явлении. В-третьих, чем более эффективно работает интеграция методов в рамках общего исследовательского дизайна, тем выше шансы на успех проекта. И в-четвёртых, наконец,

[18] В принципе можно представить себе разные комбинации методов и эпистемологических допущений, но во многих случаях определённые эпистемологии и методы все же «тяготеют» друг к другу.

исследователи должны обладать достаточной квалификацией для использования как качественных, так и количественных методов.

Уже с первым допущением часто возникают проблемы: как уже говорилось ранее, «количественники» и «качественники» по-разному воспринимают значимость тех или иных тем в процессе исследования. Так, для «количественника» детальное описание кейсов, на котором сосредоточены качественные методы, представляет собой всего лишь «анекдоты» (anecdotal evidence), которые лишь «подготавливают» основной массив исследований. Гораздо более проблематичным, впрочем, является второе допущение. Суть любого научного исследования — в следовании заранее определённым методологическим подходам (в этом наука отличается от, например, журналистики). Научные выводы признаются в качестве достоверных только если они получены с использованием этих подходов[19]. «Прагматизм» в этой сфере может превратиться в отказ от научности как таковой. Важно понимать: если используемые методы не соответствуют собственным стандартам, нет никаких оснований предполагать, что их сочетание приведёт к повышению качества исследований; наоборот, проблемы при применении одного из методов могут сделать использование другого ещё более проблематичным [*Rohlfing*, 2008].

Наконец, самая серьёзная проблема смешанных методов — недостаточная квалификация исследователей [*Gehlbach,* 2015]. Действительно, лишь немногие специалисты в равной степени могут использовать и количественные, и качественные подходы, вести интервью и оценивать регрессии. Результатом может стать проект, в котором лишь одна из составляющих — или качественная, или количественная — выполнена по-настоящему хорошо, а вторая составляющая находится на достаточно низком уровне. В худшем случае обе составляющие не соответствуют общепринятым стандартам качества — такое исследование, конечно, практически бесполезно. Возникает вопрос: не лучше ли фокусироваться на применении методов, хорошо знакомых исследователю, вместо того, чтобы пытаться использовать стратегию смешанных методов, в которой приходится работать с совершенно другой методологией[20].

Легко заметить, что проблемы смешанных методов очень похожи на проблемы междисциплинарных исследований. В обоих случаях учёные сталкиваются с принципиальным вызовом: во-первых, у них не хватает информации о дисциплине, выводы которой они пытаются интегрировать в свои исследования (или навыков применения методов, с которыми они до сих пор не работали), и, во-вторых, дисциплины и методы принципиально отличаются друг от друга в своих эпистемологических допущениях, что делает даже общую формулировку исследовательского вопроса крайне сложной. И не случайно, что смешанные методы получают наибольшее распространение в условиях, похожих на те, в которых реализуются успешные междисциплинарные проекты. Например, в социологии, где качественные и количественные исследования действительно развиваются в рамках разных эпистемологий, пространство для смешанных методов оказалось относительно ограниченным. В политологии же смешанные методы получили гораздо более широкое распространение: это связано с тем, что качественные исследования политологов в гораздо большей степени соответствуют «позитивистской» парадигме, чем социологов [*Mahoney,* 2010; *King, Keohane, Verba,* 2021][21]. В принципе сами смешанные методы могут сильно различаться по

[19] Ситуация на самом деле немного напоминает работу суда — судья может принять лишь определённые аргументы (admissible evdence), полученные с помощью определённых методов, и обязан игнорировать все остальные.

[20] Частичным решением этой проблемы может быть сотрудничество исследователей с различными навыками в области методов.

[21] К тому же для политологии, где единицей наблюдения часто является страна или регион, выбирать конкретный кейс для детального качественного исследования проще, чем для социологии, где единицей наблюдения обычно является индивид, к тому же присутствующий в опросных данных в анонимизированном виде.

своим эпистемологическим основаниям [*Sommer*, *Harrits*, 2011] — это играет большую роль в определении их успешности в тех или иных научных сообществах.

В любом случае, дискуссия о смешанных методах в каком-то смысле становится отражением дискуссии о междисцплинарности — просто происходящей в рамках (формально) одной дисциплины, в которой присутствуют различные научные сообщества.

Заключение

Данная статья позволяет прийти к достаточно скептическому взгляду на идеал междисциплинарности, к которому стремятся исследователи. Главный вывод — различия дисциплин и их эпистемологических оснований, а также степень дифференциации научного знания с высокой вероятностью превращают междисциплинарный проект или в площадку для «вежливого внимания» учёных друг к другу, не ведущую к настоящему прогрессу, или в пространство бесконечных споров о методе и о предпосылках научного познания, или ведут к искажённому и даже ошибочному восприятию выводов друг друга. Успешными междисциплинарные проекты становятся в ситуации, когда участвующие в них дисциплины достаточно близки друг к другу — в этом случае «стилистические» различия вполне можно преодолеть, и отдельные области научного познания вполне могут «учиться» друг у друга (хотя и в этой ситуации диалог не всегда являтся тривиальным). Во многих случаях междисциплинарность ведёт не столько к диалогу дисциплин, сколько к обособлению новых дисциплин, которые со временем развивают собственный категориальный аппарат и методологию.

Наши выводы, впрочем, следует воспринимать с рядом оговорок. Прежде всего существуют примеры своего рода «методологической» междисциплинарности — когда та или иная дисциплина заимствует выводы другой дисциплины прежде всего как основание для свого методологического аппарата. Например, экономическая наука последнего столетия была бы немыслима без математики или статистики. Однако в данном случае существует принципиальное различие по сравнению с примерами, которые мы обсуждали ранее: математика не содержит конкурирующей программы эмпирических исследований и описания общественных феноменов (а именно такая программа составляет основу экономического знания), а статистика для экономистов стала в основном источником эмпирических методов (которые экономисты заимствовали достаточно выборочно). Точно так же вполне возможны примеры (весьма успешной) «инженерной» междисциплинарности — в этом случае речь идёт о сугубо прикладных проектах, ориентированных на конкретные результаты для принятия решений (правда, такие прикладные исследования пользуются популярностью далеко не во всех дисциплинах).

«Споры о методах», которые мы охарактеризовали как скорее негативное явление, конечно, не следует отвергать как таковые. Дискуссия о методологии крайне важна, как и критическая рефлексия эпистемологических допущений науки (и то обстоятельство, что экономисты в большинстве случаев совершенно не интересуются эпистемологией своей науки, плохо осведомлены о философии науки как таковой и вообще «выделяют» все дискуссии о методе в специальную субдисциплину «экономическая методология», которая практически игноируется в мэйнстриме [*Тамбовцев*, 2018], конечно, является проблемой). Важно лишь избегать чрезмерной фиксации исключительно на методологических проблемах — в конечном счёте это сделает любые эмпирические исследования практически невозможными. Однако та или иная дискуссия о методах, безусловно, полезна. Точно так же не следует полагать, что не существует исследователей, которые искренне заинтересованы в сотрудничестве с другими науками и пытаются максимально точно понять и принять их выводы — даже несмотря на то, что такое поведение «не вознаграждается» стимулами тех

или иных научных сообществ[22]. Однако даже им будет сложно преодолеть барьеры, описанные в этой статье.

Междисциплинарность, таким образом, не должна рассматриваться как безусловная цель, к достижению которой надо стремиться любой ценой. В некоторых случаях непосредственная интеграция дисциплин вполне возможна и может привести к очень интересным результатам. В других случаях «вежливое внимание» — это лучший результат, которого можно добиться. Не следует забывать, что главный аргумент в пользу междисциплинарности — сочетание дисциплин, изучающих различные аспекты социальной реальности — не учитывает того обстоятельства, что границы дисциплин сегодня часто определяют не предмет, а скорее метод или даже стиль научной работы. Иначе говоря, в рамках одной дисциплины существуют работы, посвящённые всему комплексу возможных предметов исследований общества (экономика, в буквальном смысле изучающая практически все общественные явления, в том числе социальные, политические и культурные — яркий пример этой логики)[23]. Определить границы «возможных междисциплинарностей» можно, конечно, лишь методом проб и ошибок — пытаясь понять, какие проекты оказываются успешными (во всех участвующих дисциплинах), а какие остаются нерезультативными. Но в случае, если междисциплинарный диалог однозначно не функционирует, не следует «насаждать» его искуственно.

ЛИТЕРАТУРА/REFERENCES

Капелюшников Р.И. (2018). О современном состоянии экономической науки: полусоциологические наблюдения [*Kapelyushnikov R.I.* (2018). On the current state of economic science: semi-sociological observations] // *Вопросы экономики.* №5. С. 110–128. DOI: 10.32609/0042-8736-2018-5-110-128.

Курилла И.И. (2022). *Битва за прошлое: Как политика меняет историю* [*Kurilla I.I.* (2022). Battle for the Past: How Politics Changes History]. — М.: Альпина.

Либман А.М. (2013). Между новой политической экономией и политологией: сближение и расхождение дисциплин [*Libman A.M.* (2013). Between the new political economy and political science: convergence and divergence of disciplines] // *Журнал новой экономической ассоциации.* №1. С. 166–169.

Полтерович В.М. (2011). Становление общего социального анализа [*Polterovich V.M.* (2011). The formation of general social analysis] // *Общественные науки и современность.* № 2. С. 101–111.

Тамбовцев В.Л. (2018). Какая экономическая методология может быть интересна экономистам? [*Tambovtsev V.L.* (2018). What economic methodology may be of interest to economists?] // *Экономическая теория: триумф или кризис.* — СПб.: Леонтьевский центр. С. 104–116.

Abad L.A., Maurer N. (2021). History never really says goodbye: A critical review of the persistence literature // *Journal of Historical Political Economy.* Vol. 1. No. 1. Pp. 310Ц68. DOI: 10.1561/115.00000002.

Abramitzky R. (2015). Economics and the modern economic historian // *Journal of Economic History*. Vol. 75. No. 4. Pp. 1240–1251. DOI: 10.1017/S0022050715001667.

Angris, J., Azoulay P., Ellison G., Hill R., Lu S.F. (2020). Inside job or deep impact? Extramural citations and the influence of economic scholarship // *Journal of Economic Literature.* Vol. 58. No. 1. Pp. 3–52. DOI: 10.1257/jel.20181508.

Angrist J.D., Pischke J.S. (2010). The credibility revolution in empirical economics: How better research design is taking the con out of econometrics // *Journal of Economic Perspectives.* Vol. 24. No. 2. Pp. 3–30. DOI: 10.1257/jep.24.2.3.

Ashraf Q., Galor O. (2013). The «Out of Africa» hypothesis, human genetic diversity, and comparative economic development // *American Economic Review.* Vol. 103. No. 1. Pp. 1–46. DOI: 10.1257/aer.103.1.1.

Austin G. (2008). The «reversal of fortune» thesis and the compression of history: Perspectives from African and comparative economic history // *Journal of International Development.* Vol. 20. No. 8. Pp. 996–1027. DOI: 10.1002/jid.1510.

---

[22] Есть даже примеры учёных, сознательно строящих карьеру на стыке дисциплин.

[23] Это, конечно, не оправдывает ситуации, когда экономисты просто не осведомлены о выводах других научных сообществ о своих предметах исследований или когда экономика попросту «воспроизводит» результаты, уже полученные в других науках, и тратит на это время и ресурсы. Однако, опять же, если науки «разделены» различным пониманием научности, то проблема становится менее ярко выраженной — результаты другой дисциплины просто не воспринимаются как научные с точки зрения господствующей в той или иной науке эпистемологии.

Bates R., Greif A., Levi M., Rosenthal J. L., Weingast B. (2000). Analytic narratives revisited // *Social Science History.* Vol. 24. No. 4. Pp. 685–696. DOI: 10.1215/01455532-24-4-685.

Boldizzoni F. (2011). *The poverty of Clio: Resurrecting economic history*. — Princeton: Princeton University Press.

Camerer C., Loewenstein G., Prelec D. (2005). Neuroeconomics: How neuroscience can inform economics // *Journal of Economic Literature.* Vol. 43. No. 1. Pp. 9–64. DOI: 10.1257/0022051053737843.

Charney E., English W. (2013). Genopolitics and the science of genetics // *American Political Science Review.* Vol. 107. No. 2. Pp. 382–395. DOI: 10.1017/S0003055413000099.

Charnysh V., Finkel E., Gehlbach S. (2023). Historical political economy: Past, present, and future // *Annual Review of Political Science*. Vol. 26. Pp. 175–191. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051921-102440.

Cirone A., Pepinsky T. B. (2022). Historical persistence // *Annual Review of Political Science.* Vol. 25. Pp. 241–259. DOI: 10.1146/annurev-polisci-051120-104325.

d'Alpoim Guedes J., Bestor T.C., Carrasco D., Flad R., Fosse E., Herzfeld M., et al. (2013). Is Poverty in Our Genes? A Critique of Ashraf and Galor, «The "Out of Africa" Hypothesis, Human Genetic Diversity, and Comparative Economic Development» // *American Economic Review (Forthcoming). Current Anthropology*. Vol. 54. No. 1. Pp. 71–79. DOI: 10.1086/669034.

Fourcade M., Ollion E., Algan Y. (2015). The superiority of economists // *Journal of Economic Perspectives.* Vol. 29. No. 1. Pp. 89–114. DOI: 10.1257/jep.29.1.89.

Friedman M. (1953). *Essays in positive economics*. — Chicago: University of Chicago Press.

Gallegati M., Keen S., Lux T., Ormerod P. (2006). Worrying trends in econophysics // *Physica A: Statistical Mechanics and its Applications*. Vol. 370. No. 1. Pp. 1–6. DOI: 10.1016/j.physa.2006.04.029.

Gehlbach S. (2015). The fallacy of multiple methods // *Comparative Politics Newsletter.* Vol. 25. No. 2. Pp. 11–12. DOI: 10.1016/j.physa.2006.04.029.

Gelman A. (2013). Ethics and statistics: They'd rather be rigorous than right // *Chance*. Vol. 26. No. 2. Pp. 45–49. DOI: 10.1080/09332480.2013.794616.

Gerring J. (2007). Is there a (viable) crucial-case method? // *Comparative Political Studies*. Vol. 40. No. 3. Pp. 231–253. DOI: 10.1177/00104140062907.

Greif A. (1997). Cliometrics after 40 years // *American Economic Review*. Vol. 87. No. 2. Pp. 400–403.

Gunnell J. (2015). Pluralism and the Fate of Perestroika: A Historical Reflection // *Perspectives on Politics.* Vol. 13. No. 2. Pp. 408–415. DOI: 10.1017/S1537592715000080.

Hedstrom P. (2005). *Dissecting the social: On the principles of analytical sociology.* — Cambridge: Cambridge University Press. DOI: 10.1017/CBO9780511488801.

Kenning P., Plassmann H. (2005). NeuroEconomics: An overview from an economic perspective // *Brain Research Bulletin*. Vol. 67. No. 5. Pp. 343–354. DOI: 10.1016/j.brainresbull.2005.07.006

King G., Keohane R. O., Verba S. (2021). *Designing social inquiry: Scientific inference in qualitative research.* — Princeton: Princeton University Press.

Laitin D.D. (2003). The Perestroika Challenge to Social Science // *Politics and Society.* Vol. 31. No. 1. Pp. 163–184. DOI: 10.1177/0032329202250167.

Landman T. (2002). *Rebutting «Perestroika»: Method and Substance in Political Science.* — Mimeo, Department of Government, Essex University.

Libman A. (2023). Interdisciplinarity in East European studies: A social science perspective // *OSMIKON*. https://www.osmikon.de/themendossiers/crossing-disciplinary-boundaries/interdisciplinarity-in-east-european-studies-a-social-science-perspective (access date: 08.07.2023).

Lieberman E.S. (2005). Nested analysis as a mixed-method strategy for comparative research // *American Political Science Review*. Vol. 99. No. 3. Pp. 435–452. DOI: 10.1017/S0003055405051762.

Lustick I.S. (1996). History, historiography, and political science: Multiple historical records and the problem of selection bias // *American Political Science Review*. Vol. 90. No. 3. Pp. 605–618. DOI: 10.2307/2082612.

Mahoney J. (2010). After KKV: The new methodology of qualitative research // *World Politics*. Vol. 62. No. 1. Pp. 120–147. DOI: 10.1017/S0043887109990220.

Mahoney J., Goertz G. (2006). A Tale of Two Cultures: Contrasting Quantitative and Qualitative Research // *Political Analysis*. Vol. 14. No. 3. Pp. 227–249. DOI: 10.1093/pan/mpj017.

Mitra S., Palmer M., Vuong V. (2020). Development and interdisciplinarity: A citation analysis // *World Development*, 135 p. [105076]. DOI: 10.1016/j.worlddev.2020.105076.

Mueller D.C. (2015). Public choice, social choice, and political economy // *Public Choice.* Vol. 163. No. 3–4. Pp. 379–387. DOI: 10.1007/S11127-015-0244-0.

Oleinik A. (2011). Mixing quantitative and qualitative content analysis: Triangulation at work // *Quality and Quantity*. Vol. 45. No. 4. Pp. 859–873. DOI: 10.1007/s11135-010-9399-4.

Onwuegbuzie A.J., Collins K.M. (2007). A typology of mixed methods sampling designs in social science research // *Qualitative report.* Vol. 12. No. 2. Pp. 281–316.

Oshchepkov A., Shirokanova A. (2022). Bridging the gap between multilevel modeling and economic methods // *Social Science Research*, 104, 102689. DOI: 10.1016/j.ssresearch.2021.102689.

Rohlfing I. (2008). What you see and what you get: Pitfalls and principles of nested analysis in comparative research // *Comparative Political Studies*. Vol. 41. No. 11. Pp. 1492–1514. DOI: 10.1177/0010414007308019.

Samii C. (2016). Causal empiricism in quantitative research // *Journal of Politics*. Vol. 78. No. 3. Pp. 941–955. DOI: 10.1086/686690.

Schoonenboom J., Johnson R. B. (2017). How to construct a mixed methods research design // *Kolner Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie,* Vol. 69 (Suppl 2). Pp. 107–131. DOI: 10.1007/s11577-017-0454-1.

Seawright J., Gerring J. (2008). Case selection techniques in case study research: A menu of qualitative and quantitative options // *Political Research Quarterly*. Vol. 61. No. 2. Pp. 294–308. DOI: 10.1177/1065912907313.

Sinha S., Chatterjee A., Chakraborti A., Chakrabarti B.K. (2010). *Econophysics: an introduction.* — Hoboken: John Wiley and Sons.

Small M.L. (2011). How to conduct a mixed methods study: Recent trends in a rapidly growing literature // *Annual Review of Sociology.* Vol. 37. Pp. 57–86. DOI: 10.1146/annurev.soc.012809.102657.

Sommer Harrits G. (2011). More than method? A discussion of paradigm differences within mixed methods research // *Journal of Mixed Methods Research*. Vol. 5. No. 2. Pp. 150–166. DOI: 10.1177/1558689811402.

Strübing J. (2018). Zur Forderung nach Replizierbarkeit in der Forschung // *Forschung & Lehre*. https://www.forschung-und-lehre.de/forschung/zur-forderung-nach-replizierbarkeit-in-der-forschung-328 (access date: 08.07.2023).

Truc A. (2023). Neuroeconomics: Hype or hope? An answer. *SSRN Working Paper*. DOI: 10.2139/ssrn.4328645.

Truc A., Santerre O., Gingras Y., Claveau F. (2020). The interdisciplinarity of economics // *SSRN Working Paper.* DOI: 10.2139/ssrn.3669335.

Wajzer M. (2020). Genopolitics: introductory remarks // *Interdisciplinary Science Reviews*. Vol. 45. No. 4. Pp. 508–524. DOI: 10.1177/147892992110537.

Либман Александр Михайлович
alexander.libman@fu-berlin.de

Alexander Libman
PhD (Economics), Professor of Russian and East European Politics, Freie Universität, Berlin
alexander.libman@fu-berlin.de

INTERDISCIPLINARY RESEARCH AND MIXED METHODS: PERSPECTIVES AND LIMITATIONS

Abstract. Contemporary scientific community declares interdisciplinarity to be one of its primary goals. Within individual scholarly disciplines (in particular political science) researchers welcome a combination of different methodological approaches within a mixed methods framework. How productive are, however, interdisciplinary studies in reality? Are they able to achieve scientific progress? This paper offers a critical evaluation of perspectives of interdisciplinary research and mixed methods, identifying conditions for their success.

Keywords: *interdisciplinary research; mixed methods; methodology; notion of science.*
JEL: B40, N00, Z13.

Т.А. Вархотов
к.филос.н., доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Институт экономики РАН (Москва)

МЕТОД ПРОТИВ ИСТИНЫ (Часть 2. Схизма с советским марксизмом и трансформация дискурса Франкфуртской школы)

Аннотация. Статья является второй частью исследования эволюции теоретических взглядов Франкфуртской школы в контексте истории марксизма и развития «левой идеи» в XX в. Центральным сюжетом является перерождение «критической теории» в конформистскую квази-либерально-демократическую позицию, сохраняющую лишь отдалённое номинальное родство с марксизмом. Показано, как критическая установка и радикальный негативизм первого поколения Франкфуртской школы во втором поколении постепенно принял форму признания отсутствия альтернативы либеральной демократии и капиталистической экономике. В сочетании с окончательно оформившимся ещё в 1950-х гг. отторжением советского марксизма и СССР как формы плохо замаскированного тоталитаризма, фетишизировавшего труд и государственную власть и отказавшегося от свободы и разума ради господства и эффективной эксплуатации, политический конформизм сотрудников Института социальных исследований во Франкфурте-на-Майне привёл к их фактическому разрыву с марксизмом. Произошёл отказ как от основных сюжетов и подходов к их интерпретации — экономические отношения, классовая борьба, диалектический материализм и т.д., — так и от самого марксистского языка: второе поколение Франкфуртской школы не пользуется марксистской терминологией и покидает марксисткой дискурс. Критическая установка из универсальной метафизической, какой она была у Адорно, перерождается в морально-эпистемологическую: она обретает предметные ограничения и означает не чистую негативность, а нечто противоположное — рефлексивную готовность оказаться неправым, готовность обнаружить ошибку. У Ю. Хабермаса и А. Хоннета критическая установка сближается с критическим рационализмом К. Поппера и из революционной превращается в конформационную — теперь это инструмент созидания общественного согласия и улучшения, а не разрушения социального порядка. Тем самым метод побеждает истину, объявляя её невозможной, а в итоге превращаясь в бесконечное неразрешимое обещание приближения к недостижимой истине, которой не может быть, но которую можно воображать. Никуда не ведущая теоретическая («критическая») работа в конечном счёте идёт на пользу наличному порядку — в полном соответствии с идеями Маркузе об одномерном обществе, но диаметрально противоположной у второго поколения Франкфуртской школы модальностью: теперь это повод не для ужаса, а для оптимизма.

Ключевые слова: *методология, марксизм, отчуждение, Франкфуртская школа, критическая теория.*

JEL: A12, A13, B24, B51

УДК: 330.86

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_49_61

© Т.А. Вархотов, 2023
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Вархотов Т.А.* Метод против истины (Часть 2: Схизма с советским марксизмом и трансформация дискурса Франкфуртской школы) // Вопросы теоретической экономики. 2023. №3. С. 49–61. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_49_61.

FOR CITATION: *Varkhotov T.A.* Method versus truth (Part 2. The Schism with Soviet Marxism and Transformation of Frankfurt School's Discourse) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 49–61. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_49_61.

Вопреки оптимизму марксистов XX в. (особенно 1960-х годов), мы утверждаем, что энергия развития не приведёт к подъёму рабочего класса или же уничтожению системы господства, определяющей основные черты современного мира, а потому её результатом не станет неизбежный социализм (сегодня это известно каждому). …Из истории марксизма можно и должно вывести в конечном счёте ещё и то, что за превращение ранее казавшегося невозможным в новую возможность приходится платить высокую цену — не только терпеть насилие и заставлять страдать миллионы людей, ставших жертвами неописуемой несправедливости, но и производить новые структурные невозможности или же попросту замещать предшествующие невозможности другими. Таким образом, то, что казалось практическим преобразованием, с этой точки зрения доказывает, что именно эти невозможности следует оставить в покое, поскольку в противном случае нас ждёт неминуемая катастрофа.

С. Жижек, Ф. Руда, А. Хамза. Читать Маркса

Москва/Франкфурт/Нью-Йорк: линии дивергенции в биполярном мире

Хотя Институт социальных исследований во Франкфурте-на-Майне создавался как территория академической свободы и независимых критических исследований, — обеспечить которые должны были частные спонсорские средства созданного зерновым магнатом Г. Вайлем фонда целевого финансирования Института, — в годы вынужденной эмиграции и особенно в её американский период представителям Франкфуртской школы пришлось немало времени уделить работе непосредственно на систему государственной власти и военные ведомства. Эта работа весьма существенно отразилась на Франкфуртской школе в целом и на отношениях её лидеров с СССР и советским марксизмом в частности.

М. Хоркхаймер и Т. Адорно до своего возвращения в Германию в 1949 г. сотрудничали с Еврейским комитетом — эта организация играла одну из ведущих ролей в формировании послевоенной системы международного права: «Евреи сыграли заметную роль в этих послевоенных дискуссиях и развитии различных правозащитных механизмов. Евреи, часто имеющие европейское происхождение и мотивированные не только Холокостом, но и своей давней приверженностью либерализму, внесли плодотворный вклад в зарождающееся видение космополитического порядка. Рене Кассен, французский еврей с выдающимся юридическим образованием, впоследствии ставший президентом Всемирного Еврейского союза, работал вместе с Элеонорой Рузвельт и ливанцем Чарльзом Маликом над Всеобщей декларацией прав человека [принята ООН в 1948 г.]. Херш Лаутерпахт, немецкий еврейский беженец, преподававший международное право в Колумбийском университете, написал Международный билль о правах человека, который стал центральным текстом в дебатах. Ральф Лемкин, польский еврейский беженец, стоял за Конвенцией о геноциде» [*Barnett,* 2016. P. 123]. Именно в период активной разработки будущих ключевых документов системы международного права М. Хоркхаймер и Т. Адорно работали в Колумбийском университете, где создавался билль о правах человека.

Т. Адорно вместе с группой психологов из Калифорнийского университета в Беркли* разработал предназначенный для обследования американских граждан тест на склонность

***University of California, Berkeley (UC Berkeley, «Калифорнийский университет в Беркли») (США) признан нежелательной организацией в России**

личности к фашизму[1]. Во введении к исследованию авторы закладывали выдающуюся основу для социальной стигматизации будущих испытуемых, «концентрируясь на потенциальных фашистах»: «В центре интересов исследователей был потенциально фашистский индивид — индивид, чья структура делает его особо восприимчивым к антидемократической пропаганде. …Нетрудно обнаружить лиц, воззрения которых позволяли предположить, что они охотно приняли бы фашизм, если б ему удалось превратиться в достаточно сильное и уважаемое движение» [*Адорно и др.*, 2001. С. 15]. Отметим, что «потенциальными фашистами» Адорно и коллеги де факто назвали всех «антидемократов», — само собой разумеется, в это множество попадали и воплощающие модель «авторитарной личности» «советские» люди.

Г. Маркузе официально работал на американскую разведку с 1942 по 1951 гг. «Ещё в 1942 г. Управление стратегических служб США (УСС) привлекло к подготовке мер по денацификации немецких учёных, вынужденных эмигрировать из Третьего рейха после прихода нацистов к власти. В Центрально-европейской секции УСС, в частности, работали выходцы из знаменитой Франкфуртской школы: политолог, социолог и юрист Франц Нойманн, автор опубликованного в 1942 г. фундаментального исследования о Третьем рейхе “Бегемот: структура и практика национал-социализма”, политолог Отто Кирххаймер и философ Герберт Маркузе. Именно эти немецкие интеллектуалы-эмигранты создали широкомасштабную программу демократизации Германии. В частности, группа Нойманна-Маркузе составила скрупулёзные “чёрные списки” активных нацистов, которых предстояло отстранить от руководящих постов после капитуляции нацистского рейха, а также “белые” списки возможных замен, включавших тех лиц, чей “характер, профессиональная репутация, опыт и политическая надёжность делали их особенно подходящими для замещения ответственных должностей”. Кроме того, были подготовлены списки из 220–250 тысяч должностей, обладатели которых подлежали автоматическому аресту и последующему интернированию в целях обеспечения общественной безопасности» [*Лёзина,* 2018. С. 193].

После официального ухода со службы в разведке Маркузе тесно сотрудничал с ангажированными «русскими» центрами: руководимым З. Бжезинским Русским институтом при Колумбийском университете (1951–1952 гг.), фондом Рокфеллера, Русским институтом Гарвардского университета (1952–1953 гг.). Итогом этой работы стала вышедшая в 1958 г. книга «Советский марксизм» [*Marcuse,* 1958][2].

Книга включает два раздела — политические догмы и этические догмы. В центре анализа оказывается специфика советского политического тоталитарного режима и поддерживающей его идеологии. Основная идея состоит в том, что в части используемых механизмов подавления советская и западная модели очень близки: «Обе системы демонстрируют общие черты поздней индустриальной цивилизации: централизация и регламентация заменяют индивидуальное предпринимательство и автономию; конкуренция организована и “рационализирована”; экономическая и политическая бюрократия срастаются и действуют совместно; народ координируется через средства массовой информации, индустрию развлечений, систему образования» [Ibid. P. 81]. Однако, в отличие от западной системы, советская, с одной стороны, не имеет исторического опыта свободной конкуренции и развития либеральных ценностей, а с другой — идёт гораздо дальше западной в части идеологизации общественной жизни и подавления личности. «Советская система кажется еще одним примером того, как опоздавший “пропускает” несколько стадий развития после длительного периода затяжной отсталости, присоединяется к общей тенденции позднеиндустриального общества и безжалостно опережает её. Пропущенные этапы — это

---

[1] Так называемая F-scale — можно заполнить и узнать свой результат — вот здесь: The F-Scale. Anesi.com. https://www.anesi.com/fscale.htm (access date: 25.01.2023).

[2] По непонятным причинам этой книги нет на официальных ресурсах, связанных с Маркузе, в том числе на его официальной странице: Chronological Index of Marcuse’s Publications. Herbert Marcuse Official Homepage. https://www.marcuse.org/herbert/publications/index-date.html (access date: 25.01.2023).

этапы просвещённого абсолютизма и либерализма, свободного конкурентного предпринимательства, зрелой культуры среднего класса с его индивидуалистической и гуманитарной идеологиями. Попытка в рекордные сроки из состояния отсталости догнать уровень развитых индустриальных стран привела к созданию и использованию огромного производственного аппарата в рамках системы господства и регламентации, несовместимой с индивидуалистической рациональностью и либерализмом. В этом — корни беспощадной борьбы советского марксизма против либеральных и идеалистических элементов “буржуазных идеологий”; борьба отражает общественную организацию производительных сил как инструментов контроля, а не освобождения» [Ibid. P. 83].

Далее Маркузе развивает этическую критику советской системы, показывая, что борьба с индивидуализмом и отождествление «морального» с «общественными интересами» и «политический пуританизм» разрушают личность и лишают систему будущего [Ibid. P. 266]. «В западной традиции интроекция этических ценностей происходила в “индивидууме” и вместе с “индивидуумом”: его освобождение от старых традиционных экономических, политических и идеологических связей было предпосылкой эффективности процесса. Отделение человека от государства, общества, обычаев и традиций, его антагонистическое отношение к ним, а также к новым силам и институтам должны были стать предпосылкой его моральной автономии, спонтанной внутренней выработки и воспроизводства этических ценностей. Только на таком основании интроекция может стать подлинной интернализацией, то есть требованиями собственного сознания и веры индивида. Тем самым значительно усиливается их достоверность» [Ibid. P. 262].

В целом в основе развиваемой Маркузе критики СССР лежит всё тот же сквозной для всей истории Франкфуртской школы тезис об историческом поражении движения рабочего класса и проекта мировой революции: «Неспособность пролетариата действовать как революционный класс и поражение пролетарской революции допускаются марксистской теорией; как таковые, они не составляют событий, опровергающих теорию. В марксистской теории они обычно объясняются объективной и субъективной “незрелостью” и рассматриваются как временный регресс, после которого революционный процесс возобновится с последующим ростом классового сознания организованного пролетариата. Но дело обстоит совсем иначе, если, с побеждённой революцией или без неё, развитие зрелого капитализма обнаруживает долгосрочную тенденцию к классовому сотрудничеству, а не к классовой борьбе, к национальному и интернациональному разделению, а не к солидарности пролетариата в передовых индустриальных странах. В марксистской теории капитал и (наёмный) труд определяют друг друга, или, точнее, рост революционного пролетариата в конечном счёте определяет необратимое направление капиталистического развития. Следовательно, если со стороны пролетариата направление изменяется, капиталистическое развитие достигает новой стадии, к которой уже неприменимы традиционные марксистские категории» [Ibid. P. 18].

Из предыдущей цитаты вырастает весь предлагаемый Маркузе анализ сперва ленинизма, а затем сталинизма, которых Маркузе упрекает в последовательном нежелании признать очевидное (см. предыдущий абзац), вынужденном уходе от марксистской ортодоксии (партия как носитель подлинного классового сознания «несознательного» пролетариата; сосуществование социалистической и капиталистической систем вместо исторической последовательности; сохранение антагонистических отношений вместо всеобщего равенства; национализация и госкапитализм вместо обобществления и коммунизма и т.д.) и вырождении советского марксизма в квазирелигиозную политическую доктрину, служащую не освобождению, а тоталитарному контролю: «Так как в действительности индивидуальный интерес ещё антагонистичен интересу целого, так как национализация не есть обобществление, то рациональность советского реализма предстаёт как в высшей степени иррациональная, как ужасающая конформность» [Ibid. P. 86].

С некоторыми вариациями (и с непосредственной опорой на неоднократно цитируемую им работу Маркузе) эти же идеи в своей книге об СССР повторит Э. Фромм: «Главное отличие между “социализмом” и “капитализмом” заключается не в национализации средств производства (отмене частной собственности). Это всего лишь технический инструмент, позволяющий добиться более эффективного производства и планирования. Советская система — это эффективная, полностью централизованная система, которой управляет промышленная, политическая и военная бюрократия; это результат завершённой “управленческой”, а не социалистической революции. Советская система не противостоит капиталистической системе, она, скорее, является образом того, во что превратится капитализм, если мы не вернёмся к западным принципам гуманизма и индивидуализма» [*Фромм,* 2021. С. 84].

Разумеется, если, как утверждал Фромм, «согласно концепции Маркса, главные цели человека — *независимость и свобода*» [Там же. С. 74], глубокое разочарование Франкфуртской школы в СССР и переход части её представителей на радикально антисоветские позиции выглядят довольно естественными. Дальше всех на этом пути зашёл К. Виттфогель, объявивший СССР «бюрократическим деспотизмом» и защищавший в знаменитой работе «Восточный деспотизм. Сравнительное изучение тотальной власти» (1957 г.) концепцию, согласно которой СССР был воплощением не получившего должного теоретического описания у Маркса «азиатского способа производства», в условиях которого «агроуправленческая бюрократия составляет правящий класс» [*Vittfogel*, 1967. P. 6]. В таком обществе, которое в Россию принесла Золотая Орда, в свою очередь позаимствовавшая социально-управленческие практики у «гидравлической» цивилизации Китая, государственная собственность порождает «триаду тотального террора, тотального подчинения и тотального одиночества» [*Нуреев, Ореховский,* 2021. С. 12][3]. Неприятие Советского Союза и коммунистических идей у Виттфогеля достигло такого накала, что он принял участие в маккартистской антикоммунистической кампании и в 1951 г. дал показания подкомитету по внутренней безопасности сенатского судебного комитета сенатора П. Маккаррана [*Jay,* 1996. P. 139].

Глубокое разочарование в Советском Союзе и враждебное отношение к советской идеологии органично совпало с постепенным исчезновением марксистского языка из дискурса Франкфуртской школы, — чтобы её представителей не спутали с «коммунистами» сперва приютившие Институт американцы, а затем и власти ФРГ [*Джеффрис*, 2018. С. 78], а также в силу растущей дистанции интересов и взглядов лидеров Института от собственных марксистских корней. Симптоматично, «что то, что до 1933 года было известно как Café Marx, в 1951-м получило название Café Max — в честь Хоркхаймера. Маркс — философ, чье имя Институт предусмотрительно вычищал из своих работ времён американской ссылки, чтобы не оскорбить принимающую сторону, — был снова вытеснен на второй план в новой европейской реинкарнации Института» [Там же. С. 287].

Советские философы, со своей стороны, нисколько не были введены в заблуждение франкфуртским антифашизмом и столь же яростной критикой капитализма, какой была и критика СССР. Для них, начиная уже с «Диалектики Просвещения», уход лидеров Института от марксистского исторического материализма и метафизическая психологизация оснований кризисных явлений в современном обществе были сколь очевидными, столь и неприемлемыми: «и антисемитизм, и “культ фюрера” получают прежде всего психологическое объяснение; они, правда, выводятся из внутренних противоречий буржу-

[3] Фундаментальная работа К. Виттфогеля получила разгромные и слегка озадаченные масштабом несогласия рецензентов с автором отзывы. В частности, А. Тойнби выразил «обеспокоенное подозрение», что «книга является политической, а не научной» [*Toynbee,* 1958. P. 196], а Дж. Нидэм написал, что «книга представляет собой величайшую медвежью услугу, когда-либо оказанную объективному изучению истории Китая» [*Needham,* 1959. P. 59] и «профессор Виттфогель утратил всякий контакт с реальностью» [Ibid. P. 61].

азной культуры, но из противоречий чисто духовного свойства. Классовая основа этих надстроечных явлений, социально-экономический базис при этом фактически игнорируются. “Критическая теория” выступает в роли критика не капитализма, а буржуазного просвещения, культуры и идеологии вообще» [*Фогелер*, 1975. С. 23]. И вариант попроще: «Полное игнорирование природных процессов, лежащих в основе человеческой деятельности, сопровождается во фрейдо-марксизме отсутствием адекватного анализа её специфики. Отрицая важнейшие характерные черты предметной деятельности человека, в частности её специфику как общественного труда, фрейдо-марксизм ставит на их место ложную как в естественнонаучном, так и в социально-историческом плане концепцию влечения» [*Браун,* 1982. С. 218].

В этом заочном конфликте обе стороны видели друг в друге предателей. Для Института социальных исследований СССР воплощал торжество авторитарного сознания и тоталитаризма, со злой иронией замаскированного под цитадель свободы и столь же далекого от подлинного марксизма, сколь активно развивающего давно утративший связь с советской реальностью марксистский дискурс. Для советских марксистов Франкфуртская школа воплощала худшую форму ревизионизма, под видом борьбы за подлинный марксизм и «левые» ценности обслуживающего идеологию капитализма и подменяющего социальную правду и политическую борьбу психологизированной и абстрактной (т.е. «буржуазной») метафизикой. Ситуация усугублялась разницей в социально-политической диспозиции: советские философы были частью социалистического государства и в этом качестве не только мыслили, но и действовали — в том числе в форме дискуссий о марксизме, «романтических» проектов критики и развития советского общества и т.д.[4]; лидеры Франкфуртской школы, напротив, всё дальше уходили от социально-политического процесса и всё более последовательно занимали абстрактно-критическую, теоретическую позицию[5]. Схизма стала непреодолимой.

Диалектика конформизма

В 1974 г. в журнале Telos[6] вышла статья Ж.-Ф. Лиотара с характерным названием «Адорно как дьявол» [*Lyotard,* 1974]. В ней Лиотар с характерным для философии французского постмодернизма обилием метафор интерпретирует негативную диалектику Адорно как ностальгию по утраченному Богу, находящую выражение в переходе «от стыдливого нигилизма к демонстративному нигилизму» [Ibid. P. 133]. Разочарование в тотальности

---

[4] Несмотря на стереотипное представление об идеологической монолитности интеллектуальной культуры СССР, в действительности она была весьма разнообразна и включала острые дискуссии по критическим с точки зрения марксистко-ленинской ортодоксии вопросам. Однако ввиду наличия у советских исследователей, с одной стороны, идеологических задач, а с другой стороны, «советской действительности», для них, в отличие от западного марксизма в целом и Франкфуртской школы в особенности, марксизм не был и не мог быть просто частью исторической библиотеки, и их изыскания в этой области всегда имели в виду не только марксистский метод, но и конкретно-исторический предмет, и конкретно-политический контекст (см., например [*Ореховский, Вархотов, Кошовец, Нуреев, Ермолов,* 2022]).

[5] Ярче всего это проявилось в 1968 г., когда лидеры Франкфуртской школы не только не поддержали революционные выступления студентов, но были распознаны ими в качестве пособников якобы критикуемого ими капиталистического режима. Распространённая студентами листовка гласила: «Критическая теория преподаётся в настолько авторитарной манере, что её подход к социологии не оставляет места студентам для организации собственных исследований. Мы сыты по горло учёбой во Франкфурте и не желаем, чтобы нас превратили в сомнительных политических левых, которые по окончании обучения будут играть роль интегрированных союзников авторитарного государства» (цит. по: [*Джеффрис,* 2018. С. 367–368]). А в январе 1969 г. Т. Адорно и Ю. Хабермас даже вызвали полицию, чтобы выдворить протестующих студентов из занятой ими аудитории.

[6] Американский академический журнал, созданный в 1968 г. для продвижения идей «Новых левых», прежде всего западного марксизма и критической теории Франкфуртской школы.

и приверженность отрицанию на теологическом языке есть утрата Бога и обращение к демоническому: «Тотальность отсутствует = нет примиряющего Бога = всё примирение может быть представлено только в его невозможности, пародировано = это сатанинская работа» [Ibid. P. 132]. Когда в конкретно-историческом анализе диалектика дала сбой, «сломалась», — пролетариат поддерживает тоталитаризм, «когда Бог замолчал, красный бог больше не говорит, культура не более, чем остаток культа, какое место может Адорно назначить себе, если не дьявола? /…/ Когда Творение безумствует, именно дьявол рискует быть правым» [Ibid. Pp. 136–137].

Используя метафору дьявола, Лиотар вскрывает важную черту философии Адорно — специфический нарциссизм, выражающийся, с одной стороны, в удовольствии от разрушения, обожествлении негативности как чистого воплощения мысли, которая не может не быть критической, а с другой стороны, проявляющийся в сохранении для себя привилегированной позиции: «негативная диалектика» не могла стать объектом отрицания, равно как и «критическая теория» выводится из-под критики. Дьявол отрицает Бога, но хочет быть им. Это удивительным образом перекликается с концепцией «авторитарной личности», обнаруживая в позиции лидеров Франкфуртской школы яркие признаки того, с чем они непримиримо сражались в своих сочинениях, — стремление захватить авторитет и отказать «неправильному мнению» в праве на существование[7].

Этот «дьявольский» аспект простирался гораздо дальше негативной диалектики и философии искусства Адорно, — он пронизывал все творчество и социальную жизнь лидеров Франкфуртской школы, постепенно конвертировавших свое социально-политическое и теоретическое сиротство в специфическую форму респектабельного снобизма, в который эволюционировала критическая теория. В обществе, где торжествует «одномерность» — товарный фетишизм и отказ от критической рефлексии в пользу захваченного потреблением безграничного принципа удовольствия, — в таком обществе в конечном счете плохо *всё*. Конечно, тоталитарные враги западного мира ещё хуже, чем он, но это выбор из плохого и ужасного. Разумеется, окончательно не уничтоженные прогрессистской культурой Просвещения и научно-технического прогресса ростки свободной мысли и гуманизма кое-где пробиваются, но система быстро утилизирует их для воспроизводства собственной одномерности. Здесь нет ничего ценного, кроме пока ещё сохраняющейся у разума возможности вырываться из плоского одномерного мира потребления с помощью актов чистой бескомпромиссной деструктивной критики. Любая *конструктивная* критика, т.е. имплицитная политическая позиция («за» что-то) означала соучастие в одномерности, поскольку любое «за» неизбежно работает на воспроизводство существующей системы.

Напрасно коллеги по интеллектуальному цеху пытались «приземлить» критическую теорию с помощью простого вопроса «неужели в новейшей истории общества не произошло ничего хорошего?» [*Hook,* 1988. Pp. 594–595] или ироничных намеков на наивные перформативные ошибки: как подметил А. Макинтайр, теория одномерного общества Маркузе была бы верной, если бы книгу о ней никто не прочёл, и сам факт возможности

---

[7] Один из самых ярких примеров такой нетерпимости — происшедшая около 1965 г. дискуссия Г. Маркузе с С. Хуком о развитии американской демократии. Как рассказывает об этом Хук «я поднялся и задал ему простой вопрос: ”Что вы бы предпочли, ситуацию, в которой негры не имели свободы голосовать или ту, в которой они имели свободу голосовать, но сделали неверный выбор?” Ответ Маркузе удивил аудиторию — и впоследствии, возможно, самого Маркузе: “Поскольку я уже зашел достаточно далеко, я могу идти до конца. Я бы предпочел, чтобы у них не было свободы голоса, если они собираются неправильно использовать свою свободу”» [*Hook,* 1988. P.595]. Не менее показательна и послевоенная травля М. Хайдеггера, в которой Ю. Хабермас проявил существенно большую изощрённость, чем того требовала дань духу времени — бывший участник гитлерюгенда с достойной своего собственного прошлого бескомпромиссностью требовал от отошедшего от дел и уже неоднократно официально и неофициально раскаявшегося пожилого профессора признания в неизжитых симпатиях к фашизму и публичного самобичевания [*Джеффрис,* 2018. С. 283–285].

говорить об этой одномерности свидетельствует о несколько большем числе измерений и сохранении обществом способности критического восприятия [*MacIntire,* 1970. P. 62]. Эта критика пролетала мимо цели, а те, кому она предназначалась, последовательно спасались от активно критикуемой ими реальной жизни в глубине академических кресел[8].

Однако тотальный скепсис в отношении социальной действительности и её обоснования вполне совместим с фактической работой на благо этой действительности. Радикальная критическая позиция оказывалась вполне совместимой с социально-политическим конформизмом для тех, кто борется «против всего», единственным нуждающимся в защите предметом является право на эту, неизбежно весьма абстрактную, борьбу. Как прекрасно показал в «Одномерном человеке» сам Г. Маркузе, власть любит критиков, не располагающих реальной альтернативой, ведь такие критики лишь добавляют легитимности существующему порядку. Не будь сотрудники Института социальных исследований столь одержимы своей, исходно вполне политической и питавшейся в том числе личными мотивами борьбой, они заметили бы собственное движение в направлении того, что сами назвали «авторитарной личностью», ещё в начале 1940-х, когда включились в работу на систему пропаганды и разведку США (см. выше). К концу жизненного пути первого поколения Франкфуртской школы этот скрытый за теоретическим радикализмом политический конформизм принял общедоступную наблюдаемую форму — в 1969 г. один из разочарованных студентов Адорно написал на доске «Не тронь Адорно никогда — капитализм будет всегда» (цит. по: [*Джеффрис,* 2018. С. 370]).

Во втором поколении Института социальных исследований удивительная эволюция франкфуртских марксистов завершается переходом конформизма из пассивной в активную форму — Франкфуртская школа сближается с Социал-демократической партией Германии (СДПГ): «Представители нового поколения Франкфуртской школы к началу 70-х годов стали играть также роль идеологов определённых кругов СДПГ: Хабермас в 1971 г. покинул Институт социальных исследований, чтобы возглавить вновь созданный Институт исследований условий жизни научно-технического мира и в своих последних теоретических трудах разрабатывал такую “теорию коммуникативной компетентности”, которая прямо примыкает к новейшей правительственной практике СДПГ в области манипуляции общественным мнением ФРГ. Другие представители Франкфуртской школы (например, франкфуртский социолог Людвиг фон Фридебург [позднее ставший директором Института социальных исследований и остававшийся им до 2001 г. — *Т.В.*] и др.) стали министрами по делам науки и образования в руководимых СДПГ земельных правительствах ФРГ. Правое крыло младшего поколения Франкфуртской школы перешло, таким образом, к началу 70-х годов на позиции активной поддержки и теоретико-философского обоснования внутренней политики и социально-политической доктрины СДПГ» [*Фогелер,* 1975. С. 29].

Хотя процитированная выше оценка принадлежит советскому марксисту, писавшему в период постепенного допуска сюжета о Франкфуртской школе в русскоязычное (советское) пространство[9], однако она вполне подтверждается современными западными исследователями, которых трудно заподозрить в симпатиях к давно покинувшей актуальную политическую повестку советской идеологии. «Хабермас оставил в стороне системное противоречие, которое анализировала марксистская теория, сперва заменив его различе-

---

[8] В начале 1960-х гг. будущая знаменитая активистка и политический деятель А. Дэвис (род. в 1944 г.) была студенткой Г. Маркузе в США, а затем Т. Адорно в Германии. Когда в 1966-м г. после основания движения «Чёрных Пантер» она решила вернуться из Европы в США для активной политической борьбы, Т. Адорно сказал, что её «желание непосредственно присоединиться к радикальным движениям сродни желанию медиатеоретика пойти работать радиотехником» (цит. по: [*Джеффрис,* 2018. С. 341]).

[9] Работы лидеров первого поколения Франкфуртской школы публикуются по-русски с 1970-х гг. [*Маркузе,* 1970; *Адорно,* 1973; *Фромм,* 1981]; несколько ранее (примерно с 1968 г.) появляются обзорные критические работы по Франкфуртской школе, — первоначально, преимущественно переводные, написанные немецкими марксистами.

нием между разными видами действия и интересами знания, а затем конфликтом между социальной системой и “жизненным миром”, — пишет Й. Терборн. — Критическая защита современности оставалась центральным элементом этой практики. /…/ Хабермас порвал не только с критикой политической экономии, но и с дискурсом своих предшественников» [*Терборн,* 2021. С. 124–125].

Действительно, марксистский дискурс, столь характерный для первого поколения Франкфуртской школы, во втором поколении постепенно исчез, растеряв в равной мере, и лексику, и сюжеты. Капиталистическая экономика и либеральная демократия постепенно заняли место исторически безальтернативных институциональных решений для экономики и политики, а с ними на место марксистско-гегельянской лексики пришла более умеренная кантианская в сочетании с языком современной англо-американской традиции, — прежде всего прагматизма и аналитической философии. Как довольно точно выразилась редакция газеты «Frankfurter Rundschau», опубликовавшей в апреле 2020 г. интервью с Ю. Хабермасом, «эпоху составило дискурсивно-теоретическое развитие Хабермасом марксистской критической теории, которое перетекло во взыскательное обоснование демократического правового государства» (цит. по: [*Мотрошилова,* 2020. С. 298]).

Симптоматично отсутствие упоминаний Хабермаса (но не представителей первого поколения Франкфуртской школы!) в работах, посвящённых развитию марксистской мысли, — причём не только в современных, но и в написанных еще на рубеже 1970–1980 гг. (см., например, [*Мерифилд,* 2020; *Гэн,* 2019; *Сяньда*, 2019; *Андерсон,* 2016][10]). И ещё более симптоматично, что в посвящённой «попытке актуализации» «устаревшего» (эта оценка многократно повторяется в работе) концепта социализма книге А. Хоннета [*Хоннет,* 2022] — который занимал должность директора Института социальных исследований в 2001–2018 гг. — марксистский дискурс отсутствует полностью[11]. При этом «социализм болен неспособностью самостоятельно, при помощи своих собственных концептуальных средств найти подходы к идее политической демократии» [Там же. С. 115], а обновленный социализм оказывается, по сути, мечтой о преодолевшей исторические институциональные ограничения либеральной демократии: «В обществе устроенного на либерально-демократических началах капитализма он представляет историческую тенденцию постепенного преодоления социальных зависимостей и эксклюзии, всегда и повсюду настаивая, что при данных условиях реализация обещанной гармонии свободы, равенства и солидарности ещё совершенно невозможна» [Там же. С. 155].

Амбивалентное и двусмысленное до иррациональности отношение к капитализму и либеральной демократии у первого поколения Франкфуртской школы — которое сражалось с постпросвещенческой западной цивилизацией, но не видело ей альтернативы и сражалось за неё против казавшихся им еще более скверными моделей общественного устройства, — сменилось осознанным и последовательным конформизмом в следующем поколении. Если «западной модели» нет исторической альтернативы, — а для поколения Хабермаса и, тем более, Хоннета это очевидно, — то её нужно не разрушать, а улучшать, постепенно совершенствовать, опираясь на критическую рефлексию и идеал консенсуса как своего рода политический аналог столь же недостижимого, но и столь же значимого как регулятивный принцип рыночного равновесия.

---

[10] Один из главных идеологов «новых левых» П. Андерсон в изданных под заголовком «На путях исторического материализма» в 1983 г. лекциях признаёт, что «отсутствие какого-либо упоминания о Хабермасе в «Размышлениях о западном марксизме» было ошибкой» [*Андерсон,* 2016. С. 269], однако далее сам же ясно демонстрирует идейное родство Хабермаса с французским постструктурализмом и философией языка и определяет его теоретическую позицию как «пограничную между марксизмом и немарксизмом» [*Андерсон,* 2016. С. 271].

[11] Например, термин «отчуждение» встречается в работе один раз, а термин «диалектика» не используется вообще.

Для Адорно — самого радикального и последовательного сторонника ничем не ограниченного критического метода, — воплощением критической работы разума выступала негативность как таковая, абсолютное отрицание. Такая позиция противопоставляет предмет и метод, поскольку метод содержит безусловное требование распредмечивания любого предмета, признания его иллюзией, фетишизированной частичностью. Критическое мышление тем самым замыкается на себя и превращается в самоцель, не имеющую созидательных перспектив. Неслучайно Я. Гэн дает позиции Адорно резко отрицательную оценку: «неверное толкование, или даже извращение марксовых постулатов» [*Гэн,* 2019. С. 141]. Чистую негативность мышления можно защищать в кабинете, но в социальной практике она порождает эскапизм и беспомощность, поскольку не содержит никакой созидательной установки — это неоднократно проявилось в политической жизни лидеров первого поколения Франфуртской школы.

Однако у следующего поколения франкфуртцев критическая установка из универсальной метафизической, какой она была заявлена у Адорно, превращается в морально-эпистемологическую: она обретает предметные ограничения и специфическую территорию. Теперь она означает не чистую негативность, а нечто противоположное — рефлексивность, рациональность, под которой понимается, по сути, смиренная готовность обнаружить ошибку, признание принципиального несовершенства конечных, готовых форм знания. Здесь позиция Хабермаса сближается с критическим рационализмом К. Поппера: «Самопонимание философии должно стать фаллибилистским, она должна также принять процедурную рациональность опытных наук» [*Кимелев,* 2021. С. 193][12].

Тем самым все исходные объекты критики Франкфуртской школы — капитализм, либеральная демократия и технократическая наука — превращаются в объекты апологетики, своего рода поступательного усовершенствования на основе критики и рационального согласия. «Задачей Хоннета была не революция, а улучшение капитализма и демократии до той точки, в которой мы как человеческие субъекты сможем получить полноценное признание. Один из его предшественников по Франкфуртской школе, Адорно, мог бы, по крайней мере, возразить: в ложной системе не может быть ничего истинного, и система эта тотально овеществлена. Но Адорно умер в 1969 г., и Франкфуртская школа под руководством Хабермаса, а затем Хоннета полностью посвятила себя не революции, а улучшению условий при капитализме и либеральной демократии» [*Джеффрис,* 2018. С. 412].

Вместо заключения: марксизм на паузе

Ю. Хабермасу приписывается ироничная и меткая характеристика герменевтической программы Х.-Г. Гадамера из знаменитой работы «Истина и метод», — «истина без метода»: позиция Гадамера противопоставляла герменевтику критическому мышлению [*Лаврухин,* 2020]. Франкфуртская школа пошла противоположным путём, противопоставив метод истине и придя к ситуации торжествующей констатации несовершенства всего, чем мы располагаем или способны располагать.

В подобной ситуации синица и журавль из известной пословицы легко меняются местами: если «синицы в руках» всё равно нет (точнее, она по определению «недостаточно синица»), то «журавль в небе» вполне может претендовать на предпочтение. Тотальное превосходство метода над предметом приводит или к снобистскому интеллектуальному одиночеству и противопоставлению свободы наличному бытию, как это произошло у пер-

[12] Показательно, что в 1960-х гг. Ю. Хабермас был одним из ключевых участников так называемого «спора о позитивизме», затеянного Т. Адорно в ходе дискуссии с К. Поппером, которого франкфуртцы тогда обвиняли в «позитивизме». В то время Хабермас выступал единым фронтом с Адорно и упрекал «позитивистов» (критических рационалистов) в фетишизации научных методов и эмпирических фактов [*Adorno", Albert, Dahrendorf, Habermas, Pilot, Popper,* 1976].

вого поколения Франкфуртской школы, или к неявному признанию инструментального характера метода, который из деструктивной онтологии возвращается на вроде бы отброшенную им территорию — в сферу улучшения наличного.

Уже у Маркузе утопия и антиутопия оказываются методологически более реальными, чем пронизанная обманом наличная действительность [*Баталов и др.,* 1970. С. 131–132]. Справедливое устройство общества не может реализоваться в наличном — этому мешает слишком много обстоятельств, в каком-то смысле составляющих саму материю современного социального мира. А. Хоннет в этой связи разочарованно констатирует «господство фетишизирующего понимания общественных отношений», т.е. уверенность людей в том, что «законы общественного развития» имеют объективный характер и не зависят от их воли и участия» [*Хоннет,* 2022. С. 22–23]. А современный западный марксист Э. Мерифилд высказывается еще конкретнее: «Одно из главных препятствий, стоящих на пути свободной реализации наших жизненных сил, — это *общество* (курсив мой — *Т.В.*), которое не только создаёт бессмысленную работу, но и организует эту работу посредством в высшей степени детализированного и фрагментированного разделения труда» [*Мерифилд,* 2019. С. 211]. В подобной ситуации быть марксистом и критиком современного общества, — значит мечтать о лучшем, и Мерифилд превращает Маркса в великого мага, а марксизм — в стратегию торжества воображения [*Мерифилд,* 2019].

Показательно, что Мерифилд, беспощадный в критике выродившихся, по его мнению, «новых левых»[13], при характеристике симпатичных ему теоретиков (И. Илич и др.), сам того не замечая, рисует в точности ту же картину «лишь теоретического» марксизма, в котором «дискуссия» остаётся единственным методом: «Для этих людей *теоретические споры означают в конечном счёте практическое экспериментирование* (курсив мой — *Т.В.*), выработку альтернативной социальности в рамках доминирующего общества… не ждут пассивно, когда произойдет Большой Взрыв Революции; они создают его в постоянном процессе экспериментирования и усовершенствования» [*Мерифилд,* 2019. С. 208]. «Теоретические споры означают…» — именно в этих спорах и реализуется «экспериментирование» и «усовершенствование», которые носят умственный, абстрактный характер. Это в лучшем случае *мысленные* эксперименты и *теоретические* усовершенствования. Негативная диалектика оказалась прирученной, получив в свое распоряжение воображаемое будущее (ср. марксизм как футурологию у Я. Гэна [*Гэн*, 2019]).

Метод победил истину, запретив её и объявив все усилия, направленные в её сторону, работой воображения. Такая постановка вопроса исключает возможность практики, поскольку наличное несовершенно по определению, а инструментом совершенствования является будущее (воображаемое) — т.е. то, чего нет. Остаётся лишь бесконечная территория безопасной критической рефлексии, производящей — там, в будущем, в утопии воображаемого, — модели лучшего политического, экономического и социально-повседневного (личное пространство — третья сфера по Хабермасу и Хоннету) устройства. Как говорил герой Вольтера, всё, что ни делается, к лучшему в этом лучшем из возможных миров, — ужасавшая Маркузе всеядность социальной системы, способной всё, включая протест, превратить в ресурс собственного воспроизводства, из пугающей отрицательной характеристики превратилась в условие роста: пусть вся рефлексивная критика помогает существующей системе становиться лучше.

В своей работе о советском марксизме Маркузе иронично замечал, что советские теоретики «поставили на паузу» западный пролетариат, до тех пор, пока он не достигнет

[13] Имеется в виду, в частности, авторитетный журнал New Left Review, современные публикации которого Мерифилд характеризует как «упоение беспристрастной критической негативностью», которая «являет собой худшую сторону марксизма, робкую и никчемную разносторонность, без будущего, без надежды, без надежды пробудить надежду, без отличительных качеств, которые можно было бы передать кому-то» [*Мерифилд*, 2019. С. 205–206].

точки реактивации в качестве революционной силы [*Marcuse,* 1958. P. 71]. Шестьдесят лет спустя вслед за пролетариатом «встал на паузу» и весь западный марксизм: «В Северной Атлантике (весь остальной мир за исключением нескольких регионов в Индо-Латинской Америке не сильно отличается) марксистская политическая деятельность либо исчезла, либо стала полностью маргинальной; в лучшем случае, как это мог бы выразить симпатизирующий наблюдатель из Кералы, Трипуры или Западной Бенгалии, марксизм поставили на паузу. Социалистический горизонт, отчетливо ярко-красный ещё три десятилетия тому назад, исчез» [*Терборн,* 2021. С. 239–240].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Адорно Т., Сэнфорд Р., Френкель-Брюнсвик Э., Левинсон Д. (2001). *Исследование авторитарной личности* [*Adorno Th., Frenkel-Brunswik E., Levinson D., Sanford R.* (2001). The Investigation of Authoritarian Personality]. — М.: Серебряные нити.

Андерсон П. (2016). *Размышления о западном марксизме. На путях исторического материализма* [*Anderson P.* (2016). Reflections on Western Marxism. On the Path of Historical Materialism]. — М.: Common place.

Баталов Э. Я., Никитич Л. А., Фогелер Я. Г. (1970). Поход Маркузе против марксизма [*Batalov E.Y., Nikitich L.A., Fogeler Y.G.* (1970). Marcuse's Crusade against Marxism]. — М.: Мысль.

Браун К.-Х. (1982). *Критика фрейдо-марксизма* [*Braun K.-H.* (1982). Criticism of Freudo-Marxism]. — М.: Прогресс.

Гэн Я. (2019). *Апология Маркса: новое прочтение марксизма* [*Gan I.* (2019). Apology of Marx: a New Approach for Marxism]. — М.: ООО Международная издательская компания «Шанс».

Джеффрис С. (2018). *Гранд-отель «Бездна». Биография Франкфуртской школы* [*Jeffries S.* (2018). Grand Hotel Abyss. The Lives of the Frankfurt School]. — М.: Ад Маргинем Пресс.

Кимелев Ю.А. (2021). Концепция постметафизического мышления Юргена Хабермаса [*Kimelev J.A.* (2021). Jürgen Habermas' Concept of Post-Metaphysical Thinking] // *Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература.* Сер. 3: Философия. № 2. С. 188–206. DOI: 10.31249/rphil/2021.02.11.

Лаврухин А. (2020). Критика идеологии в герменевтике Гадамера и критической теории Хабермаса [*Laurukhin A.* (2020). Critique of Ideology in Gadamer's Hermeneutics and Habermas' Critical Theory] // *Horizon.* №9 (1). С. 69–101. https://doi.org/10.21638/2226-5260-2020-9-1-69-101

Лёзина Е. (2018). Денацификация Западной Германии. 70 лет с момента завершения программы [*Lezina J.* (2018). Denazification of West Germany. 70 years Since the Programme´s Completion] // *Вестник общественного мнения.* № 3–4 (127). С. 192–206.

Мерифилд Э. (2020). *Магический Марксизм. Субверсивная политика и воображение* [*Merrifield A.* (2020). Magical Marxism: Subversive Politics and the Imagination]. — М: Ад Маргинем Пресс.

Мотрошилова Н.В. (2020). Последнее интервью и новая книга Юргена Хабермаса: «Никто и ничто, достойные этого, не должны быть забыты в современной истории философии» [*Motroshilova N.V.* (2020). Last Interview and New Book of Jurgen Habermas: «No one and nothing worthy of it should be forgotten in the modern history of philosophy»] // *Философия. Журнал Высшей школы экономики.* Т. 4. №4. С. 297–313. DOI: 10.17323/2587-8719-2020-4-297-313.

Нуреев Р.М., Ореховский П.А. (2021). Дискуссии об азиатском способе производства (Политэкономия социализма: когнитивный тупик 1970-х) [*Nureev R.M., Orekhovsky P.A.* (2021). Discussions about The Asian Mode of Production (The Political Economy of Socialism: The Cognitive Deadlock of The 1970s)] // *Вопросы регулирования экономики.* 12 (2). С. 6–21. DOI: 10.17835/2078-5429.2021.12.2.006-021.

Ореховский П.А., Вархотов Т.А., Кошовец О.Б., Нуреев Р.М., Ермолов А.Ю. (2022). *Когнитивные структуры и политэкономия социализма в СССР* [*Orekhovsky P.A., Varkhotov T.A., Koshovets O.B., Nureev R.M., Ermolov A.J.* (2020). Cognitive Structures and Political Economy of Socialism in USSR]. — СПб.: Алетейя.

Сяньда Ч. (2019). *В глубь истории: историческая концепция К. Маркса* [*Sjanda Ch.* (2019). Into the depth of History: historical conception of K. Marx]. — М.: ООО Международная издательская компания «Шанс».

Терборн Й. (2021). *От марксизма к постмарксизму?* [*Therborn G.* (2021) From Marxism to Post-Marxism?] — М.: Изд. дом Высшей школы экономики.

Фогелер Я.Г. (1975). История развития основных идей Франкфуртской философско-социологической школы [*Fogeler J.G.* (1975). History of the development of the main ideas of the Frankfurt philosophical and sociological school] // *Социальная философия Франкфуртской школы* / Б.Н. Бессонов, И.С. Нарский, М.В. Яковлев (ред.). — М., Прага: Мысль, Свобода.

Фромм Э. (2021). Да победит разум! [*Fromm E.* (2021). Let the Reason Win!] — М.: АСТ.

Хоннет, А. (2022). *Идея социализма. Попытка актуализации* [*Honnet, A.* (2022). The Idea of Socialism. Update Attempt]. — М., Берлин: Директмедиа Паблишинг.

Adorno Th., Albert H., Dahrendorf R., Habermas J., Pilot H. and Popper K. (1976). *The Positivist Dispute in German Sociology.* — Heinemann-London: Harper Torchbook.
Barnett M. (2016). *The Star And The Stripes. A History of the Foreign Policies of American Jews.* — Princeton: Princeton University Press.
Hook S. (1988). *Out of Step. An Unquiet life in 20th Century*. — N.Y.: Carroll & Graf Publishers, Inc.
Jay M. (1996). *A History of the Frankfurt School and the Institute of Social Research. 1923–1950.* — Berkley: University of California Press*.
Lyotard J.-F. (1974). Adorno as the devil // *Telos*. 19. Pp. 128–137. DOI: 10.3817/0374019127.
Maclntyre A. (1970). *Marcuse.* — London: Fontana.
Marcuse H. (1958). *Soviet Marxism*. — N.Y.: Columbia University Press.
Needham J. (1959). Book Reviews. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. By Karl A. Wittfogel // *Science & Society. Winter.* Vol. 23. No. 1. Pp. 58–65.
Toynbee A.J. (1958). Book Reviews. Oriental Despotism: A Comparative Study of Total Power. By Karl A. Wittfogel // *The American Political Science Review*. Vol. 52. No. 1. Pp. 195–198.
Vittfogel K. (1967). *Oriental Despotism. A Comparative Study of Total Power*. — New Haven and London: Yale University press**

Вархотов Тарас Александрович
varkhotov@gmail.com
Taras Varkhotov
PhD (philosophy), senior lecturer, Lomonosov Moscow State University (Moscow),
Institute Of Economics, Russian Academy of Sciences (Moscow).
varkhotov@gmail.com

METHOD VERSUS TRUTH. PART 2. THE SCHISM WITH SOVIET MARXISM AND TRANSFORMATION OF FRANKFURT SCHOOL'S DISCOURSE

Abstract. The article is the second part of the study of the evolution of the Frankfurt School theoretical views in the context of the history of Marxism and the development of the «left idea» in the 20th century. The central point is the degeneration of «critical theory» into a conformist quasi-liberal-democratic conception that retains only a distant formal relationship with Marxism. It is shown how the critical attitude and radical negativism of the first generation of the Frankfurt School in the second generation gradually turn to a recognition that an alternative to liberal democracy and the capitalist economy is absent. Combined with the shaped in the 1950s rejection of Soviet Marxism and the USSR, which considered as a form of poorly disguised totalitarianism that fetishized labor and state power and abandoned freedom and reason in favor of domination and effective exploitation, the political conformism of the employees of the Institute for Social Research in Frankfurt am Main led to their actual break with Marxism. There was a rejection of both the main plots and approaches to their interpretation — economic relations, class struggle, dialectical materialism, etc. — and the Marxist language itself: the second generation of the Frankfurt School does not use Marxist terminology and abandons the Marxist discourse. The critical attitude from the universal metaphysical, as it was in Adorno, is reborn into an morally-epistemological one: it acquires objective limitations and means not pure negativity, but something opposite — a reflexive readiness to be wrong, a willingness to discover a mistake. In J. Habermas and A. Honneth, the critical attitude approaches the critical rationalism of K. Popper and turns from revolutionary into conformational — now it is a tool for creating social harmony and improving, rather than destroying the social order. In this way, the method defeats the truth, declaring it impossible, but in the end turning into an endless, unsolvable promise of approaching an unattainable truth, which cannot be, but which can be imagined. The theoretical ("critical") work that leads nowhere ultimately benefits the existing order — in full accordance with Marcuse's ideas about a one-dimensional society, but in a diametrically opposite modality for the second generation of the Frankfurt School: now this is a reason not for horror, but for optimism.

Keywords: *methodology, Marxism, alienation, Frankfurt school, critical theory.*
JEL: A12, A13, B24, B51.

*** University of California, Berkeley (UC Berkeley, «Калифорнийский университет в Беркли») (США) признан нежелательной организацией в России**

**** Йельский университет (Yale University) (США) признан нежелательной организацией в России.**

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

Т.С. Новикова
д.э.н., проф., ведущий научный сотрудник, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск)

М.Р. Зафаржонова
аспирант, инженер, Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск)

ОЦЕНКИ ПОТРЕБНОСТИ В ОБОРОТНОМ КАПИТАЛЕ ПРИ ИНВЕСТИЦИЯХ В РАЗВИТИЕ ЗДРАВООХРАНЕНИЯ

Аннотация. Распространение медицинских технологий составляет основу перехода к следующему мирохозяйственному укладу и требует масштабных инвестиций в сферу здравоохранения. Для их обоснования необходимы определённые методы принятия инвестиционных решений, соответствующие новому этапу научно-технологического развития. В статье предложены методы оценки инвестиционных проектов на основе анализа издержек и выгод, измеряемых в денежном выражении с учётом этих подходов. С одной стороны, определяется экономическая (общественная) эффективность с выделением социальных эффектов, наряду с другими общественными эффектами. С другой стороны, рассчитывается финансовая (коммерческая) эффективность с учётом терминальной стоимости и детализированным представлением инвестиций в оборотный капитал. В прикладном проектном анализе оборотный капитал либо не учитывается, либо предпочтение отдаётся упрощённым методам.

В статье делается акцент на вопросах моделирования инвестиций в прирост чистого оборотного капитала. Проводится сравнительный анализ способов моделирования оборотного капитала в финансовых моделях различных международных организаций (ЮНИДО, Всемирный банк, Азиатский банк развития) и официальных российских методик, предлагается авторский модифицированный метод расчёта инвестиций в оборотный капитал на основе отдельных финансовых коэффициентов оборачиваемости и ликвидности, который позволяет учитывать отраслевые особенности проектов здравоохранения.

Система предложенных методов апробирована на примере реального проекта строительства семи городских поликлиник в Новосибирске. Результаты расчётов по финансовому анализу с тремя вариантами учета оборотных средств и по экономическому анализу с представлением социальных, налоговых и перераспределительных эффектов оборотного капитала наглядно показывают влияние оценки потребности в оборотных средствах на результаты не только финансовой, но и экономической эффективности, в том числе на показатели эффективности участия в проекте. В рамках экономического анализа выделены значимые социальные эффекты для пациентов новых поликлиник и других жителей Новосибирской области, а в рамках финансового анализа — существенные эффекты оборотного капитала и терминальной стоимости для непосредственных участников проекта.

Ключевые слова: *мирохозяйственный уклад, анализ издержек и выгод, инвестиционные проекты, сфера здравоохранения, инвестиции в оборотный капитал, социальные эффекты.*
JEL: I11, O22
УДК: 336.051
DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_62_79
© Т.С. Новикова, М.Р. Зафаржонова, 2023
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Новикова Т.С., Зафаржонова М.Р.* Оценки потребности в оборотном капитале при инвестициях в развитие здравоохранения // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 62–79. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_62_79.

FOR CITATION: *Novikova T., Zafarjonova M.* Estimates of the Working Capital Requirements for Investing in Health Care Development // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 62–79. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_62_79.

Введение

Современный этап научно-технологического развития соответствует переходу к новому шестому мирохозяйственному укладу и восходящей стадии седьмой длинной волны Кондратьева. Он характеризуется усилением значимости внедрения медицинских технологий и масштабными инвестициями в сферу здравоохранения. Как отмечает Ю. Зинькина, ведущей группой инноваций следующего уклада станут технологии в медицине, обеспечивающие новые возможности развития в условиях увеличения продолжительности жизни и старения населения в XXI в. [*Zinkina et al.*, 2023].

Обоснование инвестиционных проектов в сфере здравоохранения, адекватное этим изменениям, требует принципиального обновления. Применяемые сейчас методы оценки соответствующих инвестиционных проектов, и прежде всего проектов медицинской социальной инфраструктуры, практически не используют результатов измерения в денежном выражении и не позволяют получать системное представление о последствиях их реализации. В соответствии с новыми приоритетами НТР они в лучшем случае включают только *качественные* результаты импакт-анализа, базирующиеся на системе индикаторов устойчивого развития и других показателей проектов ESG (Environmental Social Governance, экологическое социальное управление). Для последних требуется выполнение формальных требований по оценке соответствия этим критериям и импакт-рейтингам [*Sustainable Finance…*, 2021; *Мировой опыт…,* 2020]. В России была разработана таксономия зелёных инвестиций, а с марта 2023 г. — социальных импакт-инвестиций. В составе последних одну из ключевых позиций занимают проекты здравоохранения. Естественно, что для социальных импакт-инвестиций основное внимание уделяется именно социальной оценке [*Галанов Галанова,* 2022]. Начиная с 2015 г. требования проведения экологического и социального анализа стали выделяться в качестве обязательного условия для предоставления доступа к льготным финансовым ресурсам международных организаций [*Руководство…*, 2021]. Во Всемирном банке были разработаны десять социально-экологических стандартов, которые применяются «ко всем проектам, предусматривающим использование инструментов инвестиционно-проектного финансирования Банка» [*Всемирный банк...,* 2017. С. 62]. В том числе выделяется специальный стандарт номер четыре, предусматривающий обеспечение безопасности и здоровья населения. *Количественные* методы оценки медицинских проектов традиционно связываются с оценкой их отдельных важных последствий реализации и образуют одно из крупных направлений проектного анализа. Однако в этих подходах не используются комплексные оценки всей системы последствий реализации проектов сферы здравоохранения, а главное, универсальные денежные метрики. В частности, не оцениваются в денежном выражении социальные эффекты таких проектов.

Методы, позволяющие получать комплексные денежные оценки, уже более века разрабатываются за рубежом в рамках анализа издержек и выгод (cost-benefit analysis, CBA) с его современными модификациями [*Florio, Pancotti*, 2022; *Новикова,* 2023]. В отечественной терминологии этому подходу полностью соответствует понятие «анализ общественной эффективности», включающее одновременную оценку общественной (или экономической, по зарубежной терминологии) и коммерческой (или финансовой, соответственно) эффективности. Эти термины были введены российскими экономистами при разработке Методических рекомендаций по оценке эффективности инвестиционных проектов [*Методические рекомендации…,* 2000]. После их публикации по всей стране в региональных администрациях были проведены конференции-семинары, акцентирующие внимание на решении проблемных вопросов оценки инвестиций для последующего создания благоприятных условий. Наиболее обсуждаемыми были темы детализированной оценки проектов: расчёта ликвидационной (терминальной) стоимости и объёма инвестиций в оборотный капитал. До сих пор эти проблемы остаются нерешёнными.

В реальных проектах социальной инфраструктуры эти важнейшие показатели, как правило, не учитываются.

Важность анализа оборотного капитала в финансовом прогнозировании и оценке проектов постоянно обсуждается экономистами и неоднократно подчёркивается в различных руководствах по оценке проектов, разработанных в рамках международных организаций по развитию и различных финансовых агентств. При этом в центре внимания находится возможность влияния управления оборотным капиталом на финансовую эффективность проекта. Анализ устойчивости при оценке степени влияния оборотного капитала на различные показатели финансовой эффективности (чистый дисконтированный доход (NPV), внутренняя норма доходности (IRR), окупаемость инвестиций (ROI)) представлен в работе [*Magni, Marchione*, 2020]. Способы учёта потребности в оборотных средствах при определении финансовой реализуемости проекта анализируются во времени с точки зрения предотвращения неожиданной нехватки финансирования в течение жизненного цикла проекта и, следовательно, его нежелательной задержки или прекращения [*Голикова,* 2015]. Игнорирование или снижение потребности в оборотных средствах напрямую влияет на качество результатов, приводит к искусственному завышению рентабельности проектов [*Кольцова, Рябых,* 2007]. В условиях экономического спада последних двух десятилетий, кризиса 2008 г. и пандемии Covid-19 вопросы оборотного капитала становятся всё более актуальными [*Ahmad, Bahir, Waqas,* 2022; *Tarkom*, 2022].

Предлагаемая статья направлена на прогнозирование оборотного капитала как составной части единого подхода к анализу общественной эффективности и получение комплексной (интегрированной) и детализированной (полной) оценки проектов, связанных с оздоровлением населения, увеличением продолжительности жизни, ростом человеческого капитала и соответствующим приростом социально-экономического потенциала в результате их реализации. Предлагаемые методы базируются на измерении затрат и выгод в денежном выражении и соответствуют потребностям обоснования государственной политики в сфере здравоохранения на новом этапе научно-технологического развития.

Инвестиции в оборотный капитал (краткий обзор)

Оборотный капитал в финансовом менеджменте и проектном анализе

Управление оборотным капиталом образует важное направление финансового менеджмента и постоянно находится в центре внимания теоретических и практических исследований в России и за рубежом [*Ковалев*, 2007; *Brigham, Ehrhardt,* 2019; *Mueller*, 1953]. В проектном анализе также формируются основные блоки финансовой отчётности предприятия-инициатора проекта, прежде всего денежные потоки с выделением инвестиций в оборотный капитал и балансовый отчет с учетом текущих активов и обязательств [*Виленский, Лившиц, Смоляк*, 2015; *Новикова,* 2005]. Поэтому методологические основы анализа оборотного капитала характеризуются общими чертами, однако приоритеты, цели и степень детализации отдельных направлений существенно различаются.

Остановимся сначала на краткой характеристике общих подходов к моделированию оборотного капитала. Важным понятием является чистый оборотный капитал, с которым начинается объяснение и определение потребности в оборотных средствах. Хотя этот термин обычно используется в краткой форме и слово «чистый» опускается, в специализированной литературе разделяются два понятия оборотного капитала: чистого (качественное понятие) и валового (количественное понятие) [*Jędrzejczak-Gas*, 2017; *Пименова,* 2020].

Чистый оборотный капитал определяется как разница между текущими активами и текущими обязательствами. Состояние чистого оборотного капитала зависит от стратегии финансового управления предприятия [*Zimon*, 2020]. Положительный чистый

оборотный капитал свидетельствует о ликвидности фирмы и стабильной финансовой политике. Отрицательный чистый оборотный капитал показывает, что часть основных средств финансируется за счёт текущих обязательств и возникает в результате привлечения дополнительных источников при росте денежных затрат или внезапного увеличения кредиторской задолженности. Начиная с нулевого чистого оборотного капитала, резерв краткосрочной устойчивости фирмы исчезает. С одной стороны, это может свидетельствовать о высокой эффективности инвестиций (так как краткосрочные активы менее затратны, чем долгосрочные), а с другой стороны, высокий уровень риска может повлиять на финансовое здоровье компании [*Alrahamneh, Chu, Hong*, 2020].

Изменение чистого оборотного капитала составляет основу для расчёта инвестиций в оборотный капитал. В финансовом менеджменте и оценке бизнеса он показывается как составная часть свободного денежного потока и базируется на общем планировании капитального бюджета фирмы. В проектном анализе он включается в прогнозирование целой системы потоков денежных средств наряду с инвестициями в основной капитал. В обоих подходах при прогнозировании денежных потоков уменьшение чистого оборотного капитала рассматривается как приток, а увеличение — как отток. Это объясняется тем, что уменьшение чистых оборотных средств высвобождает финансовые ресурсы и, наоборот, увеличение оборотных средств (например, запасов) создает финансовые потребности. Инвестиции в прирост чистого оборотного капитала определяются исходя из этих потребностей и равняются постепенному увеличению с течением времени оборотных активов за вычетом увеличения текущих обязательств [*Duvigneau and Prasad*, 1984].

Среди наиболее актуальных современных аспектов анализа следует выделить влияние экономических и финансовых потрясений на политику формирования оборотного капитала [*Oseifuah, Gyekye* 2018; *Akgün and Karataş*, 2021; *Zimon, Tarighi*, 2021], отраслевые [*Filbeck and Krueger,* 2005; Савалей *и др*., 2018] и страновые детерминанты управления оборотным капиталом [*Mättö and Niskane*n, 2014; *Khattak et al.,* 2018] и определение адекватных источников финансирования [*Banos-Caballero et al.*, 2016]. На фоне широкомасштабных последствий пандемии, сопровождающихся геополитической напряжённостью для компаний, стало как никогда важно сосредоточиться на управлении оборотным капиталом, чтобы обеспечить устойчивость в условиях возрастающей неопределённости. Ввиду роста цен и процентных ставок[1] и сбоев в цепочке поставок[2] компании сталкиваются с такими проблемами, как затруднение доступа к финансированию и увеличение цикла преобразования денежных средств. Исследования показывают, что в ответ на такую ситуацию большинство компаний следует консервативному управлению оборотным капиталом [*Ahmad, Bahir, Waqas,* 2022] и поддержанию необходимых денежных резервов. При этом сфера распространения и степень неблагоприятных воздействий различаются в зависимости от размера и отраслевой принадлежности компаний [*Deloitte,* 2023; *Shah et al.,* 2022]. Например, поддержание ликвидности становится сложной задачей особенно для малого бизнеса.

Проектный анализ оборотного капитала

Перейдём к анализу различий исследования оборотного капитала в финансовом менеджменте и проектом анализе. В отличие от финансового менеджмента, проблемы прогнозирования инвестиций и их отдачи с соответствующими показателями эффективности находятся в центре внимания проектного анализа. Это требует построения целой системы детализированных денежных потоков, включающих денежные потоки от инве-

---

[1] 2022 Working Capital Survey. C2FO. https://gb.c2fo.com/wp-content/uploads/sites/4/2023/04/WCS_EMEA_WhitePapers_22.pdf (access date: 19.06.2023).

[2] Working Capital Trends in Europe 2022. Efficio. https://www.efficioconsulting.com/en-gb/resources/insight/working-capital-trends-in-europe-2022/ (access date: 19.06.2023)

стиций в оборотный капитал. Они учитываются и в финансовом, и в экономическом анализе, в каждом направлении с разделением эффективности проектов и участия в проектах. В проектном анализе вопросы оборотных средств прежде всего связаны с представлением во времени на разных стадиях жизненного цикла: прогнозированием инвестиций в инвестиционных периодах, их отдачи в операционных периодах и высвобождением оборотных средств в заключительных периодах, учитываемых при определении ликвидационной стоимости затратным методом [*Dayananda, Don et al.*, 2002. P. 25; *Новикова,* 2005. С. 128]. При прогнозировании оборотного капитала в проектном анализе также важно учитывать отраслевую специфику, прежде всего при расчете коэффициентов оборачиваемости и ликвидности. При характеристике деятельности фирм (учреждений) в финансовом менеджменте анализ проводится на основе данных бухгалтерского уч`та [*Савицкая, Гудкова,* 2018] и фактических показателей в условиях относительно стабильного развития, а при оценке проектов — на основе ожидаемых будущих показателей и результатов изменений в результате реализации реальных инвестиций [*Виленский, Лившиц, Смоляк,* 2015. С. 15]. Поэтому проблема формирования исходных данных и применение нормирования для проектного анализа представляет собой более сложную задачу, приводящую к необходимости применения упрощённых методов оценки оборотного капитала.

Оценка потребности в оборотном капитале непосредственно связана с процессом нормирования [*Бабенко, Тиньков,* 2020]. Центр внимания при этом переносится на вопросы определения экономически обоснованных норм и расчётов нормативов. Их можно определить достаточно трудоёмкими расчётными методами и скорректировать в соответствии с разработанной стратегией развития компании [*Шохина, Сорокина,* 2019; *Бабенко, Тиньков,* 2020]. Они варьируются от проекта к проекту (от фирмы к фирме) в зависимости от вида деятельности (производство или услуги), а также особенностей отрасли и региона. В финансовом менеджменте традиционно выделяют три метода расчёта нормативов: аналитический, коэффициентный и метод прямого счёта. Первые два метода применимы в случае функционирующих компаний, так как основаны на показателях деятельности прошлых лет. Метод прямого счёта используется для анализа вновь создаваемых предприятий. Он является универсальным, достаточно подробным и надёжным, но трудоёмким. Именно этот метод широко применяется для обоснования инвестиционных решений международными финансовыми организациями (см. ниже). При этом коэффициенты оборачиваемости образуют наиболее важную группу параметров при расчёте инвестиций в оборотный капитал [*Бабенко, Тиньков,* 2020. С. 22].

В качестве источников получения исходной информации для расчёта нормативов оборотных средств могут использоваться отчётные данные реализованных проектов, статистические данные, нормативные правовые акты, ведомственные документы или научные публикации. При определении нормативов используется их средний уровень, сложившийся в аналогичных организациях, работающих в сопоставимых условиях по аналогичному региону или стране [*Behrens, Hawranek*, 1991; *Цыркунова,* 2011]. Как отмечают российские специалисты, в существующих документах практически невозможно найти коэффициенты, применимые к конкретному проекту с учётом отрасли и масштаба [*Соболева,* 2020]. Сложность получения необходимых данных на практике приводит к тому, что инвестиции в прирост чистого оборотного капитала часто полностью игнорируются, а иногда задаются на постоянном уровне на протяжении всего жизненного цикла проекта [*Magni, Marchioni*, 2020; *Майский, Низамова, Павлова,* 2020].

Особенности формирования оборотного капитала медицинских организаций

Главное отличие проектов сферы здравоохранения связано с их направленностью и соответствующей сложностью измерения получаемых результатов, которые представляются в форме выгод при измерении в денежном выражении. Ожидаемым результатом про-

ектов в области общественного здравоохранения является «хорошее здоровье» [*Marshall et al.*, 2018] и благополучие населения. Следовательно, в этих проектах круг стейкхолдеров шире узких рамок финансового анализа. Он включает не только прямых участников, но и население определённого территориального образования (города, региона или страны). В этом случае возникает необходимость оценивать экономическую эффективность помимо финансовой. В отличие от частного сектора, где целью предприятия является максимизация финансовой прибыли, организации общественного сектора, включая здравоохранение, берут на себя определённую социальную ответственность, что обусловливает различия в управлении финансами, а значит, и в показателях финансового состояния, в частности, ликвидности капитала [*Hu et al.*, 2022].

Другой особенностью является важная роль государства в реализации медицинских проектов [*Santos et al.*, 2014]. Государство часто полностью финансирует такие проекты, предоставляет им другие виды государственной поддержки, является участником в рамках механизма государственно-частного партнёрства (ГЧП).

Следующая группа особенностей инвестиционных проектов сферы здравоохранения связана с отчётностью медицинских учреждений и соответствующим формированием исходных данных. Формы финансовой отчётности медицинских организаций имеют ряд отличий как по структуре, так и по содержанию. Например, учёт финансово-хозяйственной деятельности бюджетных учреждений здравоохранения ведётся в разрезе источников финансирования [*Соболева*, 2020]. В балансе отдельно представлены деятельность с целевыми средствами, деятельность по государственному заданию, деятельность, приносящая доход. Также отличаются статьи баланса, в том числе структура оборотного капитала. Важно, чтобы выбранный метод оценки инвестиций в оборотный капитал позволял учитывать эти особенности.

Проекты в медицине отличаются достаточно высоким удельным весом оборотного капитала по сравнению с другими отраслями. По данным Росстата, в 2017 г. доля оборотных активов в стоимости имущества в целом по России составила 41,1%[3]. При этом прослеживается существенная отраслевая дифференциация этого показателя. В качестве примера отраслей с низкой долей можно привести сухопутный пассажирский транспорт (12%), сферу телекоммуникаций (20,5%). Одновременно в издательской деятельности она составила 78,2%, в области информационных технологий — 76,2%. Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг характеризуется долей в 40,3%, в том числе в организациях здравоохранения — 32,2 %. Проекты в таких отраслях требуют значительного объёма инвестиций в оборотный капитал, что повышает важность более надёжных оценок этого показателя.

Основные методики определения инвестиций в оборотный капитал

В практике проектного анализа применяются как упрощённые, так и детализированные методы расчёта потребности в оборотном капитале. Упрощённые методики используются для предварительной экспресс-оценки на первоначальных стадиях проектного цикла или для проектов с низким относительным уровнем инвестиций в оборотный капитал (на уровне 1–2% к инвестициям в основной капитал). Одним из таких подходов является упрощённый метод Всемирного банка, который был предложен экспертами ещё в середине прошлого века и до сих пор используется для экспресс-оценки проектов [*Новикова*, 2005, С. 90]. В нём предлагается определять инвестиции в чистый оборотный капитал на уровне половины прироста операционных затрат за каждый период времени. Этот метод не требует специальных исходных данных для расчёта оборотного капитала, однако он практически не учитывает степень оборачиваемости оборотных средств и её различие по отраслям.

---

[3] Финансы России 2018: Стат. сб. М.: Росстат, 2018. С. 191–195.

Данный подход также не позволяет в полной мере учесть соответствующую часть перераспределительных эффектов при переходе от финансового анализа к экономическому. Для крупных проектов и для проектов с высокой долей оборотного капитала независимо от его размера такой метод приемлем только для предварительной экспресс-оценки. Другой вариант упрощённого подхода базируется на задании фиксированных структур текущих активов и текущих обязательств, одном коэффициенте ликвидности (как правило, текущем коэффициенте) и коэффициенте оборачиваемости (задаваемом для одной составляющей оборотных средств) [*Новикова*, 2005. С. 92; *Novikova*, 2022].

Наиболее известные детализированные методы расчёта инвестиций в оборотный капитал были предложены в методиках Всемирного банка [*Duvigneau and Prasad*, 1984; Всемирный банк, 2017], Организации ООН по промышленному развитию ЮНИДО [*Behrens, Hawranek*, 1991; *UNIDO's*, 2022] и Методических рекомендациях по оценке эффективности инвестиционных проектов в Российской Федерации [*Методические рекомендации…*, 2000]. Эти руководства предлагают конкретные процедуры расчёта каждой статьи оборотного капитала в отдельности на основе их прямой или косвенной связи с прогнозируемыми показателями проекта.

В подходе Всемирного банка в качестве нормативов предлагаются процентные отношения каждой статьи оборотного капитала к определённым показателям выручки или затрат. Подобный подход применяется и в рекомендациях Азиатского банка развития [*Asian Development Bank*, 2017]. В методике ЮНИДО по каждому виду оборотных средств задается количество оборотов за определённый период времени. Рассмотренные подходы методологически достаточно близки: в качестве нормативов они используют коэффициенты оборачиваемости, различается лишь степень детализации. Метод, предложенный в методических рекомендациях в России, несколько сложнее: оборотные средства представлены более детально, и для каждой статьи применяется отдельная формула, например в расчётах запасов сырья и материалов учитывается величина страхового запаса в днях.

Для определения дебиторской задолженности в детализированной методике Всемирного банка и методических рекомендациях в России предлагается использовать выручку от реализации. При этом учитывается, что дебиторская задолженность фактически является частью реализации, однако её оплата не сопровождается получением денежных средств в данном периоде. Себестоимость проданной продукции, которая используется в качестве базы расчёта соответствующего показателя в методике ЮНИДО, также близка к объёму продаж и включает данные о показателях различных затрат (заводские затраты, накладные расходы, расходы на маркетинг). Что касается незавершённого производства и готовой продукции, в руководстве Всемирного банка предлагается использовать выручку от продаж. В подходе ЮНИДО в качестве базы для этого используют определённые виды затрат. Производственные затраты являются базой для незавершённого производства, а производственные затраты с административными накладными расходами — для готовой продукции. В отечественных методических рекомендациях подход к незавершённому производству соответствует подходу ЮНИДО. В качестве базы для статьи готовой продукции в российской методике выбрана выручка от реализации. В текущих обязательствах зарубежные руководства учитывают только одну статью — кредиторскую задолженность, при этом предлагаются идентичные базы для расчёта. В методических рекомендациях краткосрочные обязательства более детализированы, при этом для каждой статьи используется своя база. Они включают авансовые платежи; расчёты по оплате труда; расчёты с бюджетом и внебюджетными фондами; расчёты по кредитам, займам, аренде и лизингу. База учёта дебиторской задолженности практически аналогична первым двум подходам, но дополнительно учитывает сумму отсроченных платежей третьим лицам. Ещё один момент, который следует отметить, заключается в том, что, в отличие от двух других подходов в ЮНИДО, амортизация и процентные платежи исключаются из исходной базы для

расчёта статей оборотного капитала во избежание двойного счета. В бухгалтерском учёте инвестиционная стоимость основных средств распределяется на весь срок их службы через амортизацию и, следовательно, входит в состав эксплуатационных расходов. Однако при расчёте чистого денежного потока амортизационные отчисления учитываются в составе инвестиций в основной капитал и не считаются операционным денежным потоком.

Инвестиции в оборотный капитал в финансово-экономической модели инвестиционного проекта

Инвестиции в чистый оборотный капитал рассчитываются в составе финансово-экономической модели инвестиционного проекта сферы здравоохранения, используемой для оценки системы показателей его эффективности. Модель состоит из двух взаимосвязанных блоков: финансового и экономического [*Новикова и др.,* 2022; *Новикова,* 2005].

Финансовый блок модели ориентирован на анализ финансовой (коммерческой) эффективности проекта и включает следующий денежный поток (соотношение 1):

$$CFF_t = -IFA_t - IWC_t + X_t + T_t^{VA} - M_t - T_t + L_t,\ t = 1, \ldots, T \qquad (1)$$

где CFF_t — сальдо денежного потока проекта для оценки финансовой эффективности в году t; IFA_t и IWC_t — инвестиции в основной и оборотный капитал в году t; $X_t + T_t^{VA}$ — доходы клиник, в том числе основной доход и возмещение поликлиникам НДС в году t; M_t — операционные расходы (с учётом НДС, но без учёта амортизации) в году t; T_t — налоговые платежи в году t; L_t — терминальная (ликвидационная) стоимость в году t.

В рамках финансового анализа проект оценивается с использованием стандартного набора дисконтированных показателей эффективности, прежде всего чистого дисконтированного дохода (ЧДД). В завершающем ликвидационном периоде учитывается ненулевая терминальная стоимость, которая состоит из остаточной стоимости основных средств и высвобождающихся инвестиций в оборотный капитал $\sum_{t=1}^{T} IWC_t$:

$$L_T = FC_T + \sum_{t=1}^{T} IWC_t. \qquad (2)$$

Таким образом, инвестиции в прирост чистого оборотного капитала включаются в финансовую модель, с одной стороны, как отток денежных средств в составе инвестиций, с другой стороны, как приток в составе терминальной стоимости. При расчёте ЧДД простыми методами, без дисконтирования, влияние инвестиций в оборотный капитал на эффективности элиминируется, так как эти инвестиции компенсируются той же суммой в составе терминальной стоимости. Однако притоки и оттоки происходят в разные периоды времени, и при использовании основных дисконтированных методов (при ненулевых ставках дисконтирования) ситуация меняется: эффективность снижается. Влияние оцениваемого объёма инвестиций в оборотный капитал будет более значительным. При увеличении ставки дисконтирования отрицательное воздействие инвестиций в оборотный капитал на ЧДД проекта возрастает.

Одной из особенностей анализа финансовой эффективности проекта здравоохранения является необходимость адаптации баланса бюджетного (автономного) учреждения к балансу коммерческой организации. Методики переформирования отчётов в общих чертах были предложены в работах ряда авторов [*Яшина и др.*, 2014; *Соболева,* 2020]. В отличие от коммерческих организаций, активы в балансах включают в себя «I. Нефинансовые активы» и «II. Финансовые активы», а пассивы делятся на «III. Обязательства» и «IV. Финансовый результат». «I. Нефинансовые активы» могут рассматриваться как «I. Внеоборотные

активы» (на балансе коммерческой организации), но включают в себя «Материальные запасы (код строки 080)» и «Затраты на изготовление готовой продукции, выполнение работ, услуг (140)». При адаптации отчёта эти строки переносятся в оборотные активы [*Трофимова*, 2013]. А все «Финансовые активы» относятся к оборотным активам. В этом же разделе отражается дебиторская задолженность, но, в отличие от баланса коммерческих организаций, она располагается в разных строках: строка дебиторская задолженность по доходам (250), дебиторская задолженность по выплатам (260) и прочие расчёты с дебиторами (280). В разделе «III. Обязательства» баланса бюджетного учреждения присутствуют статьи, которые в совокупности образуют кредиторскую задолженность: кредиторская задолженность по выплатам (410), расчёты по платежам в бюджеты (420), расчеты с прочими кредиторами (433), кредиторская задолженность по доходам (470), доходы будущих периодов (510), резервы предстоящих расходов (520).

Экономический блок модели базируется на построении экономических денежных потоков и используется для оценки экономической (общественной) эффективности проекта. Она связана с общественными выгодами и затратами, которые сложно наблюдать как результат реализации проекта в условиях рыночного взаимодействия. Перепишем соотношение (1) с учётом перехода от финансового анализа к экономическому с учётом разнообразных общественных эффектов и соответствующих частей денежных потоков (включая социальные, налоговые, перераспределительные эффекты оборотного капитала, прочие общественные эффекты), получим выражение (1.1):

$$CFE_t = CFF_t + S_t + T_t + W_t + R_t, \tag{1.1}$$

где CFE_t — сальдо денежного потока проекта для оценки экономической эффективности в году t; S_t — социальные эффекты в году t; T_t — налоговые эффекты в году t; W_t — эффекты оборотного капитала в году t; R_t — прочие (косвенные, экологические, ценовые) общественные эффекты в году t.

Для проектов в сфере здравоохранения такие специфические денежные потоки прежде всего возникают в случае социальных эффектов S_t, т.е. положительных общественных эффектов в результате расширения возможностей качественного лечения и последующего выздоровления пациентов. Для определения этих эффектов используются эконометрические методы, образующие отдельную дополнительную составляющую модельного комплекса[4] и позволяющие определить мультипликаторы бюджетных расходов. Для получения социальных расходов они умножаются на операционные расходы за вычетом амортизации и НДС в соответствующем году.

К социальным эффектам добавляются налоговые эффекты T_t, которые являются важной разновидностью перераспределительных эффектов, которые по определению не влияют на конечную эффективность для общества [*European Commission*, 2015; *Penyalver*, *Turró,* 2018; *Мельников и др.*, 2020]. Поскольку налоги с отрицательным знаком учитываются при построении финансовых денежных потоков (в составе, при переходе к экономическому анализу, они добавляются с положительным знаком на ту же сумму, в результате их влияние элиминируется. В общем случае в экономические денежные потоки включаются прочие общественные эффекты, однако при проведении текущих экспериментальных расчётов для поликлиник они не учитывались, т.е. использовалось предположение $R_t = 0$.

Особую группу образуют перераспределительные эффекты оборотного капитала W_t. В контексте экономического анализа рассмотренное выше влияние инвестиций в оборотный капитал на показатели эффективности сохраняется, так как экономический блок

[4] Методы и результаты расчета различных уровней социальных эффектов детально рассмотрены в наших статьях [*Novikova et all*, 2023; *Новикова и др.*, 2022].

строится на основе перехода от финансового анализа к экономическому, и первая составляющая включается в формулу расчёта CFE_t. Кроме того, это влияние расширяется за счёт перераспределительных эффектов, связанных с оборотным капиталом. Авторы рассмотренных выше методических рекомендаций 2000 г. первыми выявили этот фактор, возникающий за счёт скрытого финансирования проекта при беспроцентном взаимном кредитовании участников рыночного взаимодействия, определяемое финансовой деятельностью взаимодействие частных агентов проекта. К таким составляющим оборотного капитала, которые приводят к перераспределительным процессам, относятся дебиторская и кредиторская задолженности, авансы поставщикам [*Новикова,* 2005. С. 150, 182–184].

Модифицированный метод расчета инвестиций в оборотный капитал представляет промежуточный подход между упрощёнными и детализированными способами их определения. В предлагаемом методе для каждого года операционного периода сначала определяется потребность в общей сумме оборотных активов, а также текущих обязательств в соответствии с текущим коэффициентом. Затем каждая статья оборотного капитала рассчитывается на основе структуры оборотных активов и обязательств, определяемых на основе аналогичных организаций отрасли. Рассмотрим основные этапы расчётов по модифицированной методике.

На *первом этапе* с помощью коэффициента оборачиваемости оборотных средств и выручки рассчитывается общий размер оборотных активов (3). Коэффициент оборачиваемости устанавливается на уровне среднего значения этого коэффициента в здравоохранении:

$$CA_t = \frac{S_t}{R^{CA}}, \tag{3}$$

где CA_t — нормированные текущие активы в году t; S_t — прогнозируемая выручка в году t; R^{CA} — коэффициент оборачиваемости оборотных активов.

На *втором этапе*, используя нормированные текущие активы и коэффициент текущей ликвидности, рассчитываются нормированные текущие обязательства (4). В методических положениях[5] коэффициент текущей ликвидности равен 2. При этом учитывалась специфика организаций здравоохранения, для которых основным источником финансирования являются достаточно надёжные бюджетные и внебюджетные средства [*Соболева,* 2020]. Кроме того, одним из важных приоритетов при проведении расчётов было поддержание финансовой устойчивости организации:

$$CL_t = \frac{CA_t}{R^{CL}}, \tag{4}$$

где CL_t — нормированные текущие обязательства в году t; R^{CL} — коэффициент текущей ликвидности.

На *третьем этапе* определяются статьи оборотных средств на основе структуры текущих активов и обязательств аналогичных организаций в отрасли.

На следующих этапах проводятся стандартные расчёты инвестиций в оборотный капитал. Сначала на *четвёртом этапе* рассчитывается чистый оборотный капитал NWC_t (5):

$$NWC_t = CA_t - CL_t. \tag{5}$$

[5] Методические положения по оценке финансового состояния предприятий и установлению неудовлетворительной структуры баланса: утв. Распоряжением федерального управления по делам о несостоятельности (банкротстве) от 12.08.94 г. № 31-р; Методика проведения федеральной налоговой службой учета и анализа финансового состояния и платёжеспособности стратегических предприятий и организаций: утв. приказом Минэкономразвития России от 21.04.2006 № 104.

На *пятом этапе* определяются инвестиции в оборотный капитал IWC_t, равные приросту оборотных средств, другими словами, потребности в оборотных средствах (6):

$$IWC_t = WCR_t = NWC_t — NWC_{t-1}. \quad (6)$$

Данный метод позволяет оценить потребность в оборотных средствах с помощью доступных достоверных финансовых коэффициентов и учитывая информационные возможности получения исходных данных и отраслевую принадлежность проекта.

Эксперименты с оценкой эффективности реального проекта строительства поликлиник

Последствия применения разных методов расчёта инвестиций в оборотный капитал оценивались на примере проекта строительства семи поликлиник в Новосибирске. Проект направлен на рост уровня здоровья жителей Новосибирской области за счёт расширения возможностей оказания первичной медико-санитарной помощи. Он реализуется в рамках подписанного в 2019 г. соглашения о государственно-частном партнёрстве между Минздравом Новосибирской области и «Седьмой концессионной компанией». Проект включает не только строительство зданий, но и их оснащение оборудованием. Общая продолжительность проекта составляет 17 лет, в том числе 10 лет в рамках соглашения о ГЧП (с 2019 г. — сентябрь 2028 г.). Из них периоды строительства и эксплуатации составляют 3,5 и 7 лет, соответственно, а условное закрытие проекта запланировано на 2035 г. Стоимость строительства и оснащения клиник первоначально оценивалась в 7,8 млрд руб. При этом доля частных операторов в финансировании проекта составляла 80%. В дальнейшем стоимость проекта была существенно увеличена в связи с ростом цен и новыми повышенными требованиями к медицинскому оборудованию. Экспериментальные расчёты по проекту проводились по исходному варианту, соответствующему соглашению 2019 г. Для расчёта параметров финансовой модели использовалась информация бухгалтерской отчётности нескольких реальных поликлиник[6]. Расчёты проводились в двух вариантах: в текущих ценах и в постоянных ценах 2018 г.

В табл. 1 приведены результаты оценки эффективности проекта для центрального варианта расчётов[7]. Они различаются уровнем социальных эффектов с разными предположениями о базе их расчётов эконометрическими методами.

---

[6] В рамках анализа структуры оборотного капитала использовалась информация бухгалтерских балансов следующих поликлиник: ГБУЗ «Городская поликлиника № 4 г. Краснодар» — 2019 г., ГБУЗ «Городская поликлиника г. Пензы» — 2018г. и 2019 г., ГБУЗ «Городская поликлиника № 4 г. Ставрополь» — 2018 г., ГБУЗ «Городская поликлиника №1 г. Сочи» — 2019 г., ГБУЗ «Городская поликлиника № 6 г. Новороссийска» — 2018г. и 2019., ГБУЗ «Городская поликлиника №5 г. Вологда» — 2019 г., ГБУЗ «Городская поликлиника №5 г. Томск» — 2017 г. Балансовые отчёты были получены с официальных сайтов соответствующих учреждений.

[7] Центральный вариант занимает промежуточное положение среди пяти разработанных вариантов социальных эффектов, подробно описанных в статье [*Novikova et all*, 2023] и соответствует версии третьего уровня мультипликатора бюджетных расходов.

Таблица 1
Характеристика центрального варианта расчетов

	(r = 0%)	(r = 7,3%)	(r = 0%)	(r = 7,3%)
Финансовая эффективность	1 396 478,1	–1 841 256,1	11,74	–51,53
Налоговые эффекты	1 965 574,8	1 272 292,7	16,53	35,61
Социальные эффекты	8 529 399,2	4 186 211,0	71,73	117,15
Эффекты оборотного капитала	0,0	–43 939,2	0,00	–1,23
Экономическая эффективность	11 891 452,0	3 573 308,4	100,00	100,00
В том числе эффективность для концессионера	764 902,5	224 287,7	6,43	6,28
Эффективность для банка	2 317 715,6	489 515,2	19,49	13,70
Эффективность для публичного партнёра	279 434,7	–1 282 766,2	2,35	–35,90
Эффективность для поставщиков и покупателей	0,0	–43 939,2	0,00	–1,23
Эффективность для жителей региона	8 529 399,2	4 186 211,0	71,73	117,15

Источник: расчёты авторов.

Для анализа влияния инвестиций в оборотный капитал на результаты эффективности проекта и участия в проекте были построены три варианта проекта, различающихся способами расчёта. В первом варианте модели инвестиции в чистый оборотный капитал не учитываются (устанавливаются равными нулю: $IWC_t = 0$). Во втором варианте инвестиции в оборотный капитал рассчитываются по упрощённому методу Всемирного банка на основе прироста операционных затрат, а в третьем варианте — по модифицированному методу на основе финансовых коэффициентов и структуры оборотных средств. Для применения модифицированного метода использовались следующие исходные данные:

- среднее значение коэффициента оборачиваемости оборотных средств (расчёт среднего значения производился на основе данных Росстата[8] по коэффициентам оборачиваемости за 2017—2021 гг.) в днях в области здравоохранения — 127;
- текущий коэффициент ликвидности на основе названных выше Методических положений[9] для организаций здравоохранения — 2;
- структура оборотных средств в соответствии с анализом нескольких поликлиник и данных Росстата по структуре оборотного капитала в области здравоохранения.

В табл. 2 представлены результаты расчётов названных трёх уровней инвестиций в прирост чистого оборотного капитала.

[8] Финансы России. 2018: Стат.сб./ Росстат. М., 2020; Финансы России. 2022: Стат.сб./ Росстат. М., 2018.

[9] Методические положения по оценке финансового состояния предприятий и установлению неудовлетворительной структуры баланса: утв. Распоряжением федерального управления по делам о несостоятельности (банкротстве) от 12.08.94 г. № 31-р; Методика проведения федеральной налоговой службой учета и анализа финансового состояния и платёжеспособности стратегических предприятий и организаций: утв. приказом Минэкономразвития России от 21.04.2006 № 104

Таблица 2
Результаты оценки потребности в оборотных средствах

Показатели		Методы		
		I	II	III
Инвестиции в оборотный капитал	IWC_4	0	100 236,8	153 135,9
	IWC_5	0	272 550,8	272 356,3
	Итого	0	372 787,6	425 492,2
НДС	T_4^{VAwc}	0	16 706,1	8 212,3
	T_5^{VAwc}	0	31 503,4	14 605,9
Оборотный капитал в терминальной стоимости	$\sum_{t=1}^{17} IWC_t$	0	372 787,6	425 492,2
Перераспределительные эффекты оборотного капитала	W_4^{wc}	0	–	–37 680,1
	W_5^{wc}	0	–	–67 015,1
	Итого	0	–	–104 695,2

Источник: расчёты авторов.

Полученная динамика чистого оборотного капитала соответствует обычным тенденциям, когда он возникает в начале периода эксплуатации в четвертом году реализации проекта (2022 г.) и постепенно возрастает по мере увеличения предоставления поликлиниками медицинских услуг вплоть до выхода на проектную мощность в шестом году (2024 г.), начиная с которого прирост чистого оборотного капитала и соответствующих инвестиций прекращается. Применение модифицированного метода приводит к большему объёму инвестиций в оборотный капитал по сравнению с методом Всемирного банка (и тем более по сравнению с первым методом). Использование любой из рассмотренных выше детализированных методик международных организаций приводит к ещё более низкому уровню инвестиций в оборотный капитал (учитывая, что во втором методе оборачиваемость оборотных средств существенно недооценивается) и ещё большему превышению объёма инвестиций в модифицированном методе. Относительно высокий уровень инвестиций в оборотный капитал в третьем методе объясняется отраслевыми особенностями коэффициентов, характерных для аналогичной организации в отрасли. В соответствии с изменением инвестиций в оборотный капитал изменяется и размер высвобождающегося оборотного капитала в составе терминальной стоимости (L_{17}^{wc}), которая учитывается в семнадцатом году реализации проекта (2035 г.) в период его условного закрытия. Следует отметить, что при изменении размера инвестиций в оборотный капитал соответствующим образом изменяется размер НДС (T_4^{VAwc} и T_5^{VAwc}). В отличие от второго метода применение модифицированного метода позволяет определить эффекты оборотного капитала в экономической эффективности проекта (W_4^{wc} и W_5^{wc}).

Полученные результаты учитываются в финансово-экономической модели при оценке эффективности рассматриваемого инвестиционного проекта (табл. 3).

Таблица 3
Результаты оценки финансовой и экономической эффективности проекта и участия в проекте

		ЧДД, тыс руб.		ВНД, %
		(r = 0%)	(r = 7,3%)	
Финансовая эффективность	I	1 396 478,1	–1 662 682,5	2,25
	II	1 396 478,1	–1 817 395,2	2,10
	III	1 396 478,1	–1,841 256,1	2,08
Экономическая эффективность проекта	I	11 868 633,8	3 779 356,8	18,74
	II	11 916 843,3	3 659 396,5	17,91
	III	11 891 452,0	3 573 308,4	17,42

Источник: расчёты авторов.

Финансовая эффективность при расчёте без дисконтирования совпадает во всех трёх вариантах и равняется 1 396 478,1 тыс. руб. (как было отмечено выше). При этом инвестиции в оборотный капитал составляют существенную величину в размере 26,7% к финансовому ЧДД проекта. Дисконтирование приводит к заметному отличию по вариантам, при этом чистые потери, измеряемые отрицательным ЧДД, увеличиваются с 1 662 682,5 в первом варианте без учёта оборотного капитала до 1 841 256,1 в третьем варианте учёта оборотных средств. Во всех вариантах дисконтированный финансовый ЧДД проекта составляет значительную отрицательную величину, что является серьёзным обоснованием для государственной поддержки проекта. По отношению к финансовому ЧДД проекта инвестиции в оборотный капитал по-прежнему составляют существенную величину, хотя и на несколько более низком уровне 25,6, 23,4 и 23,1% в соответствующих вариантах I–III. По отношению к экономическому ЧДД проекта инвестиции в оборотный капитал при расчёте без дисконтирования составили 3,1%. Применение методов дисконтирования приводит к увеличению их удельного веса в экономическом ЧДД до заметного уровня в размере 11,3, 11,6 и 11,9% в вариантах I–III. В рамках экономического анализа на основе модифицированного метода оценивалось влияние на показатели эффективности в результате перераспределительных эффектов, связанных с оборотным капиталом. Их удельный вес в экономическом ЧДД проекта равнялся 2,9%. По отношению в финансовому ЧДД рассмотренные перераспределительные эффекты оборотного капитала составили 5,7%.

Выводы

Выше проанализирована оценка инвестиций в оборотный капитал в контексте её влияния на эффективность медицинских инвестиционных проектов. В связи с большими объёмами исходной информации, сложностью проведения расчётов по формированию данных и часто относительно небольших размеров оборотного капитала на практике применяются упрощённые методы определения инвестиций в чистый оборотный капитал. Среди детализированных методов в основе расчетов лежат финансовые нормативы, существенно различающиеся по дифференциации базы и разнообразию учитываемых статей оборотных средств. В руководствах крупных международных финансовых организаций (Всемирного банка, Азиатского банка развития, ЮНИДО) и отечественных Методических рекомендациях по оценке эффективности инвестиционных проектов предлагаются конкретные процедуры расчёта каждой статьи оборотного капитала в отдельности на основе их прямой или косвенной связи с прогнозируемыми показателями проекта.

Для решения выявленных проблем был предложен модифицированный метод расчёта инвестиций в оборотный капитал, который, с одной стороны, позволяет применять финансовые нормативы с учётом особенностей медицинских организаций и высокой степенью детализации, а с другой стороны, относится к достаточно простым методам в связи с заранее заданной структурой оборотных средств. Дальнейшее формирование базы данных коэффициентов по отдельным отраслям в Российской Федерации и её регионам с выделением здравоохранения позволит снизить сложность расчёта инвестиций в оборотный капитал и повысить качество анализа медицинских проектов за счёт применения более детализированных методов.

При включении различных способов расчёта инвестиций в оборотный капитал в финансово-экономическую модель инвестиционного проекта были проанализированы изменения системы показателей эффективности.

Расчёты по анализу проекта с тремя вариантами учёта инвестиций в оборотный капитал наглядно показывают прямое влияние оценки потребности в оборотных средствах на оценку не только финансовой и экономической эффективности, но и на соответствующие показатели эффективности участия в проекте. Заниженная величина потребности в оборотных средствах приводит к искусственно завышенному уровню эффективности проекта, что напрямую влияет на решение о его реализации. При этом значимость применения дисконтированных методов расчёта показателей эффективности возрастает. В рамках финансового анализа обнаруживается существенное влияние рассматриваемых инвестиций на все показатели финансовой (экономической) эффективности, в том числе за счёт применения модифицированного метода расчёта. Это особенно важно для построения действенных механизмов, обеспечивающих заинтересованность всех участников в реализации проекта. В рамках экономического анализа степень воздействия инвестиций в оборотный капитал на эффективность существенно снижается, но остаётся значимой, а главное, обеспечивает методическую строгость и обоснованность расчётов. Одновременно на первый план выдвигаются существенные социальные эффекты проектов сферы здравоохранения, позволяющие оценивать их эффективность с учётом увеличения уровня здоровья населения, ростом продолжительности жизни и приумножением человеческого капитала.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Бабенко И.В., Тиньков С.А. (2020*). Управление оборотными активами: логистический подход* [*Babenko I.V., Tinkov S.A.* (2020). Working capital management: Logistic Approach]. — М.: НИЦ ИНФРА-М.

Виленский П.Л., Лившиц В.Н., Смоляк С.А. (2015). *Оценка эффективности инвестиционных проектов: Теория и практика* [*Vilensky P.L., Livshits V.N., Smolyak S.A.* (2002). Evaluating the efficiency of investment projects: Theory and practice]. 5-е изд. — М.: Поли Принт Сервис.

Галанов В.А., Галанова А.В. (2022). Тренд на развитие социального инвестирования [*Galanov V.A., Galanova A.V.* The trend towards the development of social investment] // *Вестник РЭА им. Г.В. Плеханова.* №2 (122). С. 5–12. DOI: 10.21686/2413-2829-2022-2-5-12.

Голикова А.С. (2015). Подходы к оценке финансовой реализуемости инвестиционного проекта [*Golikova A.S.* (2015). Approaches to the financial feasibility assessment of an investment project] // *Экономика и банки.* №1. С. 3–9. EDN: UIFSCL.

Ковалев В.В. (2007). *Финансовый менеджмент: теория и практика.* 2-е изд., перераб. и доп. [*Kovalev V.V.* (2007). Financial management: theory and practice] — М.: ТК Велби, Изд-во Проспект. EDN: QRUMYZ.

Кольцова И. В., Рябых Д. А. (2007). *Практика финансовой диагностики и оценки проектов* [*Koltsova I.V. and Ryabykh D.A.* (2007). Practice of Financial Diagnosis and Evaluation of Projects] — М.: Вильямс. EDN: QRTVPV.

Майский Р.А., Низамова Г.З., Павлова Ю.А. (2020). Модели формирования показателей бизнес-проекта на предпроектной стадии оценки эффективности инвестиций в форме капитальных вложений [*Maisky R.A., Nizamova G.Za., Pavlova Yu.A.* (2020). Models for forming business project indicators at the pre-project stage of investment efficiency assessment in the form of capital investments] // *Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия: Экономика.* №3 (33). С. 132–138. DOI: 10.17122/2541-8904-2020-3-33-132-138.

Мельников Р.М., Коптелов М.В., Гиноян А.Б., Краснощеков В.Н., Спицына Т.А. (2020). *Разработка методических подходов к оценке эффективности инвестиций в инфраструктуру с учетом зарубежного опыта* [*Melnikov R., and Koptelov M. Ginoyan A., Krasnoshchekov V., Spitsyna, T.* (2020). Development of methodological approaches to assessing the effectiveness of investments in infrastructure, taking into account foreign experience]. — М.: Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. EDN: RKRRCL.

Методические рекомендации по оценке эффективности инвестиционных проектов. (2000). [Methodological recommendations on evaluating investment projects efficiency. (2000)]. — М.: Экономика.

Мировой опыт развития импакт-инвестиций (2020) / Фонд «Наше будущее», совместно с ВШУ. https://www.b-soc.ru/wp-content/uploads/2020/03/issledovanie.pdf (дата обращения: 01.07.2023).

Новикова Т.С. (2005). *Анализ общественной эффективности инвестиционных проектов* [*Novikova T.S.* (2005). Public efficiency analysis of investment projects]. — Новосибирск: ИЭиОПП СО РАН. EDN: QQJVXT.

Новикова Т.С. (2023). *Экономика общественного сектора: учебник для вузов.* [*Novikova T.S.* (2023). Economics of the public sector: a textbook for universities]. — С.-Пб.: Лань.

Новикова Т.С., Демиденко Т.Е., Зафаржонова М.Р. (2022). Комплексные методы оценки проектов здравоохранения (на примере проекта строительства поликлиник в Новосибирской области) [*Novikova T. S., Demidenko T. E., Zafarjonova M.* (2022) Complex methods for evaluation of health projects (on the example of the project of the outpatient hospitals construction in the Novosibirsk region)] // *Мир экономики и управления.* № 22(2). С. 101–125. DOI: 10.25205/2542-0429-2022-22-2-101-125.

Пименова Е.М. (2020). Оборотный капитал предприятия: финансово-экономическая сущность и концепция управления [*Pimenova E.M.* (2020) Working capital of an enterprise: financial and economic essence and management concept] // *Наука XXI века: актуальные направления развития.* № 2 (2). С. 49–53. EDN: YUBCHA.

Савалей В.В., Самсонова И.А., Татаренко Е.Ю. (2018). Оценка обеспеченности оборотным капиталом в отраслях экономики Дальнего Востока [*Savalei V.V., Samsonova I.A., Tatarenko E.Yu.* (2018). Estimation of the working capital availability in the sectors of the economy of the Far East] // *Экономический анализ: теория и практика.* Т. 17. № 6. С. 1136–1149. DOI: 10.24891/ea.17.6.1136.

Савицкая Г.В., Гудкова Е.А. (2018). Экономическая сущность оборотного капитала как объекта бухгалтерского учета и анализа [*Savitskaya, G. V., Gudkova, E. A.* (2019). Economic substance of working capital as an object of accounting and analysis] // *Экономический анализ: теория и практика.* №4 (475). С. 768–782. DOI: 10.24891/ea.17.4.768.

Соболева Е.А. (2020). Использование открытых данных для оценки финансовых показателей здравоохранения [*Soboleva E.A.* (2020). Open data use for assessment of the financial indicators of health care system] // *Бизнес-образование в экономике знаний.* №3 (17). С. 125–132. EDN: DWUUMY.

Социально-экологические принципы Всемирного банка. (2017) / Всемирный банк. URL: https://documents1.worldbank.org/curated/en/491131595232450974/pdf/The-World-Bank-Environmental-and-Social-Framework.pdf.

Трофимова Л.Б. (2013). Формирование релевантной финансовой отчетности в условиях разработки проектов федеральных стандартов для государственного сектора [*Trofimova L.B.* (2013). Formation of relevant financial statements in the context of the projects development of federal standards for the public sector] // *Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях.* №18(330). С. 15–25. EDN: RBNQZR.

Цыркунова Т.А. (2011). Применение нормативных уровней и анализа тенденций при формировании оценки финансовых коэффициентов [*Tsyrkunova T.A.* (2011) The application of standard levels and trend analysis in the formation of financial ratios assessment] // *ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика.* №2. С. 61–81. EDN: NYGHAT.

Шохина Л.С., Сорокина Н.А. (2019). Оценка инструментария планирования оборотных средств предприятий [*Shokhina L.S., Sorokina N.A.* (2019). Assessment of working capital planning tools of enterprises] // *Финансовый вестник.* № 1 (44). С. 5–20. EDN: OXKTPN.

Яшина Н.И., Артамонычева Е.В., Яшин К.С. (2014). Совершенствование методических аспектов оценки финансового состояния учреждений здравоохранения в целях реализации бюджетной политики, ориентированной на результат [*Yashina N.I., Artamonycheva E.V., Yashin K.S.* (2014). Improvement of methodological aspects of medical institutions' financial condition estimation for the purpose of implementation of the effect-oriented budget policy] // *Экономический анализ: теория и практика.* № 3 (31). С. 163–178. EDN: TNHXRP.

Ahmad M., Bashir R., Waqas H. (2022). Working Capital Management and firm performance: Are their effects same in covid 19 compared to financial crisis 2008? // *Cogent Economics & Finance.* Vol. 10. DOI: 10.1080/23322039.2022.2101224.

Akgün A.I., Memiş K.A. (2021). Investigating the relationship between working capital management and business performance: evidence from the 2008 financial crisis of EU-28 // *International Journal of Managerial Finance.* Vol. 17. No. 4. Pp. 545–567. DOI: 10.1108/IJMF-08-2019-0294.

Alrahamneh, L., Chu E. Y., Hong M. (2020). The implications of debt financing on working capital management efficiency: Evidence from MENA emerging markets // *International Journal of Industrial Management.* Vol. 8. No. 1. Pp. 62–67. DOI: 10.15282/ ijim.8.0.2020.5764.

Baños-Caballero S., García-Teruel P. J., Martínez-Solano P. (2016). Financing of working capital requirement, financial flexibility and SME Performance // *Journal of Business Economics and Management.* Vol. 17. No. 6. Pp. 1189–1204. DOI:10.3846/16111699.2015.1081272.

Behrens W., Hawranek P.M. (1991). *Manual for the Preparation of Industrial Feasibility Studies.* — Vienna: UNIDO.

Brigham E.F., Ehrhardt M.C. (2019). Financial Management: Theory and Practice, 16th edition. — USA: South-Western Cengage Learning.

Dayananda, Don et al. (2002). *Capital Budgeting: Financial Appraisal of Investment Projects.* — Cambridge: Cambridge University Press. DOI:10.1017/CBO9780511753701.

Duvigneau J.C., Prasad R.N. (1984). Guidelines for Calculating Financial and Economic Rates of Return for DFC Projects // *World Bank. Technical Paper*. No. 33.

European Commission (2015). *Guide to Cost-Benefit Analysis of Investment Projects Economic appraisal tool for Cohesion Policy 2014–2020.* — Brussels: European Commission, Directorate General for Regional and Urban Policy.

Ferraz J. C. (2023). Development finance institutions for sustainable industrial development. — *UNIDO: Policy brief series*. No. 3. URL: https://www.unido.org/publications/policy-briefs (дата обращения: 01.07.2023).

Filbeck G., Krueger T.M. (2005). An Analysis of Working Capital Management Results Across Industries // *American Journal of Business.* Vol. 20. No. 2. Pp. 11–20. DOI: 10.1108/19355181200500007.

Florio M., Pancotti C. (2022). *Applied Welfare Economics. Cost-Benefit Analysis of Projects and Policies*. — New York: Routledge.

Guidelines for the economic analysis of projects. (2017). — Mandaluyong City, Philippines: Asian Development Bank. DOI: 10.22617/TIM178607-2.

Hu X., Jin W., Yang A., Hu Z. (2022). Management of capital liquidity in public hospitals under the epidemic situation of COVID-19 // *Front. Public Health,* Vol. 10. DOI: 10.3389/fpubh.2022.977221.

Jędrzejczak-Gas J. (2017). Net working capital management strategies in the construction enterprises listed on the New Connect market // *Procedia Engineering.* Vol. 182. Pp. 306–313. DOI: 10.1016/j.proeng.2017.03.098.

Khattak Z.Z., Faraz M., Abbas S., Manzoor H., Bangash R. (2018). Factors Affecting Working Capital Investment: An International Evidence // *Abasyn University Journal of Social Sciences*. Vol. 11. Special Issue — IGCETMA. Pp. 115–127.

Magni C.A., Marchioni A. (2020). Average rates of return, working capital, and NPV-consistency in project appraisal: A sensitivity analysis approach // *International Journal of Production Economics.* Vol. 229. DOI: 10.1016/j.ijpe.2020.107769.

Marshall L., Finch D., Cairncross L., Bibby J. (2018). The nation's health as an asset // *The Health Foundation.* https://www.health.org.uk/publications/the-nations-health-as-an-asset (access date: 7.04.2023)

Mättö M., Niskanen M. (2014). The Relation between Country-Specific Factors and Working Capital: Is it About Rule of Law? // *SSRN.* URL: https://ssrn.com/abstract=2546287 (access date: 7.04.2023). DOI: 10.2139/ssrn.2546287.

Mills G.T. (1996). The impact of inflation on capital budgeting and working capital // *Journal of Financial and Strategic Decisions.* Vol. 9. No. 1. Pp. 79–87.

Mueller F.W. (1953). Corporate Working Capital and Liquidity // *The Journal of Business of the University of Chicago.* Vol. 26. No. 3. Pp. 157–172. DOI: 10.1086/233112.

Novikova T.S. (2022). Investments in research infrastructure on the project level: Problems, methods and mechanisms // *Evaluation and Program Planning.* Vol. 91. DOI: 10.1016/j.evalprogplan.2021.102018

Novikova T., Kaneva M., Zafarjonova M. (2023). Cost-benefit analysis for health project evaluation (example of a Russian outpatient clinics' project in the Novosibirsk region) // *Front. Public Health.* Vol. 11:1073964. DOI: 10.3389/fpubh.2023.1073964.

Oseifuah E.K., Gyekye A.B. (2018). Global financial crisis, working capital management and firm value: Evidence from JSE listed non-financial firms // *Journal of Accounting and Management.* Vol. 8. No. 1. Pp. 5–22.

Penyalver D., Turró M. (2018). A classification for the redistributive effects of investments in transport infrastructure // *International Journal of Transport Economics.* Vol. 45. No. 4. Pp 695–732.

Santos C., Santos V., Tavares A.J., Varajão J. (2014). Project Management Success in Health — The Need of Additional Research in Public Health Projects // *Procedia Technology.* Vol. 16. Pp. 1080–1085. DOI: 10.1016/j.protcy.2014.10.122.

Shah G., Fraser J., Mandhana V, Verma V. (2022). Working Capital Index Report 2022. // *J.P. Morgan*. https://www.jpmorgan.com/solutions/treasury-payments/insights/working-capital-index-2022 (access date: 20.06.2023)

Sustainable Finance / Global Program on Sustainability. Annual Report (2021) / *The World Bank, GPS.* Pp. 53–60. https://documents1.worldbank.org/curated/en/824441643695834856/pdf/Global-Program-on-Sustainability-Annual-Report-2020-2021.pdf (access date: 20.06.2023).

Tarkom A. (2022). Impact of COVID-19 exposure on working capital management: The moderating effect of investment opportunities and government incentives // *Finance Research Letters.* Vol. 47. DOI: 10.1016/j.frl.2021.102666.

UNIDO's investment project preparation and appraisal (IPPA) e-learning course. (2022) / *UNIDO Knowledge Hub.* https://www.unido.org/news/unidos-investment-project-preparation-and-appraisal-ippa-e-learning-course (access date: 10.06.2023).

Working Capital Roundup: Cash-generation Opportunities - What We Learned from 2022 (2023) / *Deloitte US Report.* URL: https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/us/Documents/Advisory/us-rfa-working-capital-report-q4-2023.pdf (access date: 20.06.2023).

Zimon G. (2020). Management strategies of working capital in Polish services providing companies // *WSEAS Transact Bus Econ.* Vol. 17. Pp. 225–230. DOI: 10.37394/23207.2020.17.24.

Zimon G., Tarighi H. (2021). Effects of the COVID-19 global crisis on the working capital management policy: Evidence from Poland // *Journal of Risk Financial Management.* Vol. 14. No. 4. Pp. 169–186. DOI:10.3390/jrfm14040169.

Zinkina J., Christian D., Grinin L., Aleshkovski I., Ilyin I., Andreev A., Shulgin S. (2019). *A big history of globalization: the emergence of a global world system.* — Switzerland: Springer.

Татьяна Сергеевна Новикова
tsnovikova@mail.ru

Tatyana Novikova
Doctor of Economic Sciences, Professor, Leading Researcher, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)
tsnovikova@mail.ru

Мохидилхон Равшанжон кизи Зафаржонова
m.zafarjonova@gmail.com

Mokhidilkhon Zafarjonova
Postgraduate student, engineer, Institute of Economics and Industrial Engineering of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk)
m.zafarjonova@gmail.com

ESTIMATES OF THE WORKING CAPITAL REQUIREMENTS FOR INVESTING IN HEALTH CARE DEVELOPMENT

Abstract. The spread of medical technologies underpins the transition to the next global economic mode and requires large-scale investments in health sector. To substantiate them, certain methods of making investment decisions which corresponds to a new stage of scientific and technological development are required. This paper proposes the methods of investment projects evaluation based on the cost and benefit analysis, that measures both costs and benefits in monetary terms, taking into account these approaches. On the one hand, economic (public) efficiency is determined with the social effects along with other public effects being highlighted. On the other hand, financial (commercial) efficiency is calculated with a detailed presentation of investment in working capital and terminal value. In applied project analysis, working capital is either not taken into account, or simplified methods are preferred.

The paper focuses on the issues of modeling investments in the growth of net working capital. A comparative analysis of working capital modeling methods in the financial models of various international organizations (UNIDO, World Bank, Asian Development Bank) and official Russian methods is carried out. Also, the author's modified method for calculating investments in working capital based on separate financial turnover and liquidity ratios is proposed, which allows taking into account industry specifics of health projects.

The system of the proposed methods was tested on the example of a real project of the construction of seven urban outpatient hospitals in Novosibirsk. The results of the financial analysis with three options of working capital accounting and the economic analysis with the presentation of social, tax and redistributive effects of working capital clearly show the impact of assessing working capital requirement on the results of not only financial, but also economic efficiency, including the efficiency of participation in the project. In the frame of the economic analysis, substantial social effects for patients of new outpatient hospitals and other residents of the Novosibirsk Region were highlighted, while in the frame of financial analysis, significant effects of working capital and terminal cost for direct project participants were identified.

Keywords: *global economic mode, cost benefit analysis, investment projects, health sector, investment in working capital, social effects.*
JEL: I11, O22.

ОТ ТЕОРИИ К ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКЕ

О.А. Маркова
ассистент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
научный сотрудник, Институт прикладных экономических исследований РАНХиГС при Президенте РФ (Москва),

АЭРОПОРТЫ КАК ПЛАТФОРМЫ: СЛЕДСТВИЯ ДЛЯ АНТИМОНОПОЛЬНОГО ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ[1]

Аннотация. Аэропорты связывают несколько функционально разнородных групп пользователей (пассажиров или грузоперевозчиков, авиакомпании, рекламные и обслуживающие компании), обеспечивая прямой контакт между ними и вовлекая каждую из них во взаимодействия с собой. Всё это позволяет говорить об аэропортах как о платформах, что ставит вопрос: каким образом особенности аэропортов как платформ должны отражаться в антимонопольном правоприменении. Из определения аэропорта как нетрансакционной платформы следует необходимость рассмотрения её как участника нескольких связанных рынков. При предварительном определении границ рынков с платформами может быть использован анализ «ядерных» функций, который позволит найти минимальное множество продуктов, которые распространяются с участием платформы. Автор показывает, что наличие косвенных сетевых внешних эффектов и эффекта переноса требуют учёта при рассмотрении релевантных границ рынков с аэропортами. Автор предлагает подходы к их количественной оценке с помощью опроса. Особенности аэропортов как платформ должны также учитываться при анализе ценообразования платформ, так как классический затратный подход, применяемый в отношении отдельных сторон, которые связывает платформа, может давать искажённые результаты.

Ключевые слова: *аэропорт, платформы, границы рынков, ценообразование, антимонопольное регулирование.*

JEL: K21, L22, L40

УДК: 334.021

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_80_91

© О.А. Маркова, 2023
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Маркова О.А.* Аэропорты как платформы: следствия для антимонопольного правоприменения // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 80–91. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_80_91.

FOR CITATION: *Markova O.* Airports as platforms: consequences for antitrust policy // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 80–91. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_80_91.

[1] Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Введение

Изначально во многих странах аэропорты являлись государственными компаниями, основной задачей которых было предоставление услуг авиакомпаниям. Таким образом, считалось, что они выступают локальным общественным (клубным) благом (неконкурентные в потреблении, но исключаемые[2]). Однако со временем необходимость снижения издержек аэропортов и оптимизации их операций привела к тому, что во многих странах (в том числе в России) аэропорты были приватизированы [*Ivaldi, Sokullu, Toru,* 2015].

В настоящее время аэропорты обладают сложной инфраструктурой, предоставляя как авиационные, так и неавиационные услуги разным группам пользователей: компаниям (в том числе авиакомпаниям) и пассажирам. Основой для возможности осуществления перевозки пассажиров и грузов является контакт между группами пользователей аэропорта. Это позволяет говорить об аэропорте как о связующем звене между несколькими функционально разнородными группами контрагентов для последующего осуществления между этими сторонами трансакции: между пассажирами и авиакомпаниями, авиакомпаниями и обслуживающими компаниями (например, клининговыми, топливозаправочными и другими компаниями), а также пассажирами и поставщиками услуг в аэропортах, (например, розничными продавцами и предприятиями общественного питания). Такое положение аэропорта как базы для осуществления трансакции позволяет говорить об аэропорте как о платформе. Данное направление для анализа деятельности аэропортов появилось ещё до широкого обсуждения платформ в экономической науке (имеется в виду период с 2003 г. [*Rochet, Tirole,* 2003] до настоящего времени): аэропорты рассматривались как многопродуктовые фирмы, для которых в условиях растущего спроса становится особенно важным «привлечение частного сектора» [*Проблемы…*, 2001].

Определение аэропортов как платформ важно в свете применения к ним антимонопольного законодательства, в частности, при оценке границ релевантного рынка, а также обоснования назначаемых аэропортами цен. Особенно важным последнее становится в свете того, что почти все аэропорты России (за исключением московского авиационного узла — МАУ) считаются субъектами естественных монополий, а их тарифы соответственно регулируются. Игнорирование платформенной логики функционирования бизнеса при определении границ рынков в целях антимонопольного регулирования потенциально может приводить к регуляторным ошибкам в виде наказания невиновных [*Шаститко, Маркова,* 2020].

Кроме того, использование платформенной логики при регулировании тарифов аэропортов позволит снизить издержки регулятора и компаний. Например, в 2023 г. ФАС России признала, что аэропорт Емельяново назначал монопольно высокие цены «на услуги для топливозаправочных комплексов». Так, аэропорт, по заключению ФАС России, включал «в стоимость услуг статьи расходов, не относящиеся к деятельности топливозаправочных комплексов», а назначаемая цена превышала «сумму необходимых расходов и прибыли для оказания услуги»[3]. Переход к рассмотрению ценообразования платформы в виде структуры цен позволит сделать более простой и прозрачной систему учёта издержек, так как не потребует разделения и обоснования отнесения издержек аэропортов к разным группам потребителей аэропортовых услуг (авиакомпаний, топливозаправочных компаний, обсуживающих компаний и конечных потребителей). Кроме того, исследование связанности между сторонами, которые соединяет аэропорт, сохранит стимулы для снижения издержек аэропортами, а также потенциально может привести к снижению издержек регулирования

---

[2] Данное благо характеризуется низкими предельными издержками предоставления блага дополнительному потребителю и низкими издержками исключения из доступа к благу.

[3] Федеральная антимонопольная служба. https://fas.gov.ru/news/32462 (дата обращения 7. 06. 2023).

тарифов аэропортов благодаря проверке отнесения затрат аэропортов к отдельным видам деятельности.

В данном исследовании предлагается аргументация целесообразности рассмотрения аэропортов как платформ. Далее анализируются связанные с этим необходимые изменения в процедуре определения границ релевантных рынков в целях применения антимонопольного законодательства, а также обсуждаются подходы к обоснованию цен, назначаемых аэропортами как платформами.

Аэропорт как платформа

Как уже было отмечено, платформы стали активно изучаться в экономической науке с 2003 г. после работы [*Rochet, Tirole,* 2003], которые сформулировали особенности такой формы организации бизнеса. Это поставило вопрос о необходимости пересмотра в том числе и вопросов регулирования таких компаний. В частности, обсуждение особой формы назначения цен одновременно для двух и более сторон, которые связывает платформа, подсветило вопрос о том, что применительно к платформам перестают работать традиционные для антимонопольного регулирования подходы к анализу обоснованности цен [*Katz, Sallet,* 2018]. Всё это особенно важно в свете рассмотрения ФАС России Пятого антимонопольного пакета[4], который содержит поправки, касающиеся цифровых платформ. При этом, хотя формально аэропорты не попадают под данное регулирование, все особенности платформ для них сохраняются. Рассмотрим подробнее, какие факторы дают основание говорить об аэропортах как о платформах.

Платформы представляют собой компании, которые связывают две и более функционально разнородные группы пользователей, обеспечивая их прямой контакт, а также вовлекая эти группы в работу с платформой [*Шаститко, Маркова,* 2019]. Аэропорты, в свою очередь, связывают несколько групп пользователей для последующего осуществления между этими сторонами трансакций (заключения и исполнения соответствующих договоров, передачи товаров и услуг по цене, которая не контролируется аэропортом). Такие трансакции могут возникать между пассажирами и авиакомпаниями, авиакомпаниями и обслуживающими компаниями (например, клининговыми, топливозаправочными и другими компаниями), а также пассажирами и поставщиками услуг в аэропортах (например, розничными продавцами и предприятиями общественного питания) (рис. 1).

Между сторонами, которые связывает аэропорт, возникают положительные косвенные сетевые внешние эффекты (indirect network externalities). В таком случае говорят, что полезность субъектов одной группы, потребляющей рассматриваемое благо, зависит от количества субъектов другой группы [*Katz, Shapiro,* 1985]. Для возникновения косвенного сетевого внешнего эффекта аэропорт как платформа должен связывать две и более разнородные группы пользователей, которые получают дополнительную выгоду от присоединения большего количества пользователей другой, отличающейся от них, группы. Такие эффекты платформа, как правило, не может полностью отразить в ценах, поэтому говорят о внешних эффектах или экстерналиях [*Шаститко, Маркова,* 2020].

Косвенные сетевые внешние эффекты применительно к аэропортам проявляются в том, что авиакомпании предпочитают работать в аэропортах с большим пассажиропотоком, а пассажиры стремятся пользоваться теми аэропортами, где они могут найти более удобный для них способ добраться из одной точки в другую. Также рост ассортимента,

[4] Законопроект № 160280-8 «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции» (в части совершенствования антимонопольного регулирования «цифровых» рынков)». Система обеспечения государственной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/160280-8 (дата обращения: 07.06.2023)

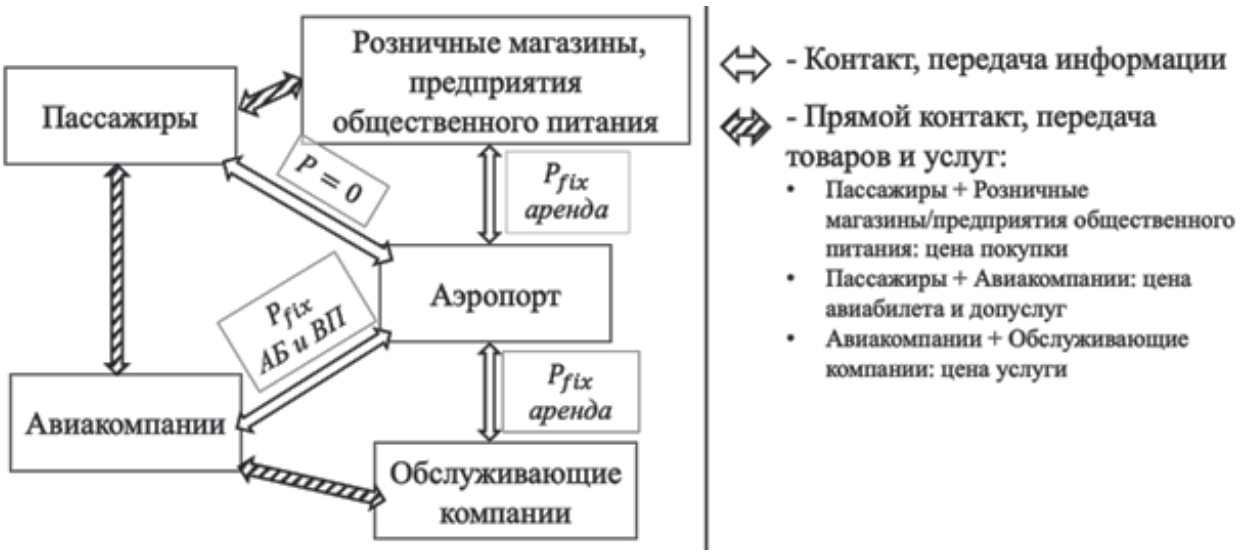


Рис. 1. Связи между сторонами, которые вступают в договорные отношения с аэропортом. Хотя формально пассажиры не заключают с аэропортом договор, но они вступают в некоторые отношения в момент, когда заходят в здание аэровокзала. Также на схеме не указаны иные стороны, которые также могут находиться в формальных или неформальных отношениях с аэропортом, например таксисты
Источник: составлено автором.

наличие новой инфраструктуры и количества услуг (например, в виде появления новых способов перевозки, временных слотов, скажем, через изменение времени работы аэропортов, и других услуг)[5], которые пассажиры получают в аэропорту, может положительно влиять на «ценность» аэропорта для пассажиров. Кроме того, аэропорты, которые предоставляют авиакомпаниям доступ к более конкурентным услугам (в том числе по заправке и обслуживанию самолетов), могут быть более привлекательными для авиакомпаний.

Ещё одна особенность бизнес-модели аэропорта обусловлена договорными отношениями между сторонами, которые связывает аэропорт: в частности, большая часть компаний, которые оказывают услуги в аэропорту, не являются его подразделениями (а их работники — сотрудниками аэропорта), а, по сути, выступают потребителями его услуг. Например, аэропорты оказывают ТЗК услуги по обеспечению доступа к объектам инфраструктуры для осуществления возможности топливозаправки воздушных судов в аэропорту. При этом стороны (ТЗК и авиакомпании) контактируют друг с другом и совершают трансакцию без участия аэропорта, по сути, прямо взаимодействуя (контактируя) друг с другом, что отличает аэропорт от торгового посредника (например, супермаркета), который приобретает товары, чтобы затем их продать [*Шаститко, Паршина,* 2016; *Hagiu, Wright,* 2015].

Аэропорт вовлекает все стороны во взаимодействие с ним: как авиакомпании и обслуживающие компании (рестораны, магазины, топливозаправочные, уборочные, экипировочные и другие компании), так и пассажиров. Это вовлечение может быть организовано через заключение отдельного договора (например, розничные продавцы должны заключить договор аренды, чтобы начать продавать товары пассажирам и другим лицам внутри аэропорта) или договор оферты (например, в случае парковки). Эта особенность аэропортов отличает их как от посредников (например, брокеров), которые вовлечены во взаимодействие, как правило, с одной стороной — заказчиком, так и от поставщиков ресурсов, которые предоставляют товары одной из сторон взаимодействия.

[5] Рост количества услуг, предоставляемых в аэропорту, может приводить к снижению цены и/или росту качества этих услуг за счёт конкурентного давления на стороне компаний, предоставляющих эти услуги.

Все эти особенности (связанность сторон за счёт косвенных сетевых внешних эффектов, прямой контакт между сторонами и вовлечение их во взаимодействие с аэропортом) позволяют говорить о том, что аэропорт является платформой [*Шаститко, Маркова,* 2020]. И хотя основные услуги, которые представляет аэропорт, относятся к авиационным, доход аэропортов формируется также в значительной степени от неавиационной деятельности. Например, компания Aéroport de Paris, владеющая аэропортами в парижском авиационном узле, в 2014 г. более трети выручки получила от услуг, не связанных с основной деятельностью (доход от розничной торговли, автостоянки и других услуг составил 705 млн евро). Для сравнения: общая выручка аэропорта в соответствующем периоде была 1 956 млн евро.

Конечная цель присутствия всех групп, которые взаимодействуют с аэропортом, — найти контрагентов, заключить и исполнить контракт. При этом аэропорт наблюдает не только осуществляющуюся трансакцию, но и некоторые её параметры, например максимальную взлётную массу и количество пассажиров, перевезённых авиакомпаниями, объёмы заправки топлива. Вместе с тем цену трансакции аэропорт, как правило, не наблюдает. Это приводит к тому, что он может назначить цену за некоторую единицу, но не в виде комиссии с трансакции. Таким образом, хотя аэропорт взымает цену с авиакомпаний в расчёте на максимальную взлётную массу и количество перевезённых пассажиров, эта цена является ценой присоединения (membership fee), а не ценой за трансакцию (transaction fee). Такая особенность отношений между сторонами, которые связывает аэропорт как платформа, позволяет отнести аэропорты к нетрансакционным платформам [*Шаститко, Маркова,* 2020]. Среди нетрансакционных выделяют также рекрутинговые платформы, доски объявлений и социальные медиа, которые подключают рекламодателей. Кроме того, как нетрансакционная платформа могут рассматриваться торгово-развлекательные центры [*Шаститко, Павлова,* 2022].

Важное свойство аэропорта как платформы — управление структурой цен, особенностью которой является то, что изменение аэропортом цен для авиакомпаний или других (например, обслуживающих) компаний, которые подключаются к платформе, чтобы осуществить трансакцию, приводит к изменению цен для контрагентов этих компаний [*Doi,* 2022]. Это, в свою очередь, за счёт косвенных сетевых внешних эффектов может приводить к изменению решений авиакомпаний (например, изменению географии или регулярности полётов, выбора самолетов с другими характеристиками). Это свойство аэропортов как платформ важно в свете определения границ релевантных рынков, на которых они функционируют [*Маркова,* 2022].

Границы релевантных рынков в свете рассмотрения аэропортов как платформ

Так как аэропорт является нетрансакционной платформой, то говорят, что она функционирует на нескольких связанных рынках: отнесение аэропортов к платформам, функционирующим на одном многостороннем рынке, вызывает много критики, однако связанность рынков, на которых функционируют аэропорты, не оспаривается [*Auer, Petit,* 2015; *Filistrucchi, Geradin, Damme van,* 2013. P. 3; *Rysman,* 2009.P. 136]. Для точного определения того, в границах каких именно рынков функционирует платформа, необходимо: 1) привести предварительное определение товара; 2) оценить взаимозаменяемость рассматриваемого товара с другими (если потребители не готовы при повышении цен на рассматриваемый товар переключиться на другие товары или объёмы переключений на другие товары недостаточны для того, чтобы сделать повышение цен невыгодным на рассматриваемую группу товаров, то такие товары принадлежат к одному товарному рынку). Рассмотрим подробнее, как особенности платформ отражаются в процедуре определения границ рынков.

Предварительное определение товара

Предварительное определение товара на рынках, на которых действуют аэропорты, осложняется тем, что они кроме непосредственно услуг, связанных с перевозкой пассажиров и грузов, оказывают также иные услуги, что превращает аэропорт в развитую сеть услуг [*Проблемы…,* 2001]. Хотя эта особенность характерна также для других многопродуктовых компаний, особенно остро вопрос о том, какие именно услуги и стороны рассматривать при определении продуктовых границ релевантных рынков, стоит для аэропортов, так как, как было показано выше, стороны, которые присоединяются к платформе, связаны друг с другом.

Решение проблемы разграничения количества сторон, которые связывает платформа, предложило Федеральное ведомство по делам картелей Германии [*Newman*, 2019] в деле против социальной сети Meta (Facebook)[6]. Для выделения ключевых сервисов, в отношении которых далее проводится исследование взаимозаменяемости, ведомство проводит анализ функциональной взаимозаменяемости сервисов. В случае социальной сети Федеральное ведомство по делам картелей Германии рассматривает конечных потребителей (аудиторию) и рекламодателей как стороны, без которых основная, «ядерная», (core) услуга не будет оказана. Эти стороны и предоставляемые им услуги считаются «ключевыми» (key functions)[7].

Основной особенностью использования анализа ядерных функций для определения границ рынков является выделение ключевой услуги, вокруг которой платформа предоставляет другие услуги. Этот подход позволяет определить продукт на первом этапе определения границ рынков.

Аэропорты как нетрансакционные платформы, кроме непосредственно услуг, связанных с перевозкой пассажиров и грузов, оказывают и иные услуги. В частности, например, рекламодатели используют площади аэропортов, чтобы рекламировать товары и услуги пассажирам, приезжающим в аэропорт, а также на базе аэропорта обслуживающие компании предоставляют авиакомпании услуги заправки самолета топливом (топливозаправочные компании), уборки, обеспечения пассажиров бортовым питанием и т.д. Значит ли это, что так как в итоге платформа связывает все эти стороны, они должны рассматриваться как часть одного рынка? Для ответа на этот вопрос необходимо определить, какие стороны участвуют в предоставлении ключевой услуги платформы. Все стороны, которые в результате такого исследования не будут необходимы для предоставления «ядерной» услуги, необходимо рассматривать как участников смежных рынков.

В случае аэропортов авиакомпании и пассажиры (или грузоперевозчики) выступают сторонами, без которых основная («ядерная») услуга — перевозка пассажиров (или грузов) — не будет оказана. Эти стороны и предоставляемые им услуги считаются «ключевыми». Кроме того, предоставление аэропортовых услуг невозможно без многих обслуживающих компаний (например, ТЗК). Поэтому они также должны включаться в «ядерную» услугу аэропортов, связанную с оказанием услуги по перевозке пассажиров (или грузов). Таким образом, среди групп потребителей, которые связывает аэропорт как платформа, необходимо рассматривать: 1) пассажиров (или грузоперевозчиков); 2) авиакомпании; 3) обслуживающие компании (например, ТЗК). Важно отметить, что, если доход платформы из альтернативных источников необходим платформе для выхода на окупаемость (например, когда доходы от рекламы выступают «значимым источником денежных поступлений» [*Устюжанина, Дементьев, Евсюков,* 2021]), соответствующие стороны также необходимо рассматривать в продуктовых границах рынка.

---

[6] Социальная сеть Facebook (Meta) запрещена в РФ. Решением суда от 21.03.2022 компания Meta признана экстремистской организацией на территории Российской Федерации.

[7] Bundeskartellamt. Becision of 6 February 2019. https://www.bundeskartellamt.de/SharedDocs/Entscheidung/EN/Fallberichte/Missbrauchsaufsicht/2019/B6-22-16.pdf?__blob=publicationFile&v=4 (access date: 07.06.2023).

Оценка взаимозаменяемости

Для определения границ рынков, на которых функционируют аэропорты как нетрансакционные платформы с эффектом переноса, необходимо учитывать возникающий эффект переноса и косвенные сетевые внешние эффекты [*Маркова*, 2022], что позволит избежать ошибок правоприменения в результате излишне узкого или широкого определения границ релевантных рынков [*Шаститко, Маркова,* 2020]. Рассмотрим подробнее особенности аэропортов, которые могут повлиять на решения связываемых ей сторон и которые могут изменить выводы при оценке взаимозаменяемости между товарами.

1. *Учёт эффекта переноса*

Особенностью ценообразования аэропортов как платформ является то, что если аэропорт изменяет цены для авиакомпаний или других компаний, которые ищут возможность заключить контракт с пассажирами или авиакомпаниями, то в случае связанного с этим роста издержек возможно изменение цен для конечных потребителей (в случае с авиакомпаниями, розничными продавцами и предприятиями общественного питания это пассажиры и другие посетители аэропорта, в случае с обслуживающими компаниями — авиакомпании). Возможный рост цен для конечных потребителей связывают с таким феноменом, как «эффект переноса» (pass-through effect). Эффект переноса напрямую влияет на переключение пользователей, а значит, может повлиять на перекрёстную эластичность спроса (интенсивность изменения спроса на один товар в результате изменения цены другого). Если для сторон возникает эффект переноса, но он не учитывается при проведении теста гипотетического монополиста (ТГМ), то результаты теста могут быть смещёнными [*Шаститко, Маркова,* 2020].

Оценка эффекта переноса может проводиться с использованием данных предыдущих периодов, теоретического моделирования или с помощью опроса.

Важно отметить, что хотя использование опросных данных для оценки эффекта переноса потенциально может содержать ошибки [*Павлова, Шаститко,* 2021; *Маркова,* 2022], ФАС России при определении границ релевантных рынков использует выборочные или сплошные опросы, в ходе которых «выясняется мнение приобретателей товара»[8] и которые являются основным исследовательским методом [*Павлова, Шаститко,* 2021]. Поэтому проводимый антимонопольным регулятором опрос может быть дополнен вопросом, направленным на оценку эффекта переноса. Для этого может быть использована следующая формулировка, например, для авиакомпаний: «Повысите ли Вы цену на продаваемые Вами на рассматриваемом маршруте(ах) билеты, если аэропорт(ы) [в соответствующих тестируемых границах рынка] долговременно (более чем на год) изменит(ят) стоимость услуг на 5–10%? Если да, то насколько?»

2. *Учёт косвенных сетевых внешних эффектов*

Ещё одна особенность платформ — наличие между сторонами косвенных сетевых внешних эффектов — также может менять решение платформы об изменении цены. Пусть в отрасли функционируют две идентичные платформы, которые связывают две группы пользователей — А и Б (например, авиакомпании — А и пассажиры — Б). Тогда, если деятельность платформ связана с возникновением положительных косвенных сетевых внешних эффектов, то при повышении цен одной из платформ для стороны А (авиакомпании) часть потребителей с этой стороны может переключиться на услуги другой платформы или вообще перестать потреблять рассматриваемые услуги на рынке,

[8] Федеральная антимонопольная служба. Приказ ФАС «Об утверждении Порядка проведения анализа состояния конкуренции на товарном рынке» от 28.04.2010. (далее — Приказ-220).

в результате снизится общее число пользователей первой платформы на стороне А. При этом и на стороне Б (пассажиры) могут отключиться (например, начать приобретать билеты с пересадками) некоторые пользователи, так как они теперь не смогут взаимодействовать с отключившимися в результате повышения цен пользователями стороны А. Это происходит в результате действия положительных косвенных сетевых внешних эффектов: при отключении от первой платформы пользователей со стороны А ценность платформы для пользователей на стороне Б снижается. При рассмотрении платформы с отрицательными косвенными сетевыми внешними эффектами (например, в случае контрактации аэропортов с рекламодателями) выгоды для стороны, где они возникают, будут такими же.

Предположим, что в предварительно определённые продуктовые границы рассматриваемого рынка входит только первая платформа вместе с другими компаниями. Тогда проведённый ТГМ в рассмотренном примере без учёта косвенных сетевых внешних эффектов покажет более узкий рынок, чем на самом деле: за счёт действия положительных косвенных сетевых внешних эффектов от платформы отключатся больше пользователей. Кроме того, при использовании результатов такого теста рыночная власть рассматриваемой платформы на рынке будет переоценена.

Учёт сетевых внешних эффектов необходимо проводить при оценке объёмов переключений при изменении аэропортом тарифов. В этом случае можно использовать мягкий подход, при котором оценивается только один круг реакций пользователей [*Маркова,* 2022]. По сути, этот подход предполагает оценку моментальной реакции пользователей. Полученная оценка показывает, может ли повышение цен потенциально быть выгодно платформе. Для этого в дополнение к стандартному вопросу ТГМ про реакцию на рост цен и вопросу, позволяющему оценить эффект переноса, необходимо задать вопрос всем группам, которые связывает платформа, об их действиях в ответ на изменение числа пользователей платформы.

Например, для авиакомпаний вопрос может быть сформулирован следующим образом: «При снижении количества пассажиров на рассматриваемом маршруте(ах) на 5–10% (каждый 10-й или 20-й билет не будет куплен) какими другими маршрутами и в каком объёме ваша компания предпочтёт заменить рассматриваемый?»

Аналогично для пассажиров: «При снижении количества рейсов (размеров самолета) на 5–10% (каждый 10-й или 20-й билет не поступит в продажу по сравнению с текущим положением) какими другими маршрутами и в каком объёме вы предпочтёте заменить рассматриваемый?»

Дополнительное отключение пользователей необходимо дополнительно учитывать при расчёте объёмов переключения в ТГМ для оценки прибыльности повышения цен аэропортом [*Маркова,* 2022].

Особенности аэропортов как нетрансакционных платформ отражаются также в том, как именно они назначают цены. Это важно в свете того, что почти все аэропорты в России (кроме аэропортов МАУ) являются субъектами естественных монополий, а, соответственно, их цены подлежат регулированию[9].

[9] Федеральный закон «О естественных монополиях» от 17.08.1995 №147-ФЗ.

Особенности ценообразования аэропорта как платформы

Аэропорт как платформа управляет не отдельными ценами, но структурой цен. Назначаемая аэропортом структура цен состоит из нескольких компонентов: цены для пассажиров (как правило, нулевые[10]), цены для перевозчиков (цены на услуги аэропорта, а также, как правило, нулевая цена на трансакции с обслуживающими компаниями) и цены для других компаний (в том числе ТЗК) в виде услуг по обеспечению трансакций (в расчёте на одну трансакцию). Особенность данной структуры цен состоит в том, что она позволяет назначать такие цены, которые суммарно будут меньше по сравнению с теми, когда аэропорт назначает отдельно и независимо для каждой стороны взаимодействий цену, исходя из издержек, которые он несет при непосредственном предоставлении услуги присоединяющейся к платформе группе[11]. При этом возможно одновременное назначение высоких цен для отдельных компаний и более низких (ниже издержек) для других сторон.

Пусть аэропорт как платформа сравнивает две схемы ценообразования: схему 1 и схему 2, где общий уровень цен для схемы складывается из цен для разных сторон, которые связывает аэропорт (для пассажиров ($P^i_{\text{пасс}}$), авиакомпаний ($P^i_{АК}$), ТЗК ($P^i_{ТЗК}$) и других обслуживающих компаний ($P^i_{\text{другие}}$), соответственно): $P^i = P^i_{\text{пасс}} + P^i\text{АК} + P^i_{\text{ТЗК}} + P^i_{\text{другие}}$. В таком случае (табл. 1) особенность платформенной структуры цен предполагает, что платформа скорее выберет схему 2, так как в таком случае за счёт снижения цены для пассажиров (до нуля) и авиакомпаний (ниже издержек) она привлечёт больше пассажиров и авиакомпаний, что, в свою очередь, привлечёт еще больше ТЗК и других обслуживающих компаний за счёт косвенных сетевых внешних эффектов.

Таблица 1
Возможные схемы ценообразования аэропорта

Схема 1	Схема 2
$P^1 = P^1_{\text{пасс}} + P^1_{\text{АК}} + P^1_{\text{ТЗК}} + P^1_{\text{другие}}$ $P^1_{\text{пасс}} > 0$	$P^2 = P^2_{\text{пасс}} + P^2_{\text{АК}} + P^2_{\text{ТЗК}} + P^2_{\text{другие}}$ $P^2_{\text{пасс}} = 0, \quad P^1_{\text{АК}} \geq P^2_{\text{АК}},$ $P^1_{\text{ТЗК}} < P^2_{\text{ТЗК}}, \; P^1_{\text{другие}} < P^2_{\text{другие}}$

P^i — суммарная средняя стоимость трансакции (например, в расчёте на 1 перевезенного пассажира или 1 т перевезённого груза), которую заплатят все стороны при схеме ценообразования i; P^i_j — средняя стоимость трансакции (например, в расчёте на 1 перевезенного пассажира или 1 т перевезённого груза), которую платит сторона j = {пасс, АК, ТЗК, другие} (пассажиры, авиакомпании, ТЗК и другие обслуживающие компании) при схеме ценообразования i.

Источник: составлено автором.

Таким образом, говорят, что группы, которые связывает платформа, оказываются чувствительны не только к уровню цен, но и к каждому её компоненту, поэтому потенциально аэропорт как платформа может так изменять цены, что падение цен для одной из сторон ниже уровня издержек и непропорциональный рост цен для другой стороны будут выгодны

[10] Аэропорт не взимает напрямую с пассажиров плату за пользование инфраструктурой аэропорта, при этом часть или полную стоимость сборов, которые аэропорт взимает с авиакомпаний за обслуживание пассажиров (пользование аэровокзалом, обслуживание пассажиров), авиакомпании могут взимать с пассажиров. При этом нельзя приравнивать сборы с авиакомпаний за обслуживание пассажиров и цену пользования инфраструктурой аэропорта для пассажиров, потому что при изменении сборов с авиакомпаний за обслуживание пассажиров цена авиабилета может изменяться непропорционально, так как авиакомпании могут не полностью (возможные варианты включают множество альтернатив от отсутствия переноса до переноса сверх изменившегося сбора) переносить изменение тарифов в стоимость авиабилета для пассажира.

[11] Вопрос возможности использования затратного подхода для оценки обоснованности цен, назначаемых платформой, будет подробнее разобран далее.

как платформе, так и сторонам — пользователям услуг аэропорта. То есть общий уровень цен *P* будет не выше (схема 2 в табл. 1) по сравнению с ситуацией, когда цены назначаются для каждой из сторон в отдельности (схема 1 в табл. 1), а количество трансакций между функционально разнородными группами, которые связывает платформа, будет выше в случае схемы 2. Кроме того, снижение цен для одной из сторон (например, для ТЗК) может привести к тому, что для покрытия издержек аэропорту придётся повысить цены других сторон (в частности, для авиакомпаний или пассажиров), что может снизить как пассажиропоток в аэропорту, так и поток грузов[12], что приведёт к снижению общего благосостояния: как в части благосостояния пассажиров, так и прибыли авиакомпаний, ТЗК и других обслуживающих компаний.

Особый подход к ценообразованию у платформ напрямую влияет на особенности определения обоснованности их модели ценообразования. Для определения обоснованности цен субъекта естественных монополий используется один из двух подходов: метод сопоставимых рынков и затратный подход[13]. Обоснование сопоставимости рынков связано со значительными дополнительными трудностями, обусловленными сложностями использования критериев сопоставимости рынков и доказывания того, что найденный рынок «действительно функционирует в условиях конкуренции» [*Павлова, Фатихова,* 2017]. Поэтому затратный подход является наиболее распространённым. Он используется для проверки предположения (гипотезы) о наличии/отсутствии монопольно высоких или монопольно низких цен. Хотя идея теста проста, его использование может быть сопряжено с рядом трудностей, особенно применительно к платформам.

Это связано, с одной стороны, с тем, что, как было показано выше, платформа назначает структуру цен, при этом отдельные её компоненты могут быть как значительно выше, так и значительно ниже, чем издержки, которые платформа несёт в отношении той группы, для которой эта цена назначается. С другой стороны, выделение издержек для каждой из групп сопряжено с дополнительными сложностями. Так как, во-первых, не для всех платформ возможно разделить издержки, которые платформа несёт в отношении разных групп [*Шаститко, Маркова,* 2019]. Например, в случае текущего ремонта дорожного покрытия аэропорта все компании, техника которых перемещается по территории аэропорта, получают выгоды. Тогда возникает вопрос о том, как именно эти издержки нужно учитывать при ценообразовании.

Во-вторых, даже если издержки некоторым образом можно разделить, рост издержек для одной из сторон может не приводить к росту цен для этой стороны [*Evans, Schmalensee,* 2007]. Эта особенность — следствие специфической для платформ структуры цен. Взаимное влияние спроса разных сторон, которые связывает платформа, а также влияние косвенных сетевых экстерналий на их решения, может приводить к тому, что, даже если цены и издержки платформы значительно отличаются (как в сторону превышения издержек над ценами, так и наоборот), нельзя сделать вывод о наличии у платформы рыночной власти [*Evans, Schmalensee, Noel, Chang, Garcia-Swartz,* 2011]. То же можно сказать и о наличии у данной платформы доминирующего положения.

В таком случае, если альтернативные подходы к оценке обоснованности ценообразования невозможны (например, анализ цен на сопоставимых рынках), требуется использовать расчёт общей рентабельности платформы [*Ayata,* 2021] с дальнейшей проверкой устойчивости результата для разных по уровням детализации разбиениям затрат [*Mandrescu,* 2022; *O'Donoghue, Padilla,* 2019].

---

[12] Здесь и далее поток грузов включает, в том числе грузовые перевозки с конечной целью в других аэропортах — т.е. такие самолётовылеты грузовых перевозчиков, которые останавливаются в рассматриваемом аэропорту с целью технической посадки без изменения коммерческой загрузки.

[13] Разъяснение № 1 Президиума ФАС России «Определение монопольно высокой и монопольно низкой цены товара» (утв. протоколом Президиума ФАС России от 10.02.2016 №2). Консультант. https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_195180/34d0fc3f7dcf3752e71eeb53ae8816d2e530b4bb/ (дата обращения 7.06.2023).

Заключение

В данном исследовании обосновывается возможность рассмотрения аэропортов как платформ на основании наличия прямого контакта между функционально разнородными группами пользователей, которые связывает аэропорт, вовлечения последних в работу платформы, а также возникающих косвенных сетевых внешних эффектов. Невозможность платформы зафиксировать все параметры совершающихся благодаря ей трансакций приводит к тому, что аэропорт взимает со сторон плату за присоединение. Это позволяет говорить об аэропорте как о нетрансакционной платформе.

Из определения аэропорта как нетрансакционной платформы следует необходимость рассмотрения его как участника нескольких связанных рынков, «ключевой» услугой которых является перевозка пассажиров (или грузов). Используя анализ «ядерных» функций аэропорта можно выделить минимальный набор товаров, которые должны рассматриваться в рамках предварительного определения товара. Среди сторон, без которых невозможно оказание «ключевой» услуги, — пассажиры (или грузоперевозчики), авиакомпании, обслуживающие компании. При определении взаимозаменяемых товаров необходимо учитывать возникающие косвенные сетевые внешние эффекты и эффект переноса. Поэтому предлагаются подходы к их количественной оценке с помощью опроса.

Определение аэропорта как платформы важно в свете оценки обоснованности назначаемых платформой цен: так как аэропорт управляет структурой цен, некоторые из них могут оказываться ниже соответствующих средних издержек аэропорта на оказание услуг для соответствующей стороны. Прямое сравнение соответствующих издержек с ценами может приводить к неправильной оценке обоснованности ценообразования при росте благосостояния всех участников таких взаимодействий.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

Маркова О.А. (2022). Определение границ рынков с платформами: как учитывать сетевые экстерналии и эффект переноса? [*Markova O.A.* (2022). Platform market definition: accounting for network effects and pass-through effect?] // *Вопросы теоретической экономики.* № 3. С. 7–30. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_7_30.

Павлова Н.С., Фатихова А.Ф. (2017). Дизайн и опыт применения концепции сопоставимых рынков в российском антитрасте [*Pavlova N. S., Fatikhova A.* (2017). Design and implementation of the concept of comparable markets in Russian antitrust] // *Современная конкуренция.* Т. 11. №. 2 (62). С. 36-51.

Павлова Н.С., Шаститко А.Е. (2021). Методы анализа рынка в целях применения антимонопольного законодательства: теоретические и прикладные аспекты [*Pavlova N.S., Shastitko A.Y.* (2021). Market analysis methods for competition law enforcement: theoretical and practical aspects] // *Вопросы теоретической экономики.* № 2. С. 7–22. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2021_2_7_22.

Проблемы регулирования цен и тарифов на услуги естественных монополий (на примере аэропортов федерального значения) (2001). [Problems of price and tariffs regulation of natural monopolies services (case of the federal airpost)] / Под ред.А.Е.Шаститко — М.: Бюро экономического анализа ТЕИС.

Устюжанина Е.В., Дементьев В.Е., Евсюков С.Г. (2021). Трансакционные цифровые платформы: задача обеспечения эффективности [*Ustyuzhanina E.V., Dementiev V.E., Evsukov S.G.* (2021). Digital transaction platforms: Ensuring their efficiency] // *Экономика и математические методы.* Т. 57. №. 1. С. 5–18. DOI 10.31857/S042473880013023-4.

Шаститко А.Е., Маркова О.А. (2019). Эффекты становления и функционирования многосторонних рынков: подходы к исследованию [*Shastitko A.E., Markova O.A.* (2019). Approaches to the research of digital transformation effects] // *Общественные науки и современность.* № 3. С. 52–65. DOI 10.31857/S086904990005085-5.

Шаститко А.Е., Маркова О.А. (2020). Старый друг лучше новых двух? Подходы к исследованию рынков в условиях цифровой трансформации для применения антимонопольного законодательства [*Shastitko A.E., Markova O.A.* (2020). An old friend is better than two new ones? Approaches to market research in the context of digital transformation for the antitrust laws enforcement] // *Вопросы экономики.* № 6. С. 37–55. DOI: 10.32609/0042-8736-2020-6-37-55.

Шаститко А.Е., Павлова Н.С. (2022). Влияние интерпретации поведения компаний на подходы к анализу границ товарного рынка [*Shastitko A.Y., Pavlova N.S.* (2022). The effect of the interpretation of company

behavior on the analysis of market boundaries] // *Современная конкуренция.* Т. 16. №6. С. 43–55. DOI: 10.37791/2687-0657-2022-16-6-43-55.

Шаститко А.Е., Паршина Е.Н. (2016). Рынки с двусторонними сетевыми эффектами: спецификация предметной области [*Shastitko A.Y., Parshina E. N.* (2016). Two-sided markets: the subject matter specification] // *Современная конкуренция.* Т. 10. № 1 (55). С. 5–18.

Auer D., Petit N. (2015). Two-Sided Markets and the Challenge of Turning Economic Theory into Antitrust Policy // *The Antitrust Bulletin*. V. 60. No. 4. Pp. 426–461. DOI: 10.1177/0003603X15607155.

Ayata Z. (2021). Old abuses in new markets? Dealing with excessive pricing by a two-sided platform // *Journal of Antitrust Enforcement*. V. 9. No. 1. Pp. 177–195. DOI: 10.1093/jaenfo/jnaa008.

Doi N. (2022). Choice of Policy Instruments with Endogenous Quality: Per-Passenger and Per-Flight Airport Charges in Japan // *The Journal of Industrial Economics.* V. 70. No. 1. Pp. 44–88. DOI: 10.1111/joie.12282.

Evans D.S., Schmalensee R. (2007). The Industrial Organization of Markets with Two-Sided Platforms // *Competition Policy International*. V. 3. No. 1. Pp. 150–179.

Evans D.S., Schmalensee R., Noel M.D., Chang H.H., Garcia-Swartz D.D. (2011). Platform economics: Essays on multi-sided businesses // *Competition Policy International* / David S. Evans, ed.

Filistrucchi L., Geradin D, van Damme E. (2013). Identifying Two-Sided Markets // *World Competition*. V. 36. No. 1. Pp. 33–59.

Hagiu A., Wright J. (2015). Multi-sided platforms // *International Journal of Industrial Organization*. V. 43. Pp. 162–174. DOI: 10.1016/j.ijindorg.2015.03.003.

Ivaldi M., Sokullu S., Toru T. (2015). Airport prices in a two-sided market setting: Major US airports // *Available at SSRN:* https://ssrn.com/abstract=2619233.

Katz M.L., Shapiro C. (1985). Network externalities, competition, and compatibility // *American Economics Review.* V. 75. No. 3. Pp. 424–440.

Mandrescu D. (2022). Abusive pricing practices by online platforms: a framework review of Article 102 TFEU for future cases // *Journal of Antitrust Enforcement.* V. 10. Is. 3. Pp. 469–517. https://doi.org/10.1093/jaenfo/jnac001.

Newman J. (2019). The Bundeskartellamt's Facebook* Decision: Good, Bad, and Ugly // *Network Law Review.*
Published: 11. Feb. 2019 (access date: 07.06.2023).

O'Donoghue R., Padilla J. (2019). Excessive pricing // *The law and economics of Article.* 102.TFEU. Book DOI 10.5040/9781509942985. Pp. 887–954.

Rochet J.C., Tirole J. (2003). Platform competition in two-sided markets // *Journal of the European economic association*. V. 1. No. 4. Pp. 990–1029.

Rysman M. (2009). The Economics of Two-Sided Markets // *Journal of Economic Perspectives*. V. 23. No 3. Pp. 125–143. DOI: 10.1257/jep.23.3.125.

Маркова Ольга Анатольевна
markovaoa@outlook.com

Olga Markova
Teaching assistant of Lomonosov Moscow State University, Junior Researcher of Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (Moscow)
markovaoa@outlook.com

AIRPORTS AS PLATFORMS: CONSEQUENCES FOR ANTITRUST POLICY

Abstract. Airports connect several functionally heterogeneous groups of users (passengers or cargo carriers, airlines, advertising and other service companies), enable direct interaction between them and affiliate each of them. These provide ground to analyze airports as platforms, which raises a question of how antitrust enforcement should account for characteristics of airports as platforms. The author shows that the presence of indirect network externalities and pass-through effects need to be taken into account when considering the relevant boundaries of markets with airports. The author proposes an approach to quantitatively assess indirect network externalities and pass-through effect using a survey. In addition, when defining the minimal set of products while testing relevant market boundaries the analysis of core functions can be used. This approach allows to find a minimum set of products that are distributed by airport as a platform. The characteristics of airports as platforms should also be taken into account when analyzing platform pricing, as the traditional price-cost test applied to the separate markets can be misleading.

Keywords: *airport, platforms, market definition, pricing, antitrust.*
JEL: K21, L22, L40.

*** Социальная сеть Facebook (Meta) запрещена в РФ. Решением суда от 21.03.2022 компания Meta признанаэкстремистской организацией на территории Российской Федерации.**

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

А.Н. Медушевский
д. филос. н., ординарный профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва)

КОГНИТИВНАЯ ВОЙНА: СОЦИАЛЬНЫЙ КОНТРОЛЬ, УПРАВЛЕНИЕ СОЗНАНИЕМ И ИНСТРУМЕНТ ГЛОБАЛЬНОГО ДОМИНИРОВАНИЯ (Часть 2)

Аннотация. Когнитивная война становится одним из наиболее важных элементов текущих дебатов о войне и мире в глобализирующемся социуме. Что такое когнитивная способность и как она может быть трансформирована в одно из средств войны? Действительно ли это принципиально новый тип войны или только разновидность гибридной войны как сочетания информационных, экономических и политических областей с конвенциональными инструментами военных действий? И как можно оценить ведущуюся милитаризацию наук о мозге с позиций её влияния на экономику, общество и легитимность политических режимов в процессе глобального соперничества за ресурсы, власть и влияние? Стремясь найти ответы на эти вопросы, автор внимательно анализирует реальный смысл концепции когнитивной войны, комплекс технологий манипулирования сознанием и их практическую роль в текущих и будущих военных конфликтах.

Ключевые слова: *государство, управление сознанием, когнитивная война, науки о мозге, милитаризация нейронаук, некинетические войны, когнитивное доминирование.*

JEL: F01, F02, F20, F51, F52

УДК: 32.019.5

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_92_107

© А.Н. Медушевский, 2023
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Медушевский А.Н.* Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования. Часть 2 // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 92–107. DOI: 10.52342/2587- 7666VTE_2023_3_92_107.

FOR CITATION: *Medushevskiy A.* Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance. Part 2 // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 92–107. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_92_107.

Введение

Теория когнитивной войны, как показано в первой части данной статьи [*Медушевский*, 2023], аккумулирует внимание на ключевой проблеме управления сознанием с применением новых технологий когнитивного воздействия, очерчивает круг этих технологий и показывает возможные пути их военного использования. В то же время отсутствует единое общепринятое определение понятия когнитивной войн, позволяющее провести её границы в отношении ряда других понятий — информационной, кибернетической и психологической войны, поскольку все они включают когнитивные манипуляции и основаны на технологических приёмах (информационное давление, хакерские атаки, кибервойны и т.д.). Затруднительно установить: степень автономности её области от существующих пяти сфер войны (на земле, в воде, воздухе, киберпространстве и космосе); специфику используемых технологий (направленных на нейросети), а в конечном счёте — ответить на вопрос, представляет ли данный тип войны революцию или эволюционное развитие военного противостояния.

Нет сомнений, что «война за мозг» становится приоритетным направлением войны XXI в., требует пересмотра ряда ключевых представлений о международном и национальном праве, методах социального контроля, управления и ведения военных действий. Тезис о том, что когнитивная война должна быть признана военным преступлением в рамках международного законодательства за угрозу, которую она несет в области психологического здоровья человечества, — морально безупречен, но наивен. Как и вообще пацифистские призывы в условиях, когда когнитивные атаки уже стали частью современного глобального противостояния, радикально меняя представления о войне — области, правовых рамках и способах её ведения.

Гораздо более информативен подход, нацеленный на выявление параметров когнитивного соперничества, его издержек и преимуществ для сторон конфликта, а также потенциальных результатов для общества и политической системы.

Глобальные вызовы национальному суверенитету: экономика, общество и легитимность власти с позиций когнитивной войны

В глобальной конкуренции когнитивный аспект противостояния прямо отсылает к теории суверенитета. В узком смысле область когнитивной войны состоит в подрыве национального суверенитета с целью принудить данное государство выполнять волю другого государства. Традиционно, с позиций международного права, государственный суверенитет определяется следующими элементами — постоянное население; определённая территория; правительство и способность вступать в отношения с другими государствами. Цель когнитивной войны (или шестого поколения войны) состоит в подрыве легитимности правительства путём создания противоречий и расколов среди граждан для принуждения принять определённую политическую волю. Эта форма войны направлена на третий элемент формулы суверенитета — независимое правительство, свободное от внешнего вмешательства. Конечная цель когнитивной войны — преодолеть внутренние информационно-пропагандистские барьеры государства, изменить систему ценностей и понимание мира, вынудить население к принятию желательного решения, установить над ним «рефлексивный контроль», подорвав его способности «наблюдать, ориентироваться, решать и действовать». Это подтверждает важность нового когнитивного «чудо оружия» (magic weapons) для государств [*Rai Leekha*, 2022].

В информационной сфере когнитивные войны — продолжение гибридных войн, комбинирующих обычные вооружённые действия с экономическим и информационным воздействием на противника, объектом которого становится всё население, а не только

вооружённые силы вовлечённых стран. Поворотной точкой в этом отношении признаются войны в Афганистане (2001–2021) и Ираке (2003–2011), когда военные акции на всём протяжении их осуществления сопровождались всемирными информационными кампаниями, а ключевой эмоциональный мотив состоял в возмездии за теракт 11 сентября 2001 г. и противодействии сфабрикованной угрозе оружия массового уничтожения. Центральной характеристикой этих войн стали информационные операции на внутреннем фронте — развёртывание пространства управляемого восприятия населением всей информации, поступающей из внешнего мира. Управление восприятием включало набор акций, направленных на то, чтобы повлиять на восприятие и поведение аудитории. Эта стратегия включала искусственно создаваемые стимулы, обеспечивающие варианты спонтанного индивидуального и коллективного восприятия (meaning-making) при том, что все варианты результатов будут предсказуемы. Специальные исследования в области психологии раскрыли такие области воздействия, как фабрикация смысла, память (в том числе ложная), гипноз, внушение, убеждение и изменение поведения на массовом уровне, доверие и зависимость в отношениях человека и компьютера — с использованием больших массивов данных [*Cao, Glaister, Pena, Rhee, Rong,Polavlino, Bishop, Khanna, Singh Saini*, 2021]. Иногда, впрочем, дело предстаёт как борьба с «Дигитальной Гидрой» — сводится к разоблачению дезинформации в Интернете со стороны стран, стремящихся подорвать западные демократии [*Responding to Cognitive Security Challenges*, 2019].

В сфере экономики методы когнитивной войны направлены как на ослабление суверенитета государства, так и на его способности взаимодействовать с другими акторами мировой политики через конструкцию экономической рациональности и саму мотивацию экономической деятельности. Во-первых, следует признать, что происхождение технологий когнитивного воздействия тесно связано с экономической парадигмой общества потребления — так называемым surveillance capitalism [*Zuboff*, 2019], в рамках которого коммерческие предприятия вводили контроль над индивидами, используя технологии — такие как Behavioural analytics, Artificial Intelligence, Machine Learning, and Big Data Analytics. Затем они из коммерческой сферы были распространены на изучение общества и экономического поведения больших социальных групп, вплоть до предсказания их будущих потребностей. Общее в них — попытка «колонизировать способность к критическому мышлению, продавая нарративы» [*Rai Leekha*, 2022]. Во-вторых, новые технические возможности информационных коммуникаций создали уникальный потенциал для сбора информации на глобальном уровне, её классификации и направленного использования не только для декларированных коммерческих целей (например, рекламных кампаний), но и политических (например, обеспечения победы на выборах). С принятием инфраструктуры 5G (способной собирать критически важную информацию) выяснились, как считает глава британской разведки MI6 Ричард Мур, последствия этого для национальной безопасности, вплоть до возможности «разрушить суверенитет» оппонентов. В-третьих, информационное манипулирование открывает перспективу направленного изменения стандартов экономического поведения — рациональным начинает признаваться не то, что соответствует хозяйственным интересам данной экономической системы, но то, что способствует продвижению интересов транснациональных игроков или иных государств (например, поощрение компрадорской буржуазии или подкуп элиты с использованием методов «экономических убийц»). В-четвёртых, манипулирование большими данными в экономике может преследовать явные политические цели — от изменения поведения инвесторов и перетока капиталов до провоцирования кризиса национальной экономики с целью свержения неугодных режимов (текущая дискуссия об эффективности воздействия экономических санкций на внутреннюю политику государств — только один из примеров). В-пятых, появляется (как показали, в частности, разоблачения Э. Сноудена) возможность контроля и слежки над элитами, правительствами и отдельными лидерами многих стран.

Достижение этих целей опирается на информационный аспект сетевых экономических коммуникаций и делает их чрезвычайно уязвимыми как от прямых кибератак, так и от завуалированных способов манипулирования экономическими параметрами, приоритетами и способами их продвижения [*Gagliano*, 2018]. Например, является ли неожиданный вывод банковских активов одной из конкурирующих сторон экономически рациональным действием или актом когнитивной войны с целью спровоцировать финансовый и политический кризис?

В социальной сфере данное воздействие может иметь более узкий характер (внешнее вмешательство в выборы для достижения победы одной из сторон) и более широкий характер (дестабилизация гражданского общества путём навязывания противоположных нарративов). Объектом когнитивного воздействия становится та часть общества, которая ответственна за понимание смысла происходящего и интерпретацию ключевых категорий, — социальное государство, вопросы собственности на ресурсы, оценка приватизации/деприватизации, гражданский и национальный патриотизм (или их противоположность — «дикий капитализм», ущемление прав, сепаратизм и терроризм). Демократия как общий принцип организации современного общества остаётся на месте, однако её понимание определяется конкуренцией противоположных нарративов, направленное продвижение которых в социальных сетях становится инструментом когнитивного манипулирования. Возникает противоречие либеральной демократии (защита прав меньшинств) и нелиберальной демократии (защита коллективных прав), подлинной и популистской её трактовок, вплоть до тезиса о наступлении новой эры «постдемократии», особенность которой заключается в том, что определение смысла деятельности институтов привносится извне и навязывается обществу правящей олигархией [*Крауч*, 2010]. Важный аспект этой дискуссии — установление различия между нормой приемлемого социального поведения и отклонением от неё. Если целью когнитивной войны является дестабилизация общества в целом, то задача состоит в провоцировании непреодолимого раскола между крайними позициями с параллельным блокированием возможности мирного разрешения конфликта.

В политической сфере методы когнитивной войны направлены на инфраструктуру коммуникаций и процесс принятия решений (выборы, протестные акции и т.п.) вплоть до организации революций и переворотов. В современной когнитивной войне воздействие на социальные отношения, экономику и политику имеет комбинированный характер и направлено на подрыв легитимности политического режима. С позиций когнитивной войны легитимность — это постоянный процесс борьбы глобальных акторов за передел «пространства смыслов» и установление когнитивного доминирования, победа в котором означает замену прежней легитимности определённого государства новой, так называемой «имплантированной легитимностью». Ключевым элементом этой борьбы является когнитивное манипулирование международным правом — принципиально различная интерпретация сторонами норм международного права в острых политических конфликтах [*Pirker, Smolka,* 2019], поддержка внешними силами внутренних расколов и «диссидентов» — оппонентов существующей легитимирующей формулы. Технически при этом для ведения когнитивной войны совершенно неважно содержание их «ревизионистской» идеологической программы — это в равной степени могут быть традиционалисты или радикалы, националисты или сторонники объединения, демократы или популисты, — важен исключительно потенциал их деструктивного воздействия на соответствующий политический режим.

В этом контексте новый смысл приобретает интернациональная дискуссия о защите ценностей, так называемой «пятой колонне» и законодательстве об «иностранных агентах», которая ведётся как на Западе, так и в России. Доклад НАТО о когнитивной войне (содержание которого рассмотрено в первой части статьи), отмечают критики, написан в «параноидальном тоне», указывая на существование «встроенной пятой колонны», где каждый её представитель «действует согласно планам наших соперников» — Китая

и России, способных эффективно использовать «западных диссидентов». Граждане, следуя данной логике, могут сформировать спящие «ячейки» как потенциальную «пятую колонну», бросающую вызов стабильности «западных либеральных демократий» [*Norton*, 2021]. Россия описывается западными оппонентами с позиции «информационной сверхдержавы», которая стремится компенсировать экономическую слабость использованием информационных технологий для утверждения своих глобальных позиций [*Michlin-Shapir, Siman-Tov, Shaashua,* 2019]. Примерами этого чаще всего выступают предполагаемое вмешательство России в президентские выборы в США 2016 г., давшие победу Д. Трампу [*Rosner, Siman-Tov*, 2018], или вмешательство в избирательный процесс стран Прибалтики [*Backes, Swab*, 2019]. Представлена целостная концепция российской «подрывной деятельности» (она определяется как «намеренное воздействие, направленное на оказание влияния на внутреннюю политику соответствующей страны»), злонамеренные акции информационного, экономического, политического и военного характера для продвижения российской внутренней и внешней политики, направленные против западных легитимных институтов, главная особенность которых (акций) состоит в том, что они имеют скрытный характер — часто «долго остаются не раскрытыми после их осуществления, если вообще замечаются» [*Radin, Demus, Marcinek*, 2020. P. 2]. Та же самая постановка вопроса, как известно, представлена в российских консервативных медиа, только с обратным знаком — достижение злонамеренных целей приписывается НАТО. Интересно при этом, что идеологически сходные группы инакомыслящих интерпретируются внешними игроками с противоположным значением в зависимости от места и устремлений их действий. Этот подход к когнитивному противостоянию Запада и Востока в обоих случаях основан на представлении об уникальности западной культуры демократии, ведении справедливых войн и защиты населения против цивилизационных противников, но игнорирует гипотезу о существовании единых (общечеловеческих) когнитивных предпосылок отношения к ведению войн и защите мирного населения, которые были присущи уже древним цивилизациям [*Traven*, 2015]. Это очень напоминает новое издание известной теории «друга-врага в политике» К. Шмитта.

Итак, кумулятивный эффект в когнитивной войне — подрыв доверия общества к государству — достигается взаимодействием факторов дестабилизации: ростом поляризации, поддержкой движений и изоляцией отдельных групп, разрушением ключевых областей экономической деятельности, инфраструктуры, затруднением коммуникаций и делегитимацией государственной власти и лидеров.

Что показал опыт современных когнитивных войн?

Когнитивные войны в полном смысле слова — скорее всего, феномен будущего. Но в последнее время такие разные страны, как США, Канада, Соединенное королевство, КНР и Россия, либо выразили осведомлённость, либо прямо включили дискуссии о битве за мозг в свою литературу по безопасности. В ситуации глобального противостояния Запада и России представлен анализ преимуществ и уязвимых сторон в этом соперничестве.

Констатируется, во-первых, изменение масштабов противостояния: пандемия коронавируса стала новым полем когнитивной войны на глобальном уровне, где стороны обвиняли друг друга в неадекватном реагировании, противопоставляли различные стратегии преодоления кризиса, причём дело дошло даже до взаимных обвинений в его специальном провоцировании и «войне вакцин». Во-вторых, в ряде текущих конфликтов (в Ираке, Афганистане и Сирии) Запад не добился полного принятия своих нарративов, несмотря на господство в глобальных информационных сетях, что некоторые определили как проигрыш в когнитивной войне. В-третьих, констатируется, что оппоненты Запада, напротив, добились существенных успехов в этой области, предложив нарративы современного

кризиса, получившие широкое распространение в незападной части мира. В-четвёртых, подчёркивается, что когнитивные войны представляют большую угрозу для демократий, нежели их авторитарных оппонентов, поскольку последние менее скованны правовыми ограничениями и более эффективно используют иностранные демократические институты для продвижения своих целей. В-пятых, имеет значение анализ конкретных акций когнитивного противостояния, выявляющий не только общие черты, но и особенности их ведения.

В качестве примеров успешного применения технологий когнитивной войны в западной прессе постоянно фигурируют обвинения России во влиянии на британское голосование по Брекситу, вмешательстве в президентские выборы в США, эффективное использование пандемии для подрыва доверия к демократическим институтам, поддержке евроскептицизма и популизма в ЕС с целью его дестабилизации. Со стороны Китая — это систематическое продвижение антиглобалистских проектов по всему миру, вмешательство в дела Австралии и Новой Зеландии и, особенно, информационное воздействие на внутреннюю ситуацию на Тайване. Россия и Китай обычно противопоставляют этому обвинения Запада в провоцировании цветных революций на постсоветском пространстве и в других регионах мира. Глобальный уровень этого когнитивного противостояния чётко проявляется в противоположности информационного сопровождения текущих конфликтных событий — от пандемии и дела Скрипалей до судьбы Дж. Ассанжа и подрыва Северных потоков.

Специальное обращение к методам когнитивной войны отражено в теоретических установках ряда стран. Для США и стран НАТО эти установки отражают рассмотренный выше доклад Дю Клюзеля [*Du Cluzel,* 2020], а также развернувшаяся по нему дискуссия [*Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance,* 2021]. В России, по мнению западных аналитиков, они представлены «доктриной Примакова» — это создание многополярного мира в кооперации с Китаем, российское доминирование на постсоветском пространстве и обеспечение необходимой роли России в мире. Её развитием признаётся «доктрина Герасимова» (*Gerasimov doctrine*) — подход, подчёркивающий, что главная область войны будущего — это область сознания и направление, исходящее из утверждения, что новое поколение войн будет определяться информацией и психологической войной. Эта война нового поколения включает широкий круг мер информационного, экономического, культурного и политического воздействия вплоть до провоцирования социальных беспорядков, формирования политической оппозиции и смены руководства противостоящей страны [*Герасимов*, 2013]. Данная доктрина, предположительно ставшая ответом на «цветные революции» и «арабскую весну», получила противоположные оценки в литературе и не оставалась неизменной[1], особенно в контексте её текущего применения на Украине [*Зубов*, 2023]. По мнению западных специалистов в инфосфере, русские стратеги разработали особую концепцию войны в «серой зоне».

Её новизна состоит в том, что для этого типа конфликтов (в отличие от войн традиционного типа) отсутствует чёткое международно-правовое регулирование и, следовательно, невозможно использовать правовое понятие «агрессии»; невозможно, далее, провести определённую границу между обороной и нападением (наступательные действия камуфлируются как оборонительные); провести границу между комбатантами и некомбатантами (поскольку боевые действия ведутся не официальными государственными структурами, а различными прокси-структурами, например добровольцами, вооружёнными гражданами непризнанных квазигосударственных образований и т.д.). Важными

[1] Доктрина Герасимова. *Интернет-энциклопедия Википедия*. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%BE%D0%BA%D1%82%D1%80%D0%B8%D0%BD%D0%B0_%D0%93%D0%B5%D1%80%D0%B0%D1%81%D0%B8%D0%BC%D0%BE%D0%B2%D0%B0 (дата обращения: 20.03.2023).

компонентами этой войны становятся новые виды технологического воздействия, не тождественные применению конвенциональных (используются инструментарий кибератак, взлом и манипулирование иностранными базами данных и прочее). Наконец, в целом этот конфликт формально даже не может быть определён как война — это, скорее, переходная ситуация, когда уже нет мира, но ещё нет войны в традиционном понимании. Ключевым элементом войны в «серой зоне» признаётся сочетание дигитальных методов с обращением к традиционному сознанию населения соответствующего региона. Успех данной стратегии и тактики был продемонстрирован Россией в ходе войны в Грузии 2008 г. и, особенно, присоединения Крыма в 2014 г. как идеальной операции, показавшей возможность достижения результата без единого выстрела. Поскольку этот тип войны оказывается чрезвычайно эффективен и ему трудно противостоять, некоторые оценивают его как «прообраз войн будущего» [*Dunlap*, 2022]. Данная оценка не бесспорна, поскольку все указанные особенности в принципе являются атрибутами гибридных войн (или «нелинейных войн») [*Уизер,* 2016. С. 16], соответствуя, скорее, концепции информационных или ментальных войн (в российском понимании [*Макаров*, 2022]), но не когнитивных войн в строгом смысле.

КНР выдвинул концепцию «неограниченной войны» в 1999 г[2]. (*Unrestricted Warfare*), получившую специальное теоретическое обоснование [*Liang, Xiangsui*, 2015], которую ряд исследователей признаёт разновидностью гибридных войн, дополнив ее (в докладе об обороне 2019 г.) понятием «трёх войн» — психологическая, за общественное мнение и обычная. В части китайских стратегических публикаций, начиная с 2000-х гг., утверждается, что будущая информационная война будет сопутствовать войне в трёх областях — физической, информационной и когнитивной, причём последняя способна стать поворотной точкой в её ведении. Однако другая группа стратегических публикаций последних десятилетий основана на идее, что война будет проходить в физических областях — на земле, море, воздухе и космосе, в информационной области коммуникативных сетей и области человеческого сознания, которая включает как волю лидера, так и общественное мнение. В последние годы представлена фокусировка на искусственный интеллект и науки о мозге в дополнение к дигитальным технологиям использования социальных медиа-ресурсов с допущением о том, что когнитивные войны будущего позволят победить противника без использования физической войны. В основном, впрочем, имеется в виду информационная война — распространение дезинформации и создание галлюцинаций для противника. Существенное внимание отведено вопросам гибридной войны в [*Го Фэнли*,2020]. Реакция противников Китая учитывает эти перспективы. В Тайване в отчёт 2021 г. включено измерение когнитивной войны, цель которой — воздействие на социальные идеологии, менталитет, восприятие права и порядка через кибер-инфильтрации, манипуляции сознанием и общественным мнением. В Канадском отчёте отмечается, что такие государства, как Китай, намерены расширить внутренний контроль за пределы своих границ — избегая рисков, навязать международному сообществу с помощью информационных технологий партийное видение мира. США, которые преуспели в подобных операциях, также выразили озабоченность таким сбором информации. Растущее соперничество государств в этой области не просто меняет соотношение оборонительной и наступательной трактовок этой сферы, но фактически принуждает другие государства принять данные правила игры для защиты собственного суверенитета [*Rai Leekha*, 2022]. В новой стратегии национальной безопасности Японии борьба с когнитивной войной объявлена одной из приоритетных задач в свете противостояния Китаю [*Nishikawa*, 2023].

---

[2] *Unrestricted Warfare*. Wikipedia. https://en.wikipedia.org/wiki/Unrestricted_Warfare (access date: 20.03.2023).

Методы когнитивной войны в текущих конфликтах: Украина и Тайвань

Представляет специальный интерес совокупность оценок методов когнитивной войны, выдвинутых Россией и Китаем для разрешения текущих кризисов на Украине и на Тайване, обобщённых японским военным аналитиком (полковник К. Такаги). Вмешательство России в конфликт на Украине имело амбивалентный результат. С одной стороны, присоединение Крыма в 2014 г. рассматривается как пример успешной когнитивной войны, которая была выиграна неожиданным занятием территории военными без опознавательных знаков — «маленькими зелеными человечками» с публичным отрицанием вмешательства России. С другой стороны, в ходе СВО, начатой в 2022 г., России, по мнению того же аналитика, не удалось добиться успеха сходными методами: стратегия когнитивной войны работала хуже, поскольку Западу удалось противопоставить ей защиту от когнитивных воздействий — нарративов, способных мобилизовать украинское общество против существующего в этой стране режима. Результатом стал переход противостояния в фазу конвенциональных военных действий. В Китае война на Украине стимулировала дискуссию о том, как присоединить Тайвань: цена прямого вторжения выглядит очень высокой, и поэтому важна альтернативная позиция — изолировать его, используя различные элементы гибридной (информационной) войны в противодействии США. Однако её применение Россией на Украине убедило часть китайских аналитиков в том, что она может быть только дополнением к традиционной войне в пяти сферах, но не заменяет их. Это означает ограниченную приверженность методам когнитивной войны и понимание того, что присоединение Тайваня (как и Украины) не может быть достигнуто исключительно методами когнитивной войны, т.е. без обращения к её традиционным средствам [*Takagi*, 2022].

Тем не менее на Тайване его прозападные аналитики говорят о применении Китаем методов когнитивной войны. Хотя китайские когнитивные операции против Тайваня, считают они, не планируются единым ведомством, они реализуются в соответствии с единой политикой по интеграции острова, а их целью является внутренняя дестабилизация Тайваня при одновременной защите Китая от дестабилизационных групп из Тайваня. Китайские когнитивные операции включают: 1) военное давление (угроза применения силы); 2) влияние через двусторонний обмен; 3) религиозное вмешательство; 4)дезинформация и 5) направленное создание контента в Интернете. Результат этих действий неоднозначен — если позитивная пропаганда Китая оценивается как неэффективная (в силу её идеологического характера), то негативная — более эффективна, поскольку ведёт к расширению конфликта сторонников и противников независимости острова [*Tzu-Chieh, Tzu-Wei*, 2022]. В целом, однако, констатируется, что Китай, во многом позаимствовав опыт России, оказался очень хорошо приспособлен к эпохе «неоклаузевицеанских» когнитивных войн, переигрывая Запад в их ведении [*Orinx, Struye de Swielande*, 2022].

Моделирование гипотетической войны США с равным противником в 2035 г. (с учётом опыта войны на Украине) позволило выявить проблемные точки когнитивного противостояния: неопределённость области между миром и войной; между насилием и установлением государственной принадлежности участников конвенционального конфликта; увеличение значения предконфликтной фазы развития событий — достижения военных преимуществ на стадии подготовки поля боя — саботаж, сбор разведданных, пропаганда и психологические операции для уменьшения способности противника быстро перейти к вооруженным действиям, равно как ослабление гражданской поддержки на территории противника; использование мобильных телефонов для сбора информации о противнике; важная роль прокси-сил как постоянного фактора в отношениях между ведущими государствами на предконфликтной стадии подготовки поля боя; использование сил специальных операций для идентификации, контакта и продвижения диссидентов и групп сопротивле-

ния на вражеской территории для подавления способности противника к быстрому переходу к военным действиям. Гипотеза этого исследования — чем выше ясность, достигнутая на начальной стадии разворачивания конфликта (в мирное время), тем меньше становится потенциально необходимый масштаб нарушений суверенитета, интервенции и контрмер [*Watts, Lawless*, 2022].

Социальные издержки когнитивной войны — другая тема обсуждения, предложенная прежде всего противниками данной концепции. Для успешного достижения целей такой войны — переформатирования сознания противника — требуется контроль над сознанием собственного населения, а установление последнего ведет к эрозии демократии и утрате социального контроля над властью. «Следствия этого, — заключает один из критиков, — поразительны. Это означает, что станет невозможным задавать какие-либо вопросы, критиковать политику или действия НАТО, либо смотреть на вещи с китайской или русской перспективы без того, чтобы не предстать в виде их сознательного или неосознанного коллаборанта. Ещё хуже, если под "врагом" станет пониматься потенциально "каждый". В этом случае НАТО и его соответствующие национальные военные подразделения будут принуждены вести оборонительные когнитивные операции против своего собственного народа». По мнению автора, это уже происходит в виде направленного сбора информации о западной пятой колонне — Black Lives Matter (BLM) или подавления антиковидных протестов в разных странах. «Из вершины эволюции и средоточия критического мышления мозг превращается в ещё одно поле войны» [*Al Ronzoni*]. На этом пути фиксируется опасность подмены целей когнитивной войны её средствами — ситуация, когда применение новых технологий выходит из-под контроля инициаторов их применения.

Подчеркну, что элементами успешной когнитивной войны становятся, во-первых, её тайный характер (она должна оставаться незаметной для противника); во-вторых, публичное отрицание её ведения; и в-третьих, обвинение противника в её ведении — факт, как правило, недоказуемый. Все эти элементы присутствуют сегодня, но их оценки сторонами конфликта имеют противоположный характер. Если США и НАТО обвиняют в этом Россию и Китай, то последние указывают на растущую угрозу применения операций когнитивной войны странами Запада, начиная с войны в Заливе, нападения на Югославию и Ирак, сопровождавшихся массированной кампанией дезинформации мирового сообщества при полном господстве в глобальных информационных коммуникациях. Россия усматривает её проявления в стратегии США на постсоветском пространстве: в мерах по дискредитации России как колонизатора, поддержке национализма и сепаратизма, направленных на выход соответствующих стран из ШОС, ОДКБ и ЕАЭС, провоцировании противоречий между ними и внутри них, осуждении СВО и др., включая поддержку «антироссийской истерии» в социальных сетях, таящей угрозу «сдать страну без единого выстрела» (см., например [*Орлов*, 2022]). Каждая из сторон конфликта легитимирует свои действия необходимостью ответа на растущую угрозу со стороны противника. В целом Россия и Китай ориентируются, скорее, на понятие ментальной или информационной войны, до последнего времени допуская применение методов когнитивной войны в ограниченной степени.

Понимание и объяснение: что можно противопоставить когнитивной войне?

Как выйти из замкнутого круга когнитивного противостояния? Очевидно, что это нельзя сделать путём простого противопоставления одних технологий когнитивной войны другим, поскольку данные технологии (как оборонительные, так и наступательные) совершенствуются по мере их применения, в перспективе — бесконечного. Методам когнитивной войны, информационного манипулирования и технологиям воздействия на сознание

следует, на мой взгляд, противопоставить альтернативную концепцию понимания и объяснения социальной реальности, связанную с новой познавательной деятельностью. Данная концепция разработана в теории О.М. Медушевской, предложившей доказательные критерии социального познания, верификации информации по линии её достоверности и точности и раскрывшей формы когнитивной адаптации индивида в процессе целенаправленной творческой деятельности [*Медушевская,* 2017a].

Модель (или схематически выраженная ситуация) информационного обмена в человеческом обществе опирается на понимание человека как живой системы, имеющей врождённую предрасположенность к образованию информационной картины мира, существующей в сознании; к преобразованию информации, хранящейся в памяти, в интеллектуальный продукт в виде вещи, изделия. Схема такого информационного обмена может быть представлена следующим образом: 1) реальный мир и его воздействие на индивида (зависящее от сенсорных возможностей мозга); 2) накопление в сознании и памяти данных об окружающем мире; 3) осмысление этой информации в виде постижения взаимоотношений эмпирического фрагмента окружающего мира с системными связями, действующими в мировом универсуме (понимание смысла); 4) формирование в сознании идеи о том, как надо действовать индивиду в данных условиях; 5) преобразование этого понимания в идею деятельности — целенаправленной деятельности; 6) преобразование по ходу деятельности идей в продукт (трансформация динамической подвижной информационной картины индивида в статическую); 7) восприятие эмпирической данности продукта социумом и преобразование информационного ресурса продукта в динамическую информацию индивидов, составляющих социум, что, в свою очередь, возвращает их к деятельности [*Медушевская,* 2017b].

В этой схеме объектами атаки когнитивной войны становятся три элемента — память (как обобщение данных опыта), осмысление (понимание смысла) и формирование идеи деятельности — именно они оказываются предметом манипулирования в результате применения технологий информационного (нейро-сетевого) воздействия. Теоретики когнитивной войны озабочены тем, как добиться трансформации сознания направленным воздействием на мозг [*Claverie, du Cluzel,* 2022], сделать сознание «орудием войны» [*Claverie*, 2022], создать набор инструментов для атаки на «истину и мысль» [*Bernal, Carter, Singh, Cao, Madreperla,* 2020], опираясь на возрастающие ресурсы милитаризации нейронаук [*Le Guyader,* 2020]. Результатом такого воздействия, как показано ранее, должна стать имплантация в сознание индивида и общества новой картины мира, основанной на недостоверной информации. Однако вне этого процесса информационного манипулирования остаются элементы когнитивного самоопределения индивида, связанные с критической проверкой достоверности информации в процессе целенаправленного создания интеллектуального продукта. Информационные технологии, как неоднократно отмечала О.М. Медушевская, изменили восприятие мира, став между индивидом и источником информации. Это привело, с одной стороны, к быстрому неконтролируемому увеличению объёма информационного ресурса (Большие Данные), но с другой — резко снизило качество информации (которая не подвергается необходимой критической проверке и в возрастающей степени становится объектом манипулирования). Ключевое значение приобретает поэтому понятие качества информации. В этих условиях встаёт проблема различения подлинной и мнимой информации (которая отнюдь не тождественна традиционной дилемме различения истинной и ложной информации) [*Медушевская*, 2017c].

Информационная сфера деятельности человечества меняется в истории в результате воздействия общих социальных факторов: с уменьшением возможности передвижения по территории (когда, с завершением эпохи географических открытий, стали очевидны границы Земли); с изменением демографической ситуации (избыток индивидов, необходимых для привычных видов деятельности, приводит к тому, что часть социума оказывается вне

привычной ситуации информационного деятельного обмена); с резким изменением рода деятельности (например, при переходе из села в город, от земледелия к обслуживанию); масштаба этой деятельности — от сфер, целиком охватываемых индивидом (выращивание хлеба, ремесло), к сферам, дифференцирующим индивидуальный вклад (фабрика); наконец, с изменением самих коммуникаций и технологий. Возникает ситуация, характерная для массового сознания современного общества потребления — отсутствия ресурсов для привычных структурообразующих видов деятельности, информационного дефицита, разрушающего личностные качества. Новые технологии лишь усиливают этот тренд, навязывая информационную картину мира, программируя не только текущие запросы, но и потребности будущего [*Zuboff,* 2019].

Выходы из этой ситуации, найденные в истории, различны: во-первых, возможно механическое инициирование информационной активности (или псевдоактивности) извне — в качестве объединяющей идеи, которой может быть защита от врага (строительство Стены) или создание идеального общества (строительство Царства Божия на земле). Это способ искусственного, механического создания информационной энергетики через достижение некоей великой цели. Данный способ мобилизационной информационной активности не связан с творчеством, не предполагает критических интеллектуальных усилий индивида и облегчает восприятие транслируемой информации, т.е. достижение целей когнитивной войны в виде направленного когнитивного воздействия извне и мобилизации на его основе.

Другой вариант — акцентирование и поддержание ситуации творческого состояния как оптимального стереотипа поведения и точки приложения сил — трудовой этики (как эталона поведения), что выражается в ценностном восприятии трудовых (творческих) процессов как самоценных и единственно правильных для индивида и социума. Энергетика информационной ситуации трудовой этики, следовательно, важный самостоятельный фактор развития общества. В определённом состоянии общества творческие (информационно-деятельностно ориентированные) индивиды выступают как интеллектуальная элита, которая отказывается участвовать в имитационной информационной деятельности, противопоставляя ей инструменты критического анализа информации. С позиций когнитивной теории интеллектуальная элита творчески продуктивна, или это не элита.

Информационный обмен: факторы эффективности когнитивных решений

Степень эффективности технологий когнитивной войны, исходя из этого, определяется уровнем когнитивной адаптации общества, прежде всего его интеллектуальной элиты — её способностью принимать решения в динамичных процессах информационного обмена. Появление подлинной информации, следовательно, связано с целенаправленной человеческой деятельностью и является её функцией. Напротив, появление мнимой информации, ведущей к созданию имитационного информационного ресурса, предполагает внедеятельностное состояние индивида — потребление информационного продукта в готовом виде, манипулирование сознанием, следствием которого становится отчуждение и информационная агрессивность. Возникновение псевдопонятий, вызванное феноменом методологической некорректности и связанное со слабостью критического мышления, ведёт к нечёткости размежевания данных об объекте наблюдения с привнесением исследователем фрагментов вненаучного знания. Именно разработка теории и методов работы с информацией будет в дальнейшем определять качество и достоверность информационного ресурса научных исследований, селекцию отбираемых источников и направления их классификации, а следовательно, и степень адекватности когнитивных решений. Данная

ситуация актуализирует новую интерпретацию методов критического анализа информации и теоретического источниковедения применительно к современной эпохе, заставляя рассматривать их как полноценный фактор успеха или поражения в когнитивной войне. Этот вывод определяет значение новой когнитивно-информационной модели образования, ориентированной не на механическое восприятие транслируемой информации (без её критической проверки), но на обучение методам её самостоятельного сбора, проверки и анализа для достижения поставленной цели деятельности [*Медушевская*, 2017d].

Раскрытие логики рационального познания позволяет завершить его переходом к познавательной деятельности на основе нового понимания реальности. Представлено три основных ситуации: 1) ситуация непосредственного — живого информационного обмена (все живые системы, в том числе и человек); 2) фиксирование уже добытого ресурса в вещественный — целенаправленно (намеренно) созданный продукт (при этом происходит высвобождение памяти); 3) ситуация обращения к этому реализованному продукту как источнику информации. На этой основе становится возможным: выстраивание методов и критериев доказательности и проверки знания; научное конструирование — построение модели (схематически выраженной ситуации информационного обмена) для создания логически непротиворечивой концепции социального (исторического) процесса и прогнозирование — аналитическая процедура, в ходе которой выявляются фазы процессов, произошедших в прошлом, и просчитывается наступление последующих фаз аналогично протекающих процессов. Этот подход вполне реален в науках о природе и применим по отношению к живым системам (науки о живом). Но он (вопреки известному неокантианскому противопоставлению номотетических и идиографических наук) осуществим и в сфере гуманитарного знания и социальной практики [*Медушевская*, 2017c].

Познаваемость социального (исторического) процесса определяется тем, что созданные интеллектуальные продукты выступают как неотъемлемая составляющая любой целенаправленной деятельности. Это даёт социальным наукам стабильный, вещественный, доступный непосредственному изучению реальный объект, открывает перспективы анализа когнитивных параметров конструирования социальной реальности — пространства, времени и смысла существования. Область когнитивной войны существенно ограничивается, а технологиям информационного манипулирования противопоставляются не менее действенные технологии когнитивной адаптации социума, образования, верификации информации и формирования креативных политических и военных элит.

Можно ли выиграть в когнитивной войне?

Спор о содержании понятия когнитивной войны отражает существенные компоненты изменения реальности социально-политического противостояния эпохи глобализации. С одной стороны, данная теория, выделяя особую когнитивную область как сферу противостояния, фактически продолжает предшествующие традиции войн, ибо эта область всегда была значимой проблемой установления доминирования — навязывания оппоненту собственного взгляда на мир. С другой стороны, она аккумулирует внимание на новом объекте противостояния (человеческий мозг и формирование сознания) и новых механизмах и инструментах достижения доминирования — совокупности технологий, делающих это воздействие более интенсивным, причём в глобальном масштабе. Если признать, что когнитивная война — это реальность, то следует ответить на вопрос — можно ли одержать в ней победу и как этого достичь?

Критика теории когнитивных войн включает ряд важных аргументов против гипотезы о возможности победы. В абсолютной форме данная концепция отрицает главное преимущество человеческого мозга — способность критического мышления, в тенденции

превращая человека в простое орудие манипулирования со стороны владельцев инструментов технического контроля. Она не позволяет чётко различить противостоящие стороны конфликта — предполагается воздействие на мозг как противника, так и собственного населения, что исключает чёткое понимание стратегии и тактики достижения цели. Когнитивная война не ограничена во времени и может дать результат только в случае её постоянного ведения. Но такая перманентная война требует столь высокой и продолжительной мобилизации ресурсов, что полностью меняет взаимодействие общества и политической власти, ведя к их милитаризации.

Социальный эффект когнитивных войн плохо поддаётся прогнозированию. Вовлекая всё население, они закладывают новую модель социальной стратификации по линии допуска к информации и контроля над ней, где высший уровень информированности и способность к критическому мышлению резервируется только за ограниченной транснациональной элитой (лицами, принимающими решения), управляющей когнитивным переформатированием на глобальном и национальном уровне, сохраняя реальное понимание вещей. Однако технологии разрушения мозга (включая другие варианты био- и нейровойн) как средство ведения войны неизбежно затронут всех участников противостояния, включая его инициаторов. А это, в свою очередь, наносит атакующему не менее серьёзный удар, чем атакуемому. Элита сама становится заложником применения нейротехнологий.

Ведение когнитивной войны едва ли совместимо с сохранением демократии, во всяком случае, в её традиционном понимании. Результативность таких войн определяется степенью контроля над когнитивно-информационной сферой — чем она выше, тем интенсивнее когнитивное доминирование над противником. Но такой контроль подрывает преимущества либеральной демократии, делая недееспособными институты демократии, разделения властей и независимости индивида в принятии решений. Необходимость защиты критически важной и политически чувствительной информации ведёт к ограничению её независимых (автономных) носителей, заставляя их в возрастающей степени делиться этой информацией со структурами безопасности. Преимущество получают авторитарные режимы, поскольку они менее скованны правовыми ограничениями и обладают значительно большей свободой манёвра в продвижении своих стратегий когнитивного конструирования. «Дивный новый мир» антиутопии рискует стать реальностью.

Наконец, есть серьёзные основания для сомнений, что когнитивные войны шестого поколения в обозримой перспективе вытеснят войны традиционного типа. Они действительно привносят новые ключевые параметры в их ведение — размывают границы войны и мира, нападения и защиты, кинетических и некинетических методов воздействия на противника, однако едва ли способны решить классические задачи войны (подчинения противника собственной воле) без обращения к традиционным формам её ведения. Поэтому вместо того, чтобы заменить войны традиционного типа, они, напротив, могут стимулировать их, как показывает, в частности, опыт (ограниченный) текущих конфликтов, перерастающих в гибридные войны «серой зоны» (областью которой в перспективе может стать весь мир).

Понятие когнитивных войн, на мой взгляд, целесообразно заменить понятием когнитивного измерения современных войн, имея в виду, что с ростом технических параметров контроля сознания меняются все элементы противостояния. Их частью, несомненно, будут становиться новые формы когнитивной адаптации общества и элит, технологии верификации информации, бросающие вызов манипулятивному конструированию реальности. По мере того, как социум будет осознавать масштаб вызова — переходить от имитационной информационной активности к полноценной творческой самореализации индивида, ресурс когнитивной войны станет уменьшаться, а её технологии получать более ограниченное применение. Возникает необходимость правового регулирования когнитивных военных технологий на транснациональном уровне: в международном праве — возможностей

и границ некинетического воздействия; в праве войны — особенностей регулирования новых типов оружия (основанных на искусственном интеллекте) и методов ведения войны в так называемых серых зонах; в области социального контроля — создания независимых и действенных международных институтов, формируемых на основе подлинного интернационального консенсуса.

Итак, идеальная победа в когнитивной войне возможна, но только ценой утраты свободы мысли всеми её сторонами. Однако сохранение критической способности суждения по-прежнему выступает ключевым элементом в дебатах о войне и мире и, несомненно, условием для победы в войнах будущего.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCE

Герасимов В.В. (2013). Ценность науки в предвидении [*Gerasimov V.V.* (2013). The Strength of the Science is in Prevision] // *Военно-промышленный курьер*. 27.02. № 8 (476). См. также: *Новости ВПК*. https://vpk.name/news/85159_cennost_nauki_v_predvidenii.html (дата обращения: 20.03.2023).

Го Фэнли (2020). Гибридная война в исследованиях ученых Китайской Народной Республики [*Go Fenly* (2020). Hybrid Warfare in Investigations of Chinese Scholars] // Г*ражданин. Выборы. Власть*. 2020. № 1 (23). С. 140–151.

Зубов М. (2023). Доктрина Герасимова на Украине: «Не копировать чужой опыт» [*Zuboff M.* (2023). Gerasimov Doctrine in Ukraine: «Foreign Experience should not be copied»]. *Эксперт*. Дата публикации: 17.01. https://expert.ru/2023/01/17/doktrina-gerasimova/ (дата обращения: 20.03.2023).

Крауч К. (2010). *Постдемократия* [*Crouch C.* (2010). Postdemocracy]. — М.: Изд. ГУ-ВШЭ.

Макаров Е.Б. (2022). *Ментальные и когнитивные войны: вопросы определения, цели и средства.* [*Makarov E.B.* (2022). Mental and Cognitive Wars: Questions of Definition, Targets and Tools]. *Блог Е.Б. Макарова на сервисе Дзен. Дата публикации:* 28.10. https://dzen.ru/media/id/5f54f367fdbd8b69779a4b6d/mentalnaia-i-kognitivnaia-voiny-voprosy-opredeleniia-celi-i-sredstva-635818ed5cdf754045543dd1 (дата обращения: 20.03.2023).

Медушевская О.М. (2017a). *Собрание сочинений:* В 4-х т. [*Medushevskaya O.M.* (2017a). Collected Works]. — М.-Берлин: Директ-Медиа.

Медушевская О.М. (2017b). Теория и методология когнитивной истории [*Medushevskaya O.M.* (2017b). Theory and Methodology of the Cognitive History] // *Собрание сочинений.* Т. 1. — М.-Берлин: Директ-Медиа. С. 65–418.

Медушевская О.М. (2017c). Когнитивно-информационная теория в социологии истории и антропологии [*Medushevskaya O.M.* (2017c) Cognitive-information theory in the sociology of history and anthropology] // *Собрание сочинений.* Т. 1. — М.-Берлин: Директ-Медиа. С. 775–814.

Медушевская О.М. (2017d). Когнитивно-информационная модель образования в науках о человеке [*Medushevskaya O.M.* (2017d). Cognitive-informational model of education in human sciences] // *Собрание сочинений.* Т. 4. — М.-Берлин: Директ-Медиа. С. 38–49.

Медушевский А.Н. (2023). Когнитивная война: социальный контроль, управление сознанием и инструмент глобального доминирования [*Medushevskiy A*. (2023). Cognitive Warfare: Social Control, Meaning-Making and the Instrument of the Global Dominance] // *Вопросы теоретической экономики.* № 2. С. 85–98. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_2_85_98.

Орлов Д. (2022). *Когнитивные войны: как не сдать страну без единого выстрела* [*Orlov D.* (2022). Cognitive Warfare: how not lose the country without any shot]. *Stan radar*. Дата публикации: 12.10. https://stanradar.com/news/full/50754-kognitivnye-vojny-kak-ne-sdat-stranu-bez-edinogo-vystrela.html (дата обращения: 20.03.2023).

Уизер Д.К. (2016). Смысл гибридной войны [*Wither J.K.* (2016). The Meaning of the hybrid Warfare] // *Connections: the Quarterly Journal*. № 2. С. 84–100. https://doi.org/10.11610/Connections.rus.15.2.06.

Al Ronzoni. (2020). Cognitive Warfare: The Coming Battle for your Brain. *Al Ronzoni on Medium.* https://aronzonijr.medium.com/cognitive-warfare-the-coming-battle-for-your-brain-6ff174f70f2f (access date: 20.03.2023).

Backes O., Swab A. (2019). *Cognitive Warfare. The Russian Threat to Election Integrity in the Baltic States.* — Harvard: Kennedy School.

Bernal A., Carter C., Singh I., Cao K., Madreperla O. (2020). Cognitive Warfare: An Attack on Truth and Thought. *Innovation Hub.* URL: Cognitive Warfare.pdf (innovationhub-act.org) (access date: 20.03.2023).

Cao K.,Glaister S., Pena A., Rhee D., Rong W.,Polavlino A., Bishop S., Khanna R., Singh Saini J. (2021). Countering Cognitive Warfare: Awareness and Resilience // *NATO Review.* Published: 20.05. Countering cognitive warfare: awareness and resilience https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/ (access date: 20.03.2023).

Claverie B. (2022). *What is Cognition? And How to Make it one of the Ways of the War?* NANO-CSD-CW-03-01. *Hal. Open science.* https://hal.science/hal-03635907/document (access date: 20.03.2023).

Claverie B., du Cluzel F. (2022). *The Cognitive Warfare Concept. Innovation Hub.* URL: www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-02/CW%20article%20Claverie%20du%20Cluzel%20final_0.pdf (access date: 20.03.2023).

Cognitive Warfare: The Future of Cognitive Dominance. First NATO Scientific Meeting on Cognitive Warfare (2021). Bordeaux (France). 21 June. *Innovation Hub.* www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2022-03/Cognitive%20Warfare%20Symposium%20-%20ENSC%20-%20March%202022%20Publication.pdf (access date: 20.03.2023).

Du Cluzel F. (2020). *Cognitive Warfare*. Innovation Hub. June-November. *Innovation Hub.* www.innovationhub-act.org/sites/default/files/2021-01/20210122_CW%20Final.pdf (access date: 20.03.2023).

Dunlap Ch. (2022). *Are we Ready for War in the Infosphere*? / Duke University. Published: 20.02.2022. https://sites.duke.edu/lawfire/2022/02/20/are-we-ready-for-war-in-the-infosphere/ (access date: 20.03.2023).

Gagliano G. (2018). *Economic Warfare and Cognitive Warfare*. 23.02. *Available at ResearchGate.* https://www.researchgate.net/publication/323365217_ECONOMIC_WARFARE_AND_COGNITIVE_WARFARE (access date: 20.03.2023).

Le Guyader H. (2020). Weaponization of Neuroscience. 05.12.2020. *Available at: ResearchGate.* https://www.innovationhub-act.org/blog/weaponization-neuroscience (access date: 20.03.2023).

Liang Q., Xiangsui W. (2015). *Unrestricted Warfare: China's Master Plan to Destroy America*. — Echo Point Books and Media.

Michlin-Shapir V., Siman-Tov D., Shaashua N. (2019). Russia as an Information Superpower. // *INSS*. https://www.inss.org.il/wp-content/uploads/2019/10/Shapir-Siman-Tov-and-Shaashua.pdf (access date: 20.03.2023).

Nishikawa T. (2023). The Mind as a Battlefield: Lessons from Japan's Security Policy on Cognitive Warfare // *49security.* https://fourninesecurity.de/2023/02/22/the-mind-is-a-battlefield-lessons-from-japans-security-policy-on-cognitive-warfare (access date: 20.03.2023).

Norton B. (2021). Behind NATO's 'Cognitive Warfare': 'Battle for your Brain' waged by Western Militaries // *MrOline.* Published: 13.10. https://mronline.org/2021/10/13/behind-natos-cognitive-warfare-battle-for-your-brain-waged-by-western-militaries/ (access date: 20.03.2023).

Orinx K., Struye de Swielande T. (2022). China and Cognitive Warfare: Why is the West Losing? // *Hal. Open Science* Published: 01.03.2022. https://hal.science/hal-03635930/document (access date: 20.03.2023).

Pirker B., Smolka J. (2019). The Future of International Law is Cognitive—International Law, Cognitive Sociology and Cognitive Pragmatics // *German Law Journal*. V. 20. No. 4. Pp. 430–448. https://doi.org/10.1017/glj.2019.30.

Radin A., Demus A., Marcinek R. (2020). Understanding Russian Subversion: Patterns, Threats, and Responses. // *RAND**.

Rai Leekha S. (2022). The Future of the Battle for Minds // *Observer Research Foundation.* Published: 15.01. https://www.orfonline.org/expert-speak/the-future-of-the-battle-for-minds/ (access date: 20.03.2023).

Responding to Cognitive Security Challenges. NATO Strategic Communications Centre of Excellence. Published: 12.02. https://stratcomcoe.org/publications/responding-to-cognitive-security-challenges/113 (access date: 20.03.2023).

Rosner Y., Siman-Tov D. (2018). Russian Intervention in the US Presidential Elections: The New Threat of Cognitive Subversion // *INSS Insight*. No. 1031. Russian Intervention in the US Presidential Elections: The New Threat of Cognitive Subversion | INSS (access date: 20.03.2023).

Takagi K. (2022). The Future of China's Cognitive Warfare: Lessons from the War in Ukraine // *War on the Rocks* Published: 22.07.2022. URL: https://warontherocks.com/2022/07/the-future-of-chinas-cognitive-warfare-lessons-from-the-war-in-ukraine/ (access date: 20.03.2023).

Traven D. (2015). Moral Cognition and the Law and Ethics of Armed Conflicts // *International Studies Review*. Vol. 17. No. 4. P. 556-587. https://doi.org/10.1111/misr.12230.

Tzu-Chieh H., Tzu-Wei H. (2022). How China's Cognitive Warfare Works: A Frontline Perspective of Taiwan's Anti-Disinformation Wars // *Journal of Global Security Studies*. Vol. 7. No. 4. https://doi.org/10.1093/jogss/ogac016 (access date: 20.03.2023).

Watts S., Lawless R. (2022). The Law and Character of War in 2035 // *Lieber Institute for Law and Warfare at West Point. Articles of War*. Published: 25.03. https://lieber.westpoint.edu/law-character-war-2035/(access date: 20.03.2023).

Zuboff Sh. (2019). *The Age of Surveillance Capitalism. Public Affairs.* — New York. *Available at ResearchGate.* https://www.researchgate.net/publication/346844216_Shoshana_Zuboff_The_age_of_surveillance_capitalism_the_fight_for_a_human_future_at_the_new_frontier_of_power_New_York_Public_Affairs_2019_704_pp_ISBN_978-1-61039-569-4_hardcover_978-1-61039-270-0_eboo/link/6254f5d0b0cee02d69653127/download (access date: 20.03.2023).

*** RAND Corporation («РЭНД корпорейшн») (США) признанна нежелательной организацией в России**

Медушевский Андрей Николаевич
amedushevsky@mail.ru

Andrei Medushevskiy
Doctor of Sciences (Philosophy), Tenured Professor, Higher School of Economics (Moscow)
amedushevsky@mail.ru

COGNITIVE WARFARE: SOCIAL CONTROL, MEANING-MAKING AND THE INSTRUMENT OF THE GLOBAL DOMINANCE (Part 2)

Abstract. Cognitive warfare becomes one of the most important element of the current debates on war and peace in the globalizing world. What is cognition and how it could be transform into one of the ways of war? Is it really a principally new type of war, or just a variety of a hybrid war, as combined informational, economic and political domains with conventional tools of military activities? And how we can evaluate conducting weaponization of brain sciences in terms of its potential impact on economy, society, political regimes legitimacy in process of the global competition over resources, power and dominance? The author looks forward to answer these questions by careful analysis of the real sense of the cognitive warfare concept, the complex of brain-manipulation technologies, and their practical role in current and future military conflicts.

Keywords: *state, mind control, cognitive warfare, brain sciences, weaponization of neuroscience, non-kinetic wars, cognitive dominance.*
JEL: F01, F02, F20, F51, F52

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

В.Л. Римский
старший преподаватель, Московский психолого-социальный университет (Москва)

ГОСПОДСТВО ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЮРОКРАТИИ В РОССИИ[1]

Аннотация. Социологические исследования двух последних десятилетий показывают, что, по мнению большинства граждан, российская государственная бюрократия стала особым сословием, отчуждённым и отделённым от остального общества. Граждане уверены в том, что это сословие заинтересовано в реализации собственных интересов, наносящих ущерб России. Около половины опрошенных считают, что власть бюрократии в экономике превышает власть Президента РФ, а большинство — что в современной России нет силы, способной ограничить власть бюрократии. В общественном мнении государственные чиновники — практически единственная социальная группа, которая скорее препятствует, чем способствует развитию России. Для понимания сложившейся в нашей стране социальной реальности предлагается использовать концепцию господства государственной бюрократии над обществом и государством. Это господство обеспечивается тем, что государственная бюрократия оформилась в сословия, осуществляющие служение государству и получающие за это особые права и привилегии, недоступные тем, кто в эти сословия не входит. Служилые сословия получают необходимые ресурсы, которые они осваивают, но не развивают. Освоение ресурсов для государственной бюрократии более значимо, чем решения общественно значимых проблем. Используя своё господство в целях укрепления такой экономики, которую можно назвать раздаточной, государственная бюрократия пополняет ресурсы для сдач и раздач, а не для развития общественного потребления. Вследствие такого господства бюрократии искажаются рыночные отношения, в экономике неэффективно используются или вообще не используются современные технологии, государственное управление слабо ориентируется на науку в системах принятия решений. Создаётся специфическая бюрократическая реальность, отличающаяся от фактической, и потому конструируемые в рамках этой реальности реформы приносят лишь ухудшение ситуации (пример — реформа РАН). В российском обществе нарушается справедливость и десятилетиями не решаются общественно значимые проблемы. Можно ожидать, что, несмотря на столь негативные для общества последствия своего господства, бюрократия не откажется от такого способа доминирования в обозримой перспективе.

Ключевые слова: *государство, бюрократия, чиновник, господство, сословия, раздаточная экономика.*

JEL: D70, D71, D73, E25, H10, H70
УДК: 316.334.2

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_108_126

© В.Л. Римский, 2023
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Римский В.Л.* Господство государственной бюрократии в России // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 108–126. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_108_126.

FOR CITATION: *Rimskiy V.* The state bureaucracy domination in Russia // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 108–126. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_108_126.

[1] Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

Отношение российских граждан к чиновникам

Социологические исследования, проводившиеся в течение десятилетий постсоветского развития России, показывают весьма негативное отношение российских граждан к чиновникам. Что касается исследований, касающихся выявления взглядов на сложившуюся в стране ситуацию и роли в этом самих чиновников, то их в современной России весьма сложно проводить, потому что чиновники стремятся скрывать реальную информацию о себе и своей профессиональной деятельности. Они крайне редко отвечают на вопросы формализованных анкетных опросов и не принимают участие в личных интервью или в фокус-группах. Тем более ценны те социологические исследования российского чиновничества, которые удалось провести, и результаты которых находятся в публичном доступе.

В социологическом исследовании Института социологии РАН, проведённом в 2005 г. (см. [Бюрократия и власть…, 2005]), были получены результаты, представленные в табл. 1. Как видно из её данных, и у госслужащих, и у граждан понятия «государство» и «государственные служащие» вызывают скорее позитивное отношение, хотя у граждан такое отношение встречается существенно реже, чем у госслужащих. Понятие «чиновничество», напротив, вызывает скорее негативное отношение, хотя у госслужащих такое отношение встречается существенно реже, чем у граждан. Поэтому российские государственные служащие предпочитают называться именно «государственными служащими», а не «чиновниками». В отношении к понятию «власть» есть существенные различия: у госслужащих это отношение скорее позитивное, у граждан — скорее негативное, правда, с незначительным перевесом негативных оценок.

Таблица 1
Ответы на вопрос: «Каково Ваше отношение к приведённым ниже понятиям?» (в %; проценты приводятся отдельно по опросу госслужащих и граждан/населения)

Госслужащие		Понятия	Население	
скорее позитивное	скорее негативное		скорее позитивное	скорее негативное
94,9	5,1	Государство	84,3	15,7
78,6	21,4	Власть	49,5	50,5
47,5	52,5	Чиновничество	11,2	88,8
87,5	12,5	Государственные служащие	56,7	43,3

Источник: Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов: Аналит. докл. / Институт социологии РАН. М., 2005. С. 9–10. https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Byurokrat_i_vlast.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

При этом большинство и российских граждан, и государственных служащих поддерживают мнение, что управлять страной должны опытные, квалифицированные специалисты. В исследовании не проверялось логическое продолжение этого суждения о том, что для реального управления страной профессионалы, а фактически — государственная бюрократия, должны обладать необходимой властью. При этом ни российские граждане, ни государственные служащие в большинстве своём не поддерживают участие граждан в управлении страной. Соответствующие данные приведены в табл. 2.

Таблица 2
Ответы на вопрос: «Существуют разные мнения о роли и месте государства, власти в жизни общества. С каким из нижеприведенных суждений Вы согласны в большей степени?» (в %; проценты приводятся отдельно по опросу госслужащих и граждан/населения)

Варианты ответов	Госслужащие	Население
Даже если чиновничий аппарат сократить и обновить, ситуация в стране лучше не станет	65,4	44,6
Чиновничий аппарат следует радикально сократить и обновить	31,1	53,9
Управление страной должно находиться в руках опытных, квалифицированных специалистов	67,3	67,5
Все люди должны иметь возможность оказывать влияние на политику власти	31,9	32,2

Источник: Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов: Аналит. докл. / Институт социологии РАН. М., 2005. С. 7–8. https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Byurokrat_i_vlast.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

Одновременно и российские граждане, и государственные служащие в то время не считали, что власть бюрократии в российском государстве является доминирующей. По данным этого исследования, в России вообще нет субъекта, власть которого доминирует. Но во власть народа, который должен быть и её единственным источником, и иметь возможность её осуществлять в соответствии с нормами статьи 3 Конституции РФ, не верит практически никто ни из госслужащих, ни из граждан. Об этом свидетельствуют данные табл. 3.

Таблица 3
Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, в чьих руках сегодня находится реальная власть в стране?» (в %; проценты приводятся отдельно по опросу госслужащих и граждан/населения)

Варианты ответов	Госслужащие	Население
«Силовиков» и близких президенту сил	14,0	12,6
Западных кругов	8,9	8,7
Олигархов	16,7	32,3
Парламента	3,1	2,8
Правительства России	9,3	7,1
Президента России	32,7	18,9
Российского народа	1,9	0,8
Российской бюрократии	12,1	15,6

Источник: Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов: Аналит. докл. / Институт социологии РАН. М., 2005. С. 10–11. https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Byurokrat_i_vlast.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

При другой формулировке близкого по смыслу вопроса ответы респондентов оказались существенно иными. На предложение сравнить влияние, т.е. возможности осуществления власти, Президента РФ и бюрократии большинство опрошенных ответили, что в экономике власть бюрократии либо почти равна, либо превышает власть Президента страны. Но в политике, по мнениям респондентов, наоборот, власть Президента РФ больше власти бюрократии (табл. 4).

Таблица 4

Ответы на вопрос: «Как Вы считаете, чье влияние на экономическую и политическую жизнь страны больше — президента или бюрократии?» (в %; проценты приводятся отдельно по опросу госслужащих и граждан/населения)

Варианты ответов	На экономическую жизнь		На политическую жизнь	
	Госслужащие	Население	Госслужащие	Население
Президента страны	26,1	18,3	52,9	42,8
Бюрократии	27,6	45,4	6,2	19,9
Их влияние примерно одинаково	46,3	36,3	40,9	37,3

Источник: Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов: Аналит. докл. / Институт социологии РАН. М., 2005. С. 12. https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Byurokrat_i_vlast.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

По совокупности ответов респондентов на другие вопросы анкеты исследователи сделали вывод о том, что так называемая проблема «засилья бюрократии» не очень волнует и российских граждан (вызывает тревогу у 11,6% населения), и, конечно, государственных служащих (соответственно, 7,6%). По сути, респонденты не усматривали в «засилье бюрократии» существенной проблемы и не видели в России силы, способной ограничить влияние бюрократии; фактически, добавим — способной ограничить её власть [*Бюрократия и власть…*, 2005. С. 13–14].

Обратную сторону отношений российского общества и государства, по данным того же исследования, подавляющее большинство российских граждан видели вполне отчётливо: бюрократия в нашей стране стала особым сословием, отделённым от остального общества. Большинство государственных служащих с таким мнением было не согласно и поддерживало представление о том, что российские чиновники не находятся на особом положении и не являются особым сословием (табл. 5).

Таблица 5

Ответы на вопрос о том, воспринимают ли российскую бюрократию в качестве особого сословия население и государственные служащие (в %; проценты приводятся отдельно по опросу госслужащих и граждан/населения)

Варианты ответов	Госслужащие	Население
Российские чиновники — это особое сословие, объединённое общими интересами и особым образом жизни	40,5	76,2
Российские чиновники находятся в том же положении, что и все, кто находится «на службе» у государства — военные, врачи, учителя и т. д.	58,7	22,4
Затруднились ответить	0,8	1,4

Источник: Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов: Аналит. докл. / Институт социологии РАН. М., 2005. С. 32–33. https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Byurokrat_i_vlast.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

В продолжение этой темы в том же исследовании задавался вопрос о том, каковы интересы российской бюрократии. И по ответам респондентов-граждан получилось, что бюрократия была заинтересована в реализации собственных интересов, которые наносили ущерб российскому обществу. Вполне естественно, что с таким мнением оказались не согласны респонденты-чиновники, поскольку для них интересы бюрократии ближе, чем интересы общества, интересы граждан (табл. 6).

Таблица 6
Ответы на вопрос о том, как воспринимают базовые интересы бюрократии население и государственные служащие (в %; проценты приводятся отдельно по опросу госслужащих и граждан/населения)

Варианты ответов	Госслужащие	Население
Российская бюрократия в первую очередь заинтересована в подъёме России, росте её могущества	16,3	2,1
Российская бюрократия в первую очередь заинтересована в повышении и своего благосостояния, и уровня жизни населения в целом	26,1	16,6
Российская бюрократия в первую очередь заинтересована в сохранении и постоянном увеличении своего богатства и влияния, невзирая на низкий уровень жизни населения	43,3	66,7
Затруднились ответить	23,3	14,6

Источник: Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов: Аналит. докл. / Институт социологии РАН. М., 2005. С. 33–34. https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Byurokrat_i_vlast.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

Исследователи отмечают высокий уровень отказов и затруднений с ответом на вопрос табл. 6. Для граждан такой вопрос сложен, поскольку он далёк от их повседневной жизни и потому, что они не имеют достаточно информации о реальных интересах государственной бюрократии. Ведь бюрократия стремится не предоставлять в публичную сферу такого рода сведений.

Причины того, что 23,3% госслужащих отказались или затруднились ответить на этот вопрос, иные. Поскольку госслужащие, отвечавшие на вопросы исследования, были достаточно образованными, по подавляющему большинству других вопросов анкеты большинство из них достаточно чётко формулировало свои позиции, столь высокий процент их отказов отвечать на этот конкретный вопрос, скорее всего, определялся их нежеланием отвечать правдиво [*Бюрократия и власть…*, 2005. С. 34–35]. Ведь у большинства госслужащих по роду их деятельности вполне достаточно информации для оценки реальных интересов российской бюрократии.

В социологическом исследовании коррупции в России, которое в 2005 г. было проведено в Республике Татарстан Фондом ИНДЕМ, удалось выявить мнения чиновников регионального и муниципального уровней об их влиянии на общественные процессы. По мнениям большинства из них их профессиональная деятельность в государственном (регионального уровня) или муниципальном управлении немного или мало влияет на благосостояние бизнеса или граждан. При этом примерно четверть опрошенных чиновников отказалась отвечать на соответствующий вопрос анкеты. Они либо не хотели отвечать правдиво, либо не задумывались о своей роли в обеспечении благосостояния в обществе. Поэтому вряд ли можно надеяться, что значимое для граждан обеспечение благосостояния — приоритетная для чиновников цель профессиональной деятельности (табл. 7).

В ходе мониторинга российского общества Института социологии РАН, репрезентативные общероссийские опросы которого проводятся с 2014 г. не реже одного раза в год, можно проследить динамику оценивания гражданами остроты различных противоречий и проблем (табл. 8).

По результатам анализа данных табл. 8 и другим данным социологи делают вывод о том, что с конца 2000-х гг. происходит определённая консолидация российского общества, сопровождающаяся снижением значимости для граждан многих ранее существенных для них противоречий — этнических, конфессиональных, поколенческих и некоторых других. Незначительными по доле стали в российском обществе оценки существенности противоре-

чий между руководителями и подчинёнными, представителями разных политических убеждений, бюджетниками и работниками частных бизнесов. Но российские граждане в большинстве своём остаются недовольными своим взаимодействием с чиновниками, несмотря на попытки органов власти снизить бюрократизм в этой сфере [*Тихонова, Дудин,* 2023. С. 15].

Таблица 7

Ответы чиновников на вопрос: «Насколько от Вашей профессиональной деятельности зависит благосостояние бизнеса и граждан?» (в %; проценты приводятся отдельно по опросам чиновников региональных и муниципальных органов власти Республики Татарстан)

Варианты ответов	Уровень органа власти		В целом
	республиканский	муниципальный	
Сильно зависит	18,5	12,1	17,3
Немного зависит	31,6	19,8	29,4
Мало зависит	26,6	40,5	29,2
Затрудняюсь ответить	23,3	27,6	24,1

Источник: Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыты социологического анализа / Под ред. Г.А. Сатарова. М.: Фонд «Либеральная Миссия», 2013. С. 660–661. https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/6328/satarov_light.pdf (дата обращения: 30.06.2023).

Таблица 8

Ответы на вопрос: «Между какими группами российского общества сегодня существуют наиболее острые противоречия?» (в %; проценты по «противоречиям», набравшим менее 10% ответов, в таблице не приводятся)

Варианты ответов	Годы проведения опросов		
	2005	2015	2021
Между богатыми и бедными	55	37	43
Между властью и народом	35	32	37
Между чиновниками и гражданами, к ним обращающимися	17	25	25
Между Москвой и провинцией	20	13	16
Между разными властными группировками	10	12	14
Между собственниками предприятий и наёмными работниками	13	20	14
Между русскими и нерусскими	28	15	9
Между старшим поколением и молодёжью	15	11	8

Источник: *Тихонова Н.Е., Дудин И.В.* Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, динамика, факторы, // Социологическая наука и социальная практика. 2023. Т. 11. № 2. С. 14. https://www.socnp.ru/index.php/snsp/article/view/9336/9132.

Более того, по мнениям российских граждан, также выявленных в ходе исследований Института социологии РАН, государственные чиновники — это практически единственная социальная группа, которая скорее препятствует, чем способствует развитию нашей страны. За такое мнение высказались 57%, против — 42% респондентов анкетного опроса, проведённого в марте 2022 г. В том же опросе не менее 80% респондентов указало, что другие социальные группы содействуют развитию страны: рабочие, крестьяне, средний класс, предприниматели и другие [*Российское общество*…, 2022. С. 129–131].

В исследовании справедливости, которое было проведено Фондом ИНДЕМ в течение 2014–2015 гг., удалось выявить оценки государства гражданами не только в качестве субъекта обеспечения справедливости в обществе, но и в аспекте функционирования государственного управления для решения многих общественно значимых проблем. Эти оценки участники исследования высказывали на фокус-группах, как правило, без специального стимулирования их суждений модераторами. Можно утверждать, что участники фокус-групп в большинстве своём независимо от возраста, пола, образования и других социальных характеристик высказывали заранее обдуманные суждения о своём отношении к российскому государству. И это отношение оказалось двойственным: граждане демонстрировали негативное отношение и недоверие к чиновникам, в том числе и в решениях значимых для них проблем, но одновременно они ожидали решений этих проблем от государства, отношение к которому было позитивным.

В каждой дискуссии на фокус-группах этого исследования справедливости их участники отмечали сложности своих взаимодействий с чиновниками, непонимание чиновниками проблем граждан, нежелание чиновников в эти проблемы вникать, нежелание их решать. Граждане отмечали также обычно проявляемое чиновниками нежелание вообще общаться с ними на любые темы, нередко демонстрируемую уверенность чиновников, что они лучше населения знают и понимают любые вопросы и проблемы. В таких условиях вполне естественно, что участники фокус-групп отмечали, что многие проблемы, значимые для них самих, их семей и для общества в целом, не решаются годами. К таким общественным проблемам, которые по мнениям российских граждан должно решать государство, они, в частности, относили повышение уровня благосостояния граждан и снижение уровня социального неравенства, обеспечение справедливости в обществе, обеспечения доступной и качественной медицинской помощи, хорошего уровня образования для детей и молодёжи, обеспечение безопасности жизни граждан и другие. Участники фокус-групп предпочитали, чтобы такие и иные общественно значимые проблемы решало именно государство, потому что другим возможным субъектам, например, общественным или правозащитным организациям, они не хотели доверять вмешательство в их частную или семейную жизнь. Но на чиновников, по описанным выше причинам, участники фокус-групп не надеялись, в этом аспекте никогда чиновников не упоминали, не веря ни в их желание, ни в их способности решать указанные проблемы.

В исследованиях справедливости 2019–2021 гг.[2] на фокус-группах и в полуформализованных интервью с гражданами удалось продолжить изучение их отношения к чиновникам и государству. Эти исследования делали акцент на изучении справедливости в российском обществе и снова подтвердили значимую роль государства в представлениях граждан. По мнениям последних, высказанных ими на фокус-группах и в полуформализованных интервью, уровень справедливости во взаимодействии с органами власти низок и не удовлетворяет большинство населения. Социальный опыт таких взаимодействий приводил опрошенных к выводу, что справедливость, за исключением отдельных случаев, в нашем обществе вряд ли достижима.

В этих исследованиях была установлена значимая причина подобных мнений, которую, обобщая сказанное участниками исследований, можно сформулировать следующим образом. Чиновники при обращениях к ним предлагают гражданам решения проблем, руководствуясь некими универсальными критериями справедливости. И с этими универсальными критериями справедливости граждане, как правило, соглашались. Но

---

[2] Исследовательские проекты №19-011-31443 «Общественный запрос на справедливость и её обеспечение со стороны государства» и №20-011-31240 «Справедливость в повседневной жизни и в образе будущего российского общества» были осуществлены при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ.

их социальный опыт показывал, что на основе общих для всех критериев в конкретных жизненных ситуациях справедливых решений добиться практически никогда не удаётся. Ведь справедливость в силу различий социализации, воспитания в семьях и обретения социального опыта может существенно различаться для каждого индивида, для каждой семьи. Для справедливых решений проблем граждан чиновники должны вникать в конкретные особенности их жизненных ситуаций, в их нужды. Но чиновники этого делать не желают и не умеют, и потому у граждан почти никогда не получается договориться с чиновниками о справедливых решениях своих проблем. В результате, как отмечали участники исследований, чиновники практически никогда не стремятся обеспечивать справедливость в предлагаемых и реализуемых решениях ни личных, семейных трудностей населения, ни общественно значимых проблем. Поэтому такие решения органов власти в большинстве своём не признаются гражданами как адекватные, справедливые и такие, которым необходимо следовать. Это одна из существенных причин отчуждения населения от чиновников и органов власти, поскольку запрос на обеспечение справедливости в российском обществе весьма высок, а общество устроено несправедливо. Определённые подтверждения двух последних тезисов дают результаты анкетного опроса граждан из исследования справедливости 2020–2021 гг., представленные в табл. 9 и 10 по данным указанных проектов.

Таблица 9

Ответы на вопрос: «Некоторые люди в нашей стране очень обеспокоены проблемой справедливости, а для некоторых эта проблема не очень важна. А как Вы воспринимаете проблему справедливости, насколько остро?»

Варианты ответов	%
Чрезвычайно остро, для меня это очень важно	20
Довольно остро	29
Умеренно	41
Не слишком остро	6
Вообще не переживаете по этому поводу	2
Затруднились ответить	3

Источник: данные автора, полученные в ходе выполнения проектов №19-011-31443 «Общественный запрос на справедливость и её обеспечение со стороны государства» и №20-011-31240 «Справедливость в повседневной жизни и в образе будущего российского общества».

Таблица 10

Ответы на вопрос: «Насколько справедливо, на Ваш взгляд, устроено и живет российское общество?» (затруднившихся с ответом не было)

Варианты ответов	%
Вполне справедливо	2
В основном справедливо	24
В основном несправедливо	56
Совершенно несправедливо	18

Источник: данные автора, полученные в ходе выполнения проектов №19-011-31443 «Общественный запрос на справедливость и её обеспечение со стороны государства» и №20-011-31240 «Справедливость в повседневной жизни и в образе будущего российского общества».

Сопоставление результатов ответов из табл. 9 и 10 показывает, что проблема справедливости в России чрезвычайно или довольно важна для почти половины респондентов (49%), а умеренно важна ещё для 41%. Не является же эта проблема острой только для 8% респондентов и ещё 3% из них затруднились с ответом на этот вопрос. Одновременно российское общество оценивают как в основном или совершенно несправедливое подавляющее большинство респондентов (74%).

Решать проблему справедливости, по мнениям граждан, должно государство, и это их мнение не менялось как минимум в течение 2015–2021 гг.[3] Во всех трёх исследованиях справедливости, проведённых нами в этот период, именно на государство практически все участники исследований возлагали надежды на обеспечение справедливости в российском обществе. Как государство сможет эти надежды реализовать, никто из граждан не знал, что во многом объясняется отсутствием их коммуникации с органами власти. В исследованиях 2019–2021 гг. граждане расширили перечень общественно значимых проблем, которые государство должно решать, но не решает. В список должны быть включены, в частности, такие проблемы, как:

- противодействие домашнему насилию;
- повышение качества предоставления услуг в сфере жилищно-коммунального хозяйства;
- несправедливость норм некоторых законов в отношении отдельных социальных групп;
- нередкая несправедливость правоприменения, когда одним гражданам назначают чрезмерные наказания, а других фактически освобождают от ответственности за совершённые преступления.

Представленные выше результаты социологических исследований последних десятилетий показывают весьма негативное отношение подавляющего большинства российских граждан к чиновникам и отчуждённость чиновников от граждан. При этом понятия бюрократия и бюрократизм участники фокус-групп в своих суждениях не упоминали. Безусловно, эти понятия им знакомы, но в своём повседневном дискурсе они их практически не используют, предпочитают говорить о чиновниках.

Российские граждане в большинстве своём по-прежнему уверены, что управление страной должно осуществляться профессионалами. И, повторимся, одновременно большинство граждан считают, что государственные чиновники как социальная группа скорее препятствуют, чем способствуют развитию нашей страны.

Для российских граждан государство — практически единственный субъект решений и общественно значимых проблем, и многих проблем их семей. Но чиновникам, нанятым государством, в том числе и для этих целей, они не доверяют, и решений таких проблем от чиновников они не ожидают. Это противоречие сознания российских граждан и социальной реальности, в которой они живут, следует оценивать как закономерность и значимую общественную проблему современной России. Ведь сознание граждан отражает определённые свойства российской социальной реальности, связанной с бюрократией. А устойчивость оценок и представлений их сознания в течение десятилетий имеет свои причины.

Главной причиной такого положения, в соответствии с нашей исследовательской гипотезой, является сложившееся господство бюрократии в современной России. Это господство российская бюрократия использует для укрепления государства в его

---

[3] Справедливость — понятие о должном, которое различается у разных социальных групп («внутригрупповая» и «социальная» справедливость — разные понятия). Апелляция к государству означает, что большинство опрошенных считают российское государство легитимным, что в свою очередь делает легитимной и власть чиновников. Представление о «несправедливости общества» получило бы ещё большую поддержку в фокус-группах, если бы обсуждение проводилось среди двух сообществ — полицейских и преступников. — *Прим. ред.*

нынешнем виде и реализации собственных интересов, которые во многом противоречат общественным и препятствуют развитию страны. Вследствие этого негативными и для общества, и государства в целом оказываются многие последствия осуществления бюрократического управления нашей страной в течение десятилетий, как минимум, с советского периода.

Власть в форме господства

Как известно, термин «бюрократия» предложил французский государственный деятель XVIII в. Винсан де Гурнэ для обозначения неизбранных, а назначенных должностных лиц, осуществляющих административное управление государством. Винсан де Гурнэ составил этот термин из двух корней — французского bureau «бюро, канцелярия» и греческого κράτος «господство, власть». Поэтому «бюрократия» буквально означает «власть канцелярии». В том или ином виде бюрократия существовала практически с периода формирования первых государств Древнего мира и развивалась вместе с развитием государственности. Безусловно, любой администратор или группа администраторов в государственном управлении обладает определённой властью. Но Винсан де Гурнэ отмечал негативное влияние бюрократии на государство и общество, для него «власть канцелярии» имела негативный смысл.

В современной науке понятие бюрократии не всегда носит негативные коннотации. Но исторический опыт различных стран, включая и Россию, показывает, что осуществление государственными «канцеляриями» (или нынешними офисами) государственного управления неизбежно приводит к использованию власти в интересах самих этих «бюро» и тем самым — более или менее крупных групп государственных служащих. И эту бюрократическую тенденцию замечают не только исследователи, но и граждане[4].

Отношение к государственным чиновникам у российских граждан сформировано не только их собственным опытом или опытом их социальных окружений, но и традициями, идущими ещё со времён Древней Руси. Уже в период XI в. на Руси была система назначений на часть государственных должностей. Особые категории должностных лиц, профессионально осуществляющих делопроизводство, появились в XVI в., когда возникла приказная система управления Россией, приближающая управление государством того времени к бюрократическому типу. Петровские реформы XVIII в. отменили приказы и вместо них ввели коллегии, которые руководствовались регламентами, а также были на государственном содержании. К концу XVIII в. была окончательно определена номенклатура чинов служащих, названия чинов брались из «Табели о рангах» Петра I. Чины стало можно выслуживать, потому что были определены сроки пребывания в каждом чине и правила производства в чины. Именно с этого периода в России начался рост числа наделённых чинами должностных лиц, которых и стали называть чиновниками.

И уже в первой трети XIX в. стремление к получению чинов привело к росту негативного отношения в обществе к чиновникам, потому что среди них оказывалось немало плохо образованных и малоспособных к государственной службе людей. Опасаясь повторения декабристского восстания, император Николай I усилил позиции чиновничества в управлении государством настолько, что высшее чиновничество стало субъектом принятия государственных решений. Это привело к тому, что высшее чиновничество активно

---

[4] Подробное описание исторической эволюции моделей бюрократии представлено в: *Оболонский А.В.* Не Вебером единым: исторические модели государственной бюрократии (достоинства и недостатки) // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 1. С. 7–20. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_1_7_20. О той специфике, которая окрашивает функционирование бюрократии окружающая реальность, см., например, *Оболонский А.В.* Этика публичной сферы и реалии политической жизни. М.: Мысль, 2016.— *Прим. ред.*

участвовало в осуществлении реформ императора Александра II. Но в целом имперская российская бюрократия XIX–XX вв. неэффективно осуществляла государственное управление, чем вызывало негативное отношение народа к чиновникам[5].

Советской власти при всех декларациях о строительстве нового мира пришлось взять на службу многих бывших имперских чиновников и сохранить имперские традиции исполнения гражданской службы. В советский период так называемая номенклатура включала высшую государственную бюрократию с соответствующими их уровням привилегиями, а тарифно-квалификационная сетка чиновничества была схожа с «Табелью о рангах» Петра I. Эффективность управления советской бюрократии была невысокой, а отношение к советским гражданам во многом пренебрежительным. Поэтому и в советский период отношение граждан к бюрократии было по большей части негативным.

В постсоветский период номенклатура была ликвидирована, но государственная бюрократия сохранила многие традиции исполнения своей службы, идущие и из имперских, и из советских времен. Более того, система льгот и привилегий современных российских чиновников стала шире советской (и, кстати, более открытой, известной обществу). Уровень материальных благ, доступных руководителям органов власти, не только федеральной, но и региональной, и местной, существенно превосходит тот, который был доступен высшим чинам советской номенклатуры. А уровень эффективности государственного управления остался невысоким, традиционно неудовлетворительным. Негативное отношение к государственной бюрократии в России продолжает имперские и советские традиции.

За последние десятилетия власть российской бюрократии приобрела характер господства над обществом и государством. Понятие господства, безусловно, является оценочным, оно зависит как от позиции исследователя, так и от различных ситуаций, в которых оно может проявляться. Мы понимаем господство как способ осуществления власти, *при котором властвующий субъект постоянно ставит объект подчинения в зависимость от себя, оказывает влияние на предпочтения или выбор подвластного* (подданного), *систематически использует его в качестве средства достижения собственных, личных* целей. Такое господство властвующего субъекта осуществляется без учёта интересов и предпочтений подданных без ограничений со стороны институциональной среды, и нередко — без моральных ограничений. В таком понимании господства мы во многом следуем пониманию, которое предложено и обосновано коллективом авторов под руководством С.В. Патрушева [*Господство против политики…*, 2019. С. 10]. Несмотря на дискуссионность такой интерпретации, признаваемой и самими авторами, для нашего исследования оно является вполне адекватным.

Бюрократия осуществляет господство над российским обществом потому, что её власть систематически ставит общество в зависимость от своих интересов, причём это происходит без учёта реальных общественных интересов и приоритетов. Ни институциональный, ни моральный порядок российского общества не создают существенных ограничений для деятельности бюрократии. Институциональный порядок просто выстроен российской бюрократией в её интересах, а моральные нормы бюрократии во многом расходятся с общепринятыми нормами морали. Этим нормам противоречат, например,

---

[5] Мнение автора о неэффективности российской бюрократии является крайне предвзятым и спорным. Примеры эффективного российского государственного менеджмента можно отметить, например в: *Братченко С.А.* Качество государственного управления при Иване III и его преемниках (1462–1606 гг.) // Вопросы теоретической экономики. 2022. №1. С. 163–185. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_1_163_185; *Васильев С.А.* Аграрные реформы в России в XIX — начале XX веков: политический контекст и технологии реализации. Часть 1. Крестьянская реформа Александра II // Вопросы теоретической экономики. 2022. №3. С. 157–172. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_3_157_172; *Васильев С.А.* Аграрные реформы в России в XIX — начале XX веков: политический контекст и технологии реализации. Часть 2. Второй этап аграрной реформы: С.Ю. Витте и П.А. Столыпин // Вопросы теоретической экономики. 2022. №3. С. 149–163. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2022_4_149_163. — *Прим. ред.*

отмечаемые гражданами в социологических исследованиях невнимательность чиновников к гражданам, пренебрежение их нуждами и запросами, стремление представить свою бюрократическую деятельность как весьма успешную при очевидных её недостатках для общества и т.д. Осуждаются в нашем обществе карьеризм чиновников, их нередкая коррумпированность, волокита в решениях проблем и выполнениях заданий вышестоящих инстанций.

В исследовании бюрократии, проведённом в 2005 г. Институтом социологии РАН, респонденты-граждане чаще всего отмечали такие негативные личные и деловые качества российских чиновников, как равнодушие к людям и формализм (63,7%), продажность (58,5%), безразличие к государственным интересам (48,5%), непорядочность, нечестность (47,6%), рвачество и стремление к лёгкой наживе (46,9%), безответственность (32,0%). Позитивные качества российских чиновников граждане в этом исследовании отмечали существенно реже. Это деловитость и компетентность (20,4%), хорошие организаторские способности (15,9%), культура и образованность (15,7%), творческий потенциал и способность к инновациям (14,1%), трудолюбие (9,8%) [*Бюрократия и власть*…, 2005. С. 51 и 69]. Мнения самих чиновников о себе и своих коллегах по профессиональной деятельности были, конечно, совершенно иными. По данным того же исследования государственные служащие отмечали в первую очередь, позитивные качества чиновников: профессионализм, компетентность, знание своего дела (54,1%), трудолюбие и работоспособность (43,6%), инициативность, творческое отношение к своей работе (36,2%), хорошие организаторские способности (34.6%). И существенно реже государственные служащие отмечали негативные качества чиновников: непорядочность, нечестность, неразборчивость в средствах (9,3%), рвачество, стремление к лёгкой наживе (11,7%), безжалостность, неуважение к людям (11,7%), безразличие к государственным интересам (23,7%) [*Бюрократия и власть*…, 2005. С. 49].

Сопоставление оценок чиновников гражданами и государственными служащими в этом исследовании подтверждает существенные социальные различия между гражданами и чиновниками. Эти различия выражаются в различных позициях, с которых оценивают и личные, и профессиональные качества чиновников граждане и сами чиновники. В современном российском обществе эти позиции настолько расходятся, что большинство наших граждан считают чиновничество особым сословием с общими интересами и особым образом жизни.

Социологи в этом анкетном опросе предложили для лучшего понимания респондентами формулировку варианта ответа о том, что чиновничество является единым сословием. В российской социальной реальности чиновничество представляет собой систему сословий, которые и сотрудничают, и конкурируют между собой за доступ к различным государственным ресурсам и за обеспечение своего благосостояния. Притом что многие исследователи[6] признают существование сословий в современной России, сами чиновники в большинстве своём не соглашаются признавать свою принадлежность к тому или иному сословию. Но если под сословием понимать социальную группу, созданную государством для обеспечения той или иной государственной функции, и получающую за это своё служение определённые законом или обычаем права и привилегии, то наличие таких групп в России трудно отрицать.

С.Г. Кордонский на основании действующего российского законодательства выделяет сословия государственных военных служащих, правоохранительных служащих,

[6] Использование термина «сословие» имеет чёткие коннотации с «сословным обществом», где привилегии и обязанности являлись наследственными; в том числе, по отношению к налогам, заключению — расторжению брака, телесным наказаниям, и т.д. Применение данного термина современными исследователями выполняет задачи «разоблачения» и последующей делегитимации политического режима, что является стандартным приёмом традиционной марксистской риторики. — *Прим. ред.*

гражданских служащих и муниципальных служащих. В представленных выше социологических исследованиях ответы респондентов о чиновниках относились к двум из них: сословиям государственных и муниципальных служащих, которых далее будем относить к государственной бюрократии. В этих сословиях можно выделить подсословия, например, сословие государственных гражданских служащих делится на федеральных и региональных гражданских служащих с разными функциями и разными служениями, но имеющими некоторые общие привилегии и права [*Кордонский*, 2008. С. 73–78]. Однако социальная структура российского общества включает и другие типы социальных групп, в частности классы. Это понятие в данном контексте принципиально отличается от марксистского, поскольку выделение происходит по уровням потребления, а не по типам служения. В отличие от сословий классы определяются традициями, обычаями, обычным правом, а не законом. Поэтому классы существуют и поддерживаются социальными практиками индивидов. Представители сословий могут быть и богатыми, и бедными, но не по результатам труда, а вследствие получения соответствующего социального статуса, обеспечения или обслуживания других сословий. В современном российском обществе, как и во многих других, сословия и классы сосуществуют и взаимодействуют между собой [Там же. С. 24–26].

Сословия, права, обязанности и привилегии которых за служение государству определены законом, С.Г. Кордонский называет титульными сословиями. И эти титульные сословия организуют для себя уже нетитульные сословия, обязанности, права и привилегии которых вводятся подзаконными актами. Одни из служивых нетитульных сословий обеспечивают служение государству, а другие, уже не служивые сословия, обслуживают и титульные, и нетитульные сословия [Там же. С. 73]. Подзаконные акты, как и многие законы, разрабатывают государственные и муниципальные служащие, т.е. государственная и муниципальная бюрократия. Проявляя таким способом свою власть, российская бюрократия организует и направляет деятельность нетитульных сословий. Так сложилось в России, что ресурсы, определённые государством для осуществления служений, а бюрократией — для обеспечения и обслуживания служений, не преумножаются, а делятся между сословиями и внутри сословий в соответствии со статусами должностных лиц [Там же. С. 37–38].

Такая ресурсная экономика России по совокупности всех её качеств О.Э. Бессоновой была названа раздаточной [*Бессонова*, 2006. С. 5-6]. Раздаточной такую экономику можно назвать потому, что сущность экономических отношений в ней определяется так называемыми «сдачами» (сборами с населения, финансовыми и иными результатами служений) и «раздачами» (получением от государства жалований, пособий, пенсий, финансовых и нефинасовых привилегий). Обратная связь при несоответствии потоков сдач и раздач в такой экономике осуществляется с помощью жалоб на возникающие нарушения [*Бессонова*, 2006. С. 11–12]. Раздаточная экономика является таким образом саморегулируемой, но её регулирование существенно отличается от рыночного регулирования. О.Э. Бессонова показала, что экономическая эволюция России с IX по XX вв. — эволюция именно раздаточной экономики по её собственным законам развития [Там же. С. 28–29]. И за этот период эволюция раздаточной экономики в России прошла три цикла, и в настоящий период находится в начале следующего цикла после переходного периода «квазирынка конца XX в.» [Там же. С. 32–36].

В экономике России всегда существовали и существуют в настоящий период как раздаточные, так и рыночные отношения. Более того, эволюция доминирующей в России раздаточной экономики происходит всегда во взаимодействии с рыночной. Рано или поздно регулирование раздаточной экономики не спасает её от кризиса, тогда рыночные отношения развиваются свободнее, чем при господстве раздатка. Раздаточная экономика получает новые ресурсы для сдач и раздач, т.е. для своего развития, далее ставит под кон-

троль рыночные отношения и успешно функционирует. Затем в очередной раз раздаточная экономика устаревает, приходит в кризис, и цикл повторяется [Там же. С. 36]. Но кризисы раздаточной экономики всегда являются и кризисами сословий, обеспечивающих сдачи и раздачи ресурсов. И эти кризисы каждый раз в истории России в ходе бунтов, революций и перестроек меняли систему сословий [*Кордонский*, 2008. С. 38]. Например, имперская система сословий после революций 1917 г. в советский период была заменена на номенклатурную, а в настоящий период номенклатурная система сословий заменена на постсоветские. Своей замены на иные сословия нынешняя государственная и муниципальная бюрократия в целях самосохранения стремится избежать, поэтому, с одной стороны, допускает контролируемые ею элементы рыночных отношений, а с другой — осуществляет развитие и рост ресурсной, т.е. раздаточной, экономики. Господство бюрократии проявляется в том, что она заинтересована в рыночных отношениях исключительно для пополнения ресурсов сдач и раздач, а потому стремится контролировать все рыночные отношения, искажая их раздатком.

Раздаточная экономика для своего развития требует постоянного расширения так называемой «ресурсной базы», т.е. ресурсов, которые соответствующие сословия могут сдавать и раздавать, осваивать и тратить. Но в раздаточной экономике сословиям не ставятся задачи развития ресурсов, поэтому такая экономика развивается за счёт экспансий территорий, рынков, капиталов, которые затем можно будет присвоить и распределить [Там же. С. 120]. В ходе такой экспансии российская экономика и российское государство вынуждены вступать в довольно жёсткую конкуренцию на мировых и национальном рынках. Но в этой конкуренции российская бюрократия слабо использует один из важнейших ресурсов современного экономического развития — внедрение и широкое использование современных технологий. Необходимость их использования декларируется, государственные решения по их развитию принимаются, но их широкого внедрения, как правило, не происходит. Причина в освоении сословиями ресурсов, определённых им для этих целей государством. И если какое-то из сословий внедрит технологию, существенно повышающую эффективность такого освоения, это сословие существенно повысит свою значимость и статус в государстве. В результате должен будет измениться поток раздач в сторону этого сословия в ущерб интересам других сословий. Поэтому российские сословия, особенно титульные, входящие в государственную бюрократию, постоянно следят друг за другом и контролируют сохранение социального равновесия, достигнутого в предшествующей борьбе за ресурсы[7]. Нарушение этого социального равновесия, которое всегда является динамическим, привело бы к усилению борьбы сословий за ресурсы в государстве, а возможно, и к масштабному кризису не только раздаточной экономики, но и общества, и государства в целом, как это бывало в предшествующие периоды. Российская бюрократия своё господство использует для замедления разработок новых эффективных технологий, их приобретения за рубежом и широкого использования. При этом многие новые эффективные технологии в России имеются, в частном бизнесе они используются шире, чем в государственном. Но в целом технологическое отставание России от развитых и даже развивающихся стран мира сохраняется, в определённом смысле продолжая советскую традицию.

---

[7] Если бы автор отвлёкся от категорий, характерных для «туземной» науки (см.: *Соколов М., Титаев К.* Провинциальная и туземная наука // Антропологический форум. 2013. № 19. С. 239–275), он обнаружил бы, что его описание почти полностью совпадает с определением «институционального склероза» по Олсону (*Олсон М.* Возвышение и упадок народов: Экономический рост, стагфляция и институциональный склероз. М.: Новое издательство, 2013). Институциональный склероз — довольно распространённое явление, в том числе среди богатых стран. Находится ли в этом состоянии современная Россия — отдельная проблема. — *Прим. ред.*

Государственная бюрократия и наука

В осуществлении своего господства над обществом и государством российская государственная бюрократия исходит из своего понимания социальной реальности. Но это бюрократическое понимание социальной реальности не всегда адекватно. В соответствии с нормами и регламентами своей деятельности бюрократия оценивает социальную реальность исключительно через утверждённые и официально признанные документы, а результаты собственной и чужой деятельности — по утверждённым показателям. Эти документы и показатели формируют для бюрократии смыслы социальных фактов, используемые схемы мышления и модели решений проблем. Но современная социальная реальность настолько сложна и многопланова, что в принципе не может быть адекватно отражена ни в одной системе измеримых показателей [*Римский*, 2007. С. 78–79]. Современная наука способна помочь сформировать более или менее адекватную картину социальной реальности, но российская бюрократия в такие возможности науки не верит, и в принятии управленческих решений руководствуется своей собственной картиной мира[8].

Ограниченное использование науки российской бюрократией в системах принятия решений было подтверждено в одном из немногих социологических исследований жизненного мира и повседневных практик чиновников [*Российский чиновник…*, 2015]. Исследователи из РАНХиГС и Института социологии РАН получили определённые доказательства того, что для российского чиновника самое главное при исполнении им своих должностных обязанностей — подчинение начальству, точное и своевременное исполнение его приказов и распоряжений. Поисками научно обоснованных решений общественно значимых проблем исполнители в государственном и муниципальном управлении не занимаются. Принятие решений по таким проблемам возможно только первыми должностными лицами государственного или муниципального управления. В среде этих лиц востребованными являются интеллект, хорошее образование, способности и навыки эффективного управления. Но смыслы и понимания общественно значимых проблем и среди высокопоставленных должностных лиц российского государственного и муниципального управления формируются бюрократической реальностью, не всегда адекватной реальности социальной. Кроме того, такие высокопоставленные должностные лица сильно загружены работой, за которую они должны отчитываться. У них просто не хватает времени для того, чтобы детально разобраться в факторах и вариантах решений общественно значимых проблем. Они имеют все возможности коммуникации с научным сообществом, но обычно не воспринимает сложных и длительных по времени реализации предложений научного сообщества. А потому нередко они просто не хотят тратить время и тем более деньги на проведение углублённых научных исследований.

Часть острых общественно значимых проблем приходится решать, обходя нормы и правила, обязательные для исполнения. Представители высшей бюрократии имеют полномочия и на такие решения, но должны их хорошо обосновать, иначе могут пострадать их профессиональные карьеры [Там же. С. 26–28]. Наука могла бы помочь разработать и представить обоснования для принятия нетривиальных решений, но научное знание российская бюрократия использует редко. В итоге исполнители в государственном и муниципаль-

---

[8] Здесь автор в явном виде демонстрирует методологический плюрализм, признавая, как минимум, существование «бюрократической» и «научной» реальности. В недавнем советском прошлом «научная реальность» характеризовалась наличием одной пятой всех учёных в мире и отсутствием спроса на советские патенты и лицензии. Тем не менее авторитет науки в СССР был достаточно высок, причём учёные брались за экспертизу даже тех проектов (например, «поворота рек»), о которых бюрократы их не спрашивали. Учитывая то, что решения о реформах науки и образования в конечном счёте проходят публичное обсуждение, мнение автора о том, что «бюрократическая реальность» более убедительна для государства, чем «научная», выглядит по меньшей мере странно. — *Прим. ред.*

ном управлении науку почти никогда не могут использовать совсем, а высокопоставленные руководители могут, но делают это крайне редко. Наука для российской бюрократии остаётся необходимым компонентом их образования для замещения большинства должностей на службе, но сами знания остаются зачастую невостребованными.

В большинстве своём высокопоставленные российские бюрократы рассматривают науку как объект для раздач, в первую очередь финансов, оборудования и недвижимости, без получения или при недостаточном получении сдач, что неприемлемо в раздаточной экономике. Это неизбежно должно было привести к реформе российской науки, которая началась в 2013 г. С этого года Российская академия наук (РАН) была подчинена Федеральному агентству научных исследований (ФАНО России). Это государственное агентство стало осуществлять нормативно-правовое регулирование, оказание государственных услуг в области науки и управление имуществом РАН. Последняя была объединена с академиями сельскохозяйственных и медицинских наук, а затем ФАНО России объединило в кластеры сами научные организации объединённой академии. Эти научные организации стали управляться федеральными центрами. Так была создана иерархия научных организаций, а их деятельность стала оцениваться по бюрократическому принципу с помощью специальных показателей — индикативных рейтингов. Эти индикативные рейтинги можно оценить как вариант оформления сдач научных организаций в условиях, когда научные результаты не очень или вообще не востребованы бюрократическим государственным управлением. По показателям этих рейтингов все научные организации были разделены на три категории — лидеров, стабильных и не показывающих значимые научные результаты. Примерно так же оценивались и научные организации Министерства образования и науки РФ. Естественно, это означало повышение финансирования лидеров, продолжение финансирования стабильных и ликвидацию отстающих научных организаций.

За примерно пять лет осуществления этой реформы было организовано бюрократическое управление наукой в России. ФАНО России стало органом, ответственным за осуществление планов Президента РФ и Правительства РФ в научно-исследовательской сфере. Вся реформа подавалась как средство повышения результативности деятельности научных организаций. Но принципы и методы деятельности научных организаций существенно отличаются от бюрократических, поэтому бюрократическое управление наукой в России скорее препятствует, чем способствует её развитию. В соответствии с тем, что жалобы — необходимый компонент раздаточной экономики, по результатам массовой критики в 2018 г. ФАНО России было упразднено. Все научные организации РАН были переподчинены Министерству науки и высшего образования РФ (Минобрнауки), а не самой академии. В этом министерстве было создано подразделение, которое продолжило управление научными организациями методами бывшего ФАНО России. Фактически получилось, что все результаты реформы науки, в том числе и критикуемые научным сообществом, были сохранены. Государственная бюрократия оценила и результаты этой реформы науки, и методы управления научными организациями бывшего ФАНО России как вполне удовлетворительные.

Реальные проблемы российской науки эта её реформа не решила, а некоторые — усугубила. В частности, большой вред российской науке наносит осуществляемая Минобрнауки оценка результатов работы учёных и организаций по их публикационной активности. Проведённая ФАНО России реформа не затронула вопросы оценки научной значимости исследований и разработок, которые осуществляют не только научные, но и другие организации, а также отдельные исследовательские коллективы. Минобрнауки оценивает результативность деятельности научных организаций по количеству публикаций и цитирований в иностранных (Web of Science, Scopus) и российских информационных системах (РИНЦ). Но интерес иностранных исследователей к публикациям российских исследователей вовсе не всегда соответствует отечественным приоритетам [*Кулагин*, 2023.

С. 53–54]. А цитирования в РИНЦ далеко не во всех случаях свидетельствуют о высокой научной значимости той или иной публикации. Поскольку публикации научных статей и объёмы их цитирований Минобрнауки превратил в важнейший показатель научной деятельности и организаций, и самих исследователей, последние нередко договариваются между собой о так называемом «перекрёстном» цитировании друг друга. «Перекрёстное» цитирование нередко повышает цитируемость малозначимых научных статей, а вместе с ней — и показатели цитируемости научных работников, проводящих малозначимые исследования, а иногда не проводящих их вовсе. Немало российских университетов проводят свои научные конференции и публикуют затем сборники тезисов или статей их участников для того, чтобы профессора, преподаватели и научные работники этих университетов могли по требованиям Минобрнауки выполнять планы по количеству публикаций. К сожалению, впоследствии эти статьи и тезисы почти никто не читает в силу их малой научной значимости.

Поскольку определённые Минобрнауки сдачи научных организаций имеют слабое отношение к значимости результатов научных исследований, российская бюрократия постоянно получает подтверждения практической бесполезности для государственного управления научных исследований большинства университетов и научных организаций. Исключения составляют почти всегда те научные исследования, которые сама бюрократия заказывает для решений задач обороны и государственного управления. Но для решений общественно значимых проблем такие исследования заказываются бюрократией редко, а научные экспертизы таких проблем и результатов их решений проводятся, как правило, для подтверждения уже принятых управленческих решений. Получается замкнутый круг: бюрократия не верит в науку, превращает её в средство получения почти исключительно желательных и понятных для себя результатов, осуществляет управление наукой бюрократическими методами. Наука адаптируется к этим методам, теряя возможности проведения масштабных, долгосрочных и углублённых фундаментальных и прикладных исследований по многим областям.

Российская драма

В российских условиях господство бюрократии вполне органично функционированию и развитию раздаточной экономики, потому что их определяют именно основные, титульные сословия государственной бюрократии. Следствиями господства государственной бюрократии являются существенные ограничения развития науки и технологий, которые стали одними из важнейших факторов развития экономики и обеспечения благосостояния граждан и в России, и в других странах мира. В свою очередь эти ограничения способствуют доминированию раздаточной экономики в России, поскольку только в такой экономике способен установиться и поддерживаться баланс интересов и доступа к ресурсам основных сословий государственной бюрократии. Другими следствиями господства государственной и муниципальной бюрократии стали нарушения справедливости и отсутствия решений многих общественно значимых проблем.

Российской драмой является невозможность в нынешних российских условиях обеспечить устойчивые высокие темпы роста и необходимое качество экономического роста. И это при том, что в нашей стране была обеспечена политическая стабильность, а на рубеже 2000-х гг. были завершены основные экономические реформы [*Нуреев*, 2016. С. 162]. Помимо нескольких объяснений этого феномена, предложенных Р.М. Нуреевым и Ю.В. Латовым, его смысл в связи с изложенным выше может быть понят и в объяснении, предложенным С.Г. Кордонским [*Кордонский*, 2008. С. 40]. Несколько расширив его суждения, можно утверждать, что в 2000-е гг. в России происходил и в настоящий период про-

должается описанный О.Э. Бессоновой цикл развития раздаточной экономики, на котором раздаток всё больше доминирует над рыночными отношениями. Основой развития российской экономики стало освоение ресурсов соответствующими сословиями, и к этим ресурсам добавляются те, которые формируют и развивают ограниченные рыночные отношения. Эти ограниченные рыночные отношения не могут обеспечить уровень потребления, который российское общество признало бы достаточным. В России сохраняются разделение классов по потреблению, причём дифференциация доходов и благосостояния постоянно растёт. Бедность в стране сохраняется, средний класс постепенно размывается, растёт богатство высшего класса. Это — результат господства в российском обществе сословий государственной и муниципальной бюрократии, которые контролируют и стремятся распоряжаться всё большей долей общественных ресурсов.

В таких условиях устойчивый и качественный экономический рост оказывается просто невозможным, ему прямо препятствует господство бюрократии в нашей стране. В обозримой перспективе от своего господства бюрократия не откажется, а потому российская драма вряд ли будет разрешена в интересах большинства общества.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Бессонова О.Э. (2006). *Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации* [*Bessonova O.E.* (2006). Distribution Economy of Russia: Evolution through Transformations]. — М.: РОССПЭН.

Бюрократия и власть в новой России: позиция населения и оценки экспертов: Аналитический доклад. (2005). [Bureaucracy and power in the new Russia: the position of the population and expert assessments. Analytical report. (2005)]. — М.: ИС РАН. https://www.isras.ru/files/File/Doklad/Doclad_Byurokrat_i_vlast.pdf.

Господство против политики: российский случай. Эффективность институциональной структуры и потенциал стратегий политических изменений (2019). [Dominance versus politics: the Russian case. Effectiveness of Institutional Structure and Potential of Policy Change Strategies (2019)] / Отв. ред. С.В. Патрушев, Л.Е. Филиппова. — М.: Политическая энциклопедия.

Кордонский С.Г. (2008). *Сословная структура постсоветской России* [*Kordonsky S.G.* (2008). Class structure of post-Soviet Russia]. — М.: Институт Фонда «Общественное мнение».

Кулагин А.С. (2023). Цели государства и национальные научные приоритеты [*Kulagin A. S.* (2023) Goals of the state and national scientific priorities]// *Экономика науки.* Т. 9. №1. С. 45–55. DOI: 10.22394/2410-132X-2023-9-1-45-55.

Нуреев Р.М. (2016). *Экономическая история России (опыт институционального анализа):* Учебное пособие / Отв. ред. Р.М. Нуреев, Ю.В. Латов [*Nureev R.M.* (2016). Economic history of Russia (experience of institutional analysis): textbook]. 2-е изд., перераб. — М.: КНОРУС.

Римский В.Л. (2007). Бюрократия, клиентелизм и коррупция в России [*Rimsky V.L.* (2007). Bureaucracy, clientelism and corruption in Russia] // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз.* №1. С. 65–84. DOI: 10.30570/2078-5089-2007-44-1-65-84.

Российская коррупция: уровень, структура, динамика. Опыты социологического анализа (2013). [Russian Corruption: Level, Structure, Dynamics. Experiences in Sociological Analysis (2013)]. / Под ред. Г.А. Сатарова. — М.: Фонд «Либеральная Миссия». https://liberal.ru/wp-content/uploads/legacy/files/articles/6328/satarov_light.pdf.

Российский чиновник: социологический анализ жизненного мира государственных и муниципальных служащих (2015) [Russian Official: A Sociological Analysis of the Life World of State and Municipal Employees] / Под ред. Д.М. Рогозина. — М.: ФГБУН Институт социологии РАН.

Российское общество и вызовы времени. Книга 6-я (2022). [Russian society and challenges of the time. Book Six] / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. — М.: Весь Мир. DOI 10.55604/9785777708984. EDN GJITZD.

Тихонова Н.Е., Дудин И.В. (2023). Основные противоречия российского общества в восприятии населения страны: сравнительная значимость, динамика, факторы [*Tikhonova N.E., Dudin I.V.* (2023). The main contradictions of Russian society in the perception of the country's population: comparative significance, dynamics, factors]. // *Социологическая наука и социальная практика.* Т. 11. № 2. С. 6–24. https://www.socnp.ru/index.php/snsp/article/view/9336/9132. DOI: 10.19181/snsp.2023.11.2.1.

Римский Владимир Львович
rim@indem.ru

Vladimir Rimskiy
Senior lecturer, Moscow Psychological and Social University, Moscow, Russia
rim@indem.ru

THE STATE BUREAUCRACY DOMINATION IN RUSSIA

Abstract. Sociological studies of the last two decades show that according to the vast majority of citizens opinions the Russian state bureaucracy has become a special social estate, separated, alienated from the rest of society. About half of the respondents believe that the power of the bureaucracy in the economy exceeds the power of the President of the Russian Federation, and the majority believe that in modern Russia there is no force capable of limiting the power of the bureaucracy. In public opinion, government officials are practically the only social group that hinders rather than contributes to the development of Russia. To understand the social reality that has developed in our country, it is proposed to use the concept of the state bureaucracy dominion over society and the state. This dominion is ensured by the fact that the state bureaucracy has formed into social estates that serve the state and receive special rights and privileges for this, which are inaccessible to those who are not included in these estates. The service estates receive from the state the necessary resources for their services, which they master, but do not develop. The appropriation of resources for the state bureaucracy is more important than the solution of socially significant problems. Using its dominion to strengthen such an economy, which can be called a distribution economy, the state bureaucracy uses market relations to replenish the resources of change and distribution, and not for the consumption development. A specific bureaucratic reality is being created that differs from the actual one, and therefore the reforms designed within the framework of this reality only bring a worsening of the situation (an example is the reform of the Russian Academy of Sciences). As a result of such bureaucracy dominion market relations are distorted, modern technologies are inefficiently used or not used at all in the economy, public administration poorly uses science in decision-making systems, justice is violated in Russian society and socially significant problems have not been solved for decades. And it can be predicted that, despite such negative consequences for society of its dominion, the state and municipal bureaucracy will not abandon it in the foreseeable future.

Keywords: *bureaucracy, official, dominion, social estates, distribution economy.*
JEL: D70, D71, D73, E25, H10, H70.

М.Е. Баскакова
д.э.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ ЖЕНЩИН И ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ СЕГРЕГАЦИЯ В РОССИЙСКОЙ СФЕРЕ ТРУДА — 100 ЛЕТ ИСТОРИИ (Часть 1. 1918–1945 гг.)

Аннотация. В работе рассматривается динамика гендерной отраслевой сегрегации — одного из основных параметров, характеризующих положение мужчин и женщин в сфере занятости, во многом предопределяющих гендерные различия в оплате и условиях труда. В истории нашей страны неоднократно ставились задачи по снижению такой сегрегации, что предопределяет важность сбора информации о результативности их решения. В статье проводится общий анализ политических документов и законодательных актов советского и постсоветского периодов, нацеленных на формирование равенства прав, а в последние 30 лет — и равенства возможностей женщин и мужчин в сфере труда. Показывается трансформация представлений о форматах, методах и условиях достижения такого равенства. В начальный советский период это — идеологически догматизированный подход к максимально возможному вовлечению женщин в профессиональную занятость, причём в максимально широком спектре профессий и производств, введение в трудовое законодательство ограничений занятости женщин во вредных и тяжёлых условиях (с целью охраны здоровья) и мер защиты женщин, связанных с рождением и кормлением ребёнка. Параллельно в работе на данных исторической и современной статистики анализируется динамика различий отраслевой структуры занятости женщин и мужчин. Показывается, что, несмотря на изменения регламентации труда женщин, их распределение по отраслям всегда значительно отличалось от аналогичного распределения мужчин. При этом можно выделить один период (с конца 20-х гг. прошлого века до послевоенных лет) значимого сокращения гендерной отраслевой сегрегации. Затем начался постепенный рост её уровня, который с незначительными флуктуациями продолжался все последующие годы. Эмпирической базой исследования послужили данные ЦСУ РСФСР и Росстата. Статистический анализ динамики уровня гендерной сегрегации в работе проводился с помощью индекса Дункана, основанного на идее сопоставления и количественной оценке различий между распределениями (в нашем случае распределений женщин и мужчин по отраслям/видам экономической деятельности).

Ключевые слова: *гендерная сегрегация, женщины, мужчины, человеческий потенциал, равенство, образование, занятость, рынок труда.*

JEL: J16, J21, J71, J78

УДК: 331.44

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_127_146

© М.Е. Баскакова, 2023
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Баскакова М.Е.* Государственное регулирование занятости женщин и профессиональная сегрегация в российской сфере труда — 100 лет истории. Часть 1. 1918–1945 гг. // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 127–146. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_127_146.

FOR CITATION: *Baskakova M.* State Regulation of Women's Employment and Occupational Segregation in the Russian Labour Sphere — 100 Years of History Part 1. 1918-1945 // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 127–146. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_127_146.

Введение

В нашей стране уже более ста лет законодательно установлено, что женщины и мужчины имеют равные права, а последние тридцать лет — ещё и равные возможности во всех сферах жизнедеятельности, в том числе в сфере труда. За прошедшие годы национальная сфера труда, стремительно развиваясь и изменяясь, прошла через целый ряд вызовов, связанных с военным коммунизмом, НЭПом, коллективизацией и индустриализацией, Великой Отечественной войной, периодом восстановления разрушенного хозяйства и построения развитого социализма, периодом застоя, социальными и экономическими кризисами последних десятилетий. Появлялись новые профессии и исчезали старые, улучшились условия труда, появлялись новые формы занятости. Трансформировалось трудовое законодательство. Вырос уровень профессионального образования населения, в первую очередь женщин.

Сложный путь прошла и политика государства в отношении профессиональной занятости женщин и формирования равенства прав и возможностей в сфере труда. В разные годы она проводилась с разной степенью интенсивности и успешности, в ней менялось понимание форматов этого равенства и путей его достижения, включая попытки регулирования отраслевой и профессиональной занятости женщин. Задуманная в начале советского периода в целом как эгалитарная, в конце этого периода она стала образцом патернализма [*Айвазова*, 1998]. В постсоветский период трансформация трудового законодательства в гендерно нейтральное дала новый старт реализации эгалитарного подхода [*Гендерная*…, 2001; *Дискриминация*…, 2013]. Однако статистические данные и многочисленные исследования свидетельствуют, что, несмотря на многолетние и многовариантные усилия государства, женщины и мужчины занимали и занимают сейчас разные позиции на национальном рынке труда [*Гендерное равенство*…, 2003; *Рощин, Зубаревич*, 2005; *Кашина*, 2009; *Дискриминация*…, 2013; *Тоскунина, Кармакулова*, 2013; *Савинская, Лебедева,* 2020]. И ярким примером здесь является динамика уровня гендерной отраслевой сегрегации (различий в распределениях женщин и мужчин по отраслям экономики) [*Мальцева, Рощин*, 2006].

Анализ данных показал, что в 1926–2021 гг. женщины были заняты абсолютно во всех отраслях / видах экономической деятельности, но их доли среди работников отраслей различались. В ряде отраслей эта доля могла существенно меняться во времени. Так «кредитование, финансы и государственное страхование» изначально была отраслью преимущественно мужской занятости, однако в 1950-х гг. она приобрела «женское лицо», которое сохраняет до сих пор. Ситуация с ЖКХ оказалась ещё более интригующей — тут направленность гендерной асимметрии занятых за историю наблюдений менялась трижды. Распределение профессионально занятых женщин по отраслям также всегда значительно отличалось от аналогичного распределения мужчин. Другое дело, что степень различий этих распределений варьировалась во времени. Расчеты показали (рис. 1), что общий размах значений индекса Дункана за сто лет статистических наблюдений составил 22,2 п.п. (от 17,8% в 1940 г. до 40,0% в 2021 г.). При этом можно выделить лишь один период (с конца 20-х годов прошлого века до послевоенных лет) значимого сокращения гендерной отраслевой сегрегации (с 27,0 до 17,8%). В первые годы это сокращение происходило медленно (в среднем 0,3 п.п. в год), затем, вплоть на начала Великой Отечественной войны, скорость сокращения значений индекса удвоилась (в среднем 0,7 п.п. в год). В послевоенный период начался постепенный рост уровня гендерной отраслевой сегрегации, который с незначительными флуктуациями продолжался все последующие годы, несмотря на все социально-экономические изменения, проходившие в стране.

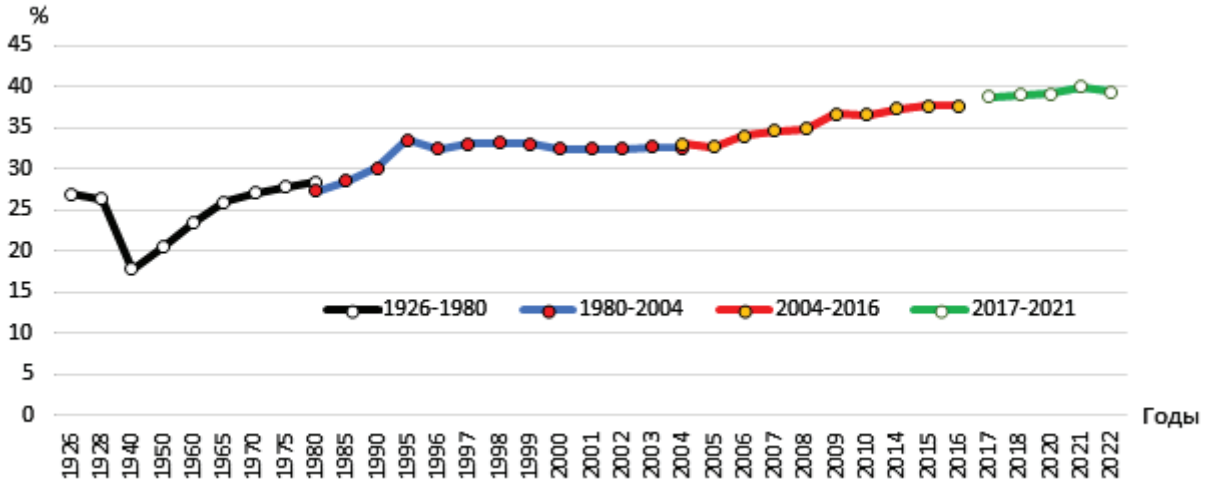


Рис. 1. Динамика индекса Дункана — уровня гендерной сегрегации по отраслям/видам экономической деятельности в России (1926–2022 гг.)

Источник: расчёты автора по данным: Труд в РСФСР. Стат. сб. — М.: ЦСУ РСФСР, 1981. С. 22–25, 32–33, а также Росстата.

На первый взгляд существование гендерных различий отраслевой структуры занятости не свидетельствует о более уязвимом или менее устойчивом положении женщин на рынке труда. Считается, что такой вид сегрегации фактически является единственной формой асимметричного распределения женщин и мужчин между сферами занятости, которая представляет собой горизонтальную сегрегацию. То есть в ней не заложен принцип иерархии: нельзя выделить отрасли, которые находятся в подчинённом положении относительно других [*Мальцева, Рощин,* 2006, с. 52]. Это так, но существует «зарплатная иерархия», ведь уровень оплаты труда значимо дифференцирован по отраслям. И одна из важных особенностей гендерной отраслевой сегрегации состоит в том, что мужская занятость, как правило, концентрировалась в отраслях с высоким уровнем оплаты труда, в то время как женщины по разным причинам оказывались заняты преимущественно в отраслях экономики с её низким уровнем. Существует целый ряд зарубежных и отечественных исследований, раскрывающих значимость вклада гендерной отраслевой сегрегации в формирование гендерного разрыва в оплате труда [*Как преодолеть…*, 2021; *Лукьянова,* 2022; *Ощепков*, 2007; *Елисеева, Декина*, 2019; *Albæk, Larsen, Thomsen*, 2017; *Blau, Kahn,* 2016]. Проблемность влияния существующей гендерной отраслевой сегрегации на различия в оплате труда женщин и мужчин осознается государством и сегодня[1].

Цель данной работы состояла в анализе динамики гендерной отраслевой сегрегации и историческом обзоре её государственного регулирования. Источниками статистической информации, на основе которых возможен достаточно корректный расчёт гендерной сегрегации в трудовой сфере за последние 100 лет, являются данные Центрального статистического управления РСФСР (среднегодовая численность рабочих и служащих, в том числе женщин, по отраслям народного хозяйства в 1922–1980 гг.)[2] и Росстата (среднегодовая численность занятых, в том числе женщин, по отраслям 1980–2004 гг., среднегодовая численность занятых, в том числе женщин, по видам экономической деятельности за 2004–2021 гг.)[3].

---

[1] Национальная стратегия действий в интересах женщин на 2023–2030 гг. Утверждена распоряжением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2022 г. №4356-р.

[2] Труд в РСФСР. Стат. сб. — М.: ЦСУ РСФСР, 1981. С. 22–25, 32–33.

[3] Росстат. https://rosstat.gov.ru/ (дата обращения 05.07.2023).

Кроме того, в работе были использованы данные Центрального Управления Народнохозяйственного Учёта при Госплане СССР (численность работниц по цензовой промышленности СССР за 1913-1933 гг.)[4].

При анализе проблем гендерной профессиональной сегрегации в советский период в работе использовались преимущественно данные исторической статистики собранные по РСФСР. К сожалению, её оказалось очень мало. В советский период, несмотря на постоянное подчёркивание важности задачи достижения равенства между женщинами и мужчинами, трудовая статистика практически не разрабатывалась дифференцированно по признаку пола. Но даже то, что разрабатывалось, было способно указать на существование каких-либо проблем, изымалось из общего доступа. Следует отметить также ограниченность системы показателей, по которой собиралась и разрабатывалась официальная статистика в союзных республиках, по сравнению с системой общестрановых показателей. Поэтому в данной работе рассмотрение отдельных проблем проводилось на основе данных, характеризующих эти проблемы по стране в целом, что в тексте отмечается особо.

В основе работы лежит общий анализ политических документов и законодательных актов советского и постсоветского периодов, регламентирующих особенности положения женщин и мужчин в сфере занятости и способных влиять на профессиональную сегрегацию.

Статистический анализ динамики уровня гендерной сегрегации в работе проводился на основе расчётов индекса Дункана, базирующегося на идее сопоставления и количественной оценке различий между распределениями (в нашем случае распределений женщин и мужчин по отраслям / видам экономической деятельности):

$$ID = \frac{1}{2}\sum_i \left| \frac{F_i}{F} - \frac{M_i}{M} \right| \times 100\%,$$

где F_i — численность женщин, занятых в отрасли i; M_i — численность мужчин, занятых в отрасли i, F и M — численность женщин и мужчин, занятых в экономике; i изменяется от 1 до числа, соответствующего количеству отраслей в экономике

При расчёте уровня гендерной сегрегации по отраслям экономики значение индекса Дункана показывает расстояние между распределениями женщин и мужчин по отраслям. Значение индекса может изменяться от 0% (в случае совпадения распределений женщин и мужчин по отраслям, когда доля женщин/мужчин среди занятых в каждой отрасли оказывается равна доле женщин/мужчин среди всех занятых) до 100% (абсолютная сегрегация — если отсутствуют отрасли со смешанной занятостью). Рост значений индекса свидетельствует о росте сегрегации, снижение — о сокращении.

При построении динамики уровня сегрегации, рассчитываемого на основе индекса Дункана, следует иметь в виду чувствительность индекса к изменениям отраслевой структуры, её детализации и методик распределения работников по отраслям. Сопоставимыми можно считать значения индекса только в случае, если их расчёты основаны на данных, собранных для неизменной отраслевой структуры и по единой методике. Это свойство индекса серьёзно осложнило анализ динамики уровня отраслевой сегрегации за 100 лет, поскольку за столь продолжительный период изменилась структура экономики страны. Кроме того, национальные органы статистического учёта несколько раз меняли методики расчётов отраслевой структуры занятости населения. Для решения этой проблемы, во временном ряде данных, характеризующих распределение женщин и мужчин по отраслям народного хозяйства за 1926–2022 гг., были выделены четыре периода, когда данные рассчитывались по разным методикам: 1926–1980 гг. (по методикам ЦСУ РСФСР), 1980–2004 гг.

[4] Женщина в СССР: Стат. сб. ЦУНХУ ГОСПЛАНА СССР и В/О СОЮЗОРГУЧЕТ. М., 1937. С. 191. Исторические материалы. https://istmat.org/node/22522 (дата обращения 05.07.2023).

(Росстатом по классификатору отраслей народного хозяйства), 2004–2016 гг. (Росстатом по Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности) и 2017–2023 гг. (по откорректированному и детализированному Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности). При этом данные за 1980 г. и 2004 г. оказались доступными в двух вариантах — собраны в смежных периодах по обеим методикам. Это позволило рассчитать уровень отраслевой сегрегации в двух вариантах и провести проверку влияния изменения методики расчётов отраслевой структуры занятости населения на расчёты уровня гендерной отраслевой сегрегации. Сопоставление результатов расчётов уровня гендерной сегрегации в 1980 г., полученных по данным ЦСУ РСФСР и Росстата, показало превышение на 4% значений уровня сегрегации по первому варианту расчётов по сравнению со вторым. Подобное сопоставление расчётов по данным 2004 г. показало, что переход к Общероссийскому классификатору видов экономической деятельности привёл к снижению показателя на 1%. Таким образом, зависимость значений индекса Дункана от произведённых изменений методик расчётов отраслевой структуры занятости населения можно считать несущественными и не влияющими на анализ динамики уровня гендерной отраслевой сегрегации.

В данной работе рассматривается только один вид гендерной профессиональной сегрегации — горизонтальной, по отраслям/видам экономической деятельности. Отказ от оценки динамики иных видов гендерной сегрегации в сфере труда (по положению в должностной иерархии, по профессиям/группам профессий) связан с отсутствием необходимых исторических данных.

Первое десятилетие советской власти

Советская власть уже в первые дни своего становления начала работу по формированию новой модели женской занятости, которая рассматривалась как основа для освобождения женщины, решения женского вопроса. Правда, наследство в этом вопросе молодому государству досталось тяжёлое. В предреволюционной России гендерное разделение труда было крайне традиционным, поэтому занятость наёмным трудом среди женщин была распространена значительно меньше, чем среди мужчин. Кроме того, женщины работали преимущественно домашней прислугой или батрачками в деревне (80% всех работающих по найму). Только 13% работали на предприятиях и стройках, 4% — в учреждениях просвещения и здравоохранения. [*Опыт*…, 1981. С. 132]. В крупной промышленности 1913 г. их доля не превышала четверти — 24,5%. Причём женская занятость была сосредоточена главным образом в пищевой и текстильной отраслях. В них работало три четверти всех работниц промышленности[5]. Фактором, снижающим возможности женщин в сфере наёмного труда, был низкий уровень их образования. В 1913 г. из 1 000 женщин (всех возрастов) грамотными были только 131, у мужчин — 293[6]. А среди учащихся учебных заведений всех форм и уровней женщины составляли только треть[7].

Изначально советская власть рассматривала равенство женщин и мужчин в сфере труда как сочетание двух положений. Во-первых, предполагалось возвращение всего женского пола к общественному труду [*Энгельс*, 1961. С. 162] и максимально возможное выравнивание количественных параметров профессиональной занятости женщин и мужчин: равная степень вовлечённости в общественный труд, одинаковая продолжительность

---

[5] Женщина в СССР… С. 58.

[6] Статистический ежегодник России (год одиннадцатый) 1914 г. Петроград: Типография Штаба Петроградского военного округа. 1915. С. 96. Исторические материалы. https://istmat.org/node/25514 (дата обращения 05.07.2023).

[7] Там же. С. 126.

рабочего дня, равная минимальная оплата труда и пр. Это объяснялось стремлением к освобождению женщин от «домашнего рабства, мелкого домашнего хозяйства, которое её давит, душит, отупляет, приковывая её к кухне и к детской, расхищая её труд работою до дикости непроизводительною, мелочною, изнервливающею, отупляющею, забивающею» [*Ленин*, 1970. С. 24] А дешёвый и непроизводительный домашний труд, затрачиваемый в каждой индивидуальной семье, необходимо было рационализировать, обобществить и передать в ведение специализированных учреждений. «Лишь с переходом от семейного кустарничества в области домашнего хозяйства к широкой организации общественного питания и общественного воспитания детей это тягостное рабство отойдет в прошлое и женский труд найдет себе не менее производительное использование, чем мужской. [*Струмилин*, 1982. С. 195–196].

Во-вторых, шёл поиск ограничений в режимах и условиях труда женщин для охраны их здоровья. Временные ограничения вводились на занятость беременных и кормящих матерей. Постоянные — на занятость всех женщин в условиях, которые могли бы быть опасны для их здоровья. Последнее фактически означало запрет на труд по целому ряду профессий и видов деятельности, т. е. законодательно установленную гендерную профессиональную сегрегацию. Такого рода ограничения не должны были считаться проявлением неравенства. Кроме того, предполагалось, что в долговременной перспективе, по мере общего улучшения условий труда, они будут исчезать.

Законодательное оформление такой модели женской занятости сложилось не сразу. Сначала было утверждено формальное равенство прав всех трудящихся, в том числе женщин и мужчин, в сфере труда. Были введены единая для всех восьмичасовая продолжительность рабочего дня[8] и наименьшая заработная плата взрослого рабочего без различия пола. (Правда, Декрет распространялся только на рабочих и служащих, получающих заработную плату, определяемую тарифами или тарифными договорами, а также на служащих Советских учреждений[9].) Подчеркну, что принятое решение о «наименьшей заработной плате взрослому рабочему без различия пола», не тождественно сложившейся в советские времена лукавой фразе о «равной оплате труда мужчин и женщин», поскольку не исключает гендерных различий в оплате труда, формирующихся в том числе и из-за профессиональной сегрегации. Кроме того, был закреплён запрет на занятость женщин на подземных работах и на сверхурочных работах[10].

Следующим этапом в законодательном оформлении новой модели женской занятости стала Конституция РСФСР 1918 г.[11], которая в условиях военного коммунизма с целью уничтожения паразитических слоёв общества и организации хозяйства вводила всеобщую трудовую повинность и провозглашала лозунг: «Не трудящийся, да не ест!». Таким образом, Конституция делала труд обязанностью в равной степени и для женщин, и для мужчин.

В том же году был принят Кодекс законов о труде[12]. В современных терминах этот документ можно было бы охарактеризовать как гендерно нейтральный, т.е. все нормы, уста-

---

[8] Декрет Совета Народных Комиссаров РСФСР №10. «О восьмичасовом рабочем дне». 11 ноября (29 октября) 1917 г. Распубликован в №2 «Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» от 12 ноября (30 октября) 1917 г. Исторические материалы. https://istmat.org/node/27755 (дата обращения 05.07.2023).

[9] Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов Рабочих, Крестьянских, Казачьих и Красноармейских Депутатов №747 «О заработной плате рабочих и служащих в Советских учреждениях». 1918.09.22. Исторические материалы. https://istmat.org/node/31513 (дата обращения 05.07.2023).

[10] Декрет Совета народных комиссаров РСФСР №10. «О восьмичасовом рабочем дне».

[11] Конституция (Основной Закон) РСФСР. Принята V Всероссийским съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.

[12] Кодекс законов о труде // Известия Ц. И. К. от 26, 28 и 31 декабря 1918 г. за №№ 284. 286, 288. Электронная библиотека исторических документов. http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/153080-kodeks-zakonov-o-trude (дата обращения 05.07.2023).

навливаемые этим документом, не были дифференцированы по признаку пола за исключением случаев, связанных с охраной здоровья женщин, родами и кормлением ребенка. Кодекс устанавливал и для женщин, и для мужчин трудовую повинность, при этом возраст, в котором они подлежали такой повинности, был принят без дифференциации по признаку пола с 16 до 50 лет. Единственной «женской» причиной временного освобождения от трудовой повинности была беременность (на период за 8 недель до разрешения от бремени и 8 недель после родов).

В Кодексе подтверждался запрет на применение труда женщин в ночное время, на сверхурочных работах, в особо тяжких или опасных для здоровья отраслях, список которых предполагалось уточнять ежегодно. Такой список был принят в 1925 г. Он содержал 31 вид работ в 9 отраслях народного хозяйства. Списком, например, запрещались работы, непосредственно связанные с плавлением и разливкой жидкого металла, непосредственным тушением пожаров, по загрузке коксовых печей, все подземные работы и пр.[13]

Несмотря на активное законотворчество, реализация новой модели женской занятости в разрушенной экономике осуществлялась с большими трудностями. Гражданская война, национализация промышленности, политика военного коммунизма, милитаризация и свёртывание производства, продовольственные трудности, вызвавшие массовую безработицу, женскую проституцию и отток городского населения в сельскую местность, привели к тому, что за 1917–1923 гг. в стране общая занятость только в цензовой (крупной) промышленности сократилась в два раза (!). Причём сокращение численности занятых в ней женщин было более существенным, чем у мужчин (у женщин — с 881 до 404 тыс. чел., т.е. 2,2 раза, у мужчин с 1 952 до 1 034 тыс. чел., т.е. в 1,9 раза). В результате доля женщин среди занятых в крупной промышленности снизилась с 31,1 до 28,1% (табл. 1) Самые масштабные сокращения у мужчин пришлись на горную и горнозаводскую промышленность, обработку металлов и машиностроение, на текстильную промышленность. У женщин — в первую очередь на текстильную промышленность и машиностроение. В результате среди женщин выросла занятость в добывающей промышленности и обработке дерева, но практически вдвое сократилась доля занятых в машиностроении. Среди мужчин выросла доля занятых в добыче и обработке минералов, в пищевой и текстильной промышленности, полиграфии, но очень заметно сократилась в горной промышленности и машиностроении.

Таким образом, фактический крах экономики привёл к выравниванию распределений женщин и мужчин по отраслям цензовой промышленности. За 1917–1923 гг. индекс Дункана, рассчитанный по этим распределениям, сократился с 48,4 до 42,0% (рис. 2).

Переход к Новой экономической политике оживил экономику, расширил возможности занятости, но потребовал изменений в трудовом законодательстве. В 1922 г. был принят новый Кодекс Законов о Труде РСФСР. Он был схож с Кодексом 1918 г., но при этом учитывал новые экономические реалии, также в бо́льшей степени дифференцировал положение женщин и мужчин в сфере труда. В Кодексе был зафиксирован отказ от всеобщей трудовой повинности. Ареал её применения редуцировался до «исключительных случаев» (борьба со стихийными бедствиями, недостаток в рабочей силе для выполнения важнейших государственных заданий). При этом максимальный возраст работников, подлежащих трудовой повинности, устанавливался разным для мужчин и женщин (соответственно, 45 и 40 лет). С целью охраны материнства от трудовой повинности освобождались беременные по 8 недель до и после родов и женщины, кормящие грудью. А также впервые вводилась гендерно асимметричная льгота для воспитателей ребёнка, что полностью соответствовало традиционным представлениям подавляющего большинства населения о гендерном

[13] Постановление НКТ СССР от 30 октября 1925 г. № 277/403 «О запрещении женского труда на особо-вредных и тяжёлых работах» (Известия НКТ СССР, 1925, №45). КонтурНорматив. https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=43579 (дата обращения: 05.07.2023).

Таблица 1
Распределение женщин и мужчин по отраслям цензовой промышленности в СССР, %

	1917			1923			1928		
	Доля женщин среди работников отрасли	Доля среди всех занятых соответствующего пола		Доля женщин среди работников отрасли	Доля среди всех занятых соответствующего пола		Доля женщин среди работников отрасли	Доля среди всех занятых соответствующего пола	
		жен.	муж.		жен.	муж.		жен.	муж.
Добыча и обработка минералов	29,2	3,1	3,4	26,1	4,4	4,8	22,4	5,2	7,2
Горная и горнозаводская	7,6	5,7	31,4	11,6	9,8	29,2	6,8	5,2	28,6
Обработка металлов и машиностроение	15,6	13,6	33,1	12,1	7,7	21,8	8,9	5,0	20,4
Обработка дерева	17,4	1,6	3,4	16,0	2,2	4,5	17,3	4,2	8,0
Химическая	44,8	5,5	3,1	31,2	4,3	3,7	34,2	4,2	3,2
Производство пищевых продуктов, напитков и наркотиков	30,7	6,3	6,4	23,3	6,7	8,6	26,5	7,1	7,9
Обработка материалов животного происхождения	33,3	2,2	2,0	17,6	2,0	3,7	21,1	2,2	3,2
Текстильная и швейная	67,1	57,8	12,8	58,7	57,4	15,8	61,2	63,6	16,1
Обработка бумаги и полиграфия	36,2	3,9	3,1	25,9	4,7	5,3	24,9	3,1	3,7
Прочие производства	11,1	0,3	1,1	12,7	0,9	2,3	7,7	0,4	1,8
Всего	31,1	100,0	100,0	28,1	100,0	100,0	28,6	100,0	100,0

Источник: расчёты автора по данным ЦУНХУ, опубликованным в: [*Серебренников*, 1934. С. 226–227].

разделении труда и о женщине как единственном воспитателе детей. Эту новацию можно считать первым шагом в формировании Контракта работающей матери, который окончательно сложится только к началу 1980-х гг. Так, в соответствии с положениями Кодекса привлечению к трудовой повинности не подлежали женщины, имеющие детей до 8-летнего возраста, при отсутствии лица, ухаживающего за ними. Новацией Кодекса стало также выделение регламентации труда женщин в специальной главе XIII «*Труд женщин и несовершеннолетних*». В ней был подтверждён запрет на применение труда женщин в ночное время, в особо тяжёлых и вредных для здоровья производствах, уточнялись и расширялись льготы для беременных, рожениц и кормящих матерей. Кроме того, Кодекс полностью отменял труд женщин на подземных работах, вводил для женщин предельные нормы переноски тяжестей (сами нормы должны были устанавливаться Народным Комиссариатом Труда по соглашению с ВЦСПС), но в нём отсутствовал запрет на сверхурочную работу женщин старше 18 лет.

Новая экономическая политика способствовала восстановлению числа профессионально занятых в экономике, в том числе в крупной промышленности. При этом женщины имели худшие возможности трудоустройства, чем мужчины, в первую очередь из-за разли-

чий в профессиональной подготовке и уровне квалификации. Фронтовики, возвращавшиеся к мирной жизни, и мужчины, возвращавшиеся из сёл в города, куда уезжали в голодные годы, обладали, как правило, более высокой квалификацией, чем женщины, и поэтому имели не только преимущество при трудоустройстве, но и вытесняли их на фабриках и заводах. В связи с этим государство было даже вынуждено ввести ограничительные меры для увольнения беременных и одиноких матерей с детьми до года. В 1926–1928 гг. доля женщин среди безработных колебалась в диапазоне 40–58%[14]. Особой проблемой было и общее негативное отношение администраций многих предприятий к трудоустройству женщин. Администрации предпочитали брать на работу мужчин, считая их более производительными работниками. Профсоюзные организации, как правило, не вмешивались в эту ситуацию [*Серебренников*, 1934. С. 58–59].

В результате темпы роста занятости у мужчин были больше, чем у женщин. Относительно 1917 г. масштаб занятости мужчин в цензовой промышленности восстановился к 1928 г., женщин — к 1929 г. За эти годы доля женщин среди работников цензовой промышленности варьировалась в узких пределах от 27,8% в 1924 г. до 28,6% в 1925 и 1928 гг. При этом рост занятости в отраслях был гендерно асимметричен. Занятость женщин увеличилась преимущественно в отраслях, в которых их доля среди занятых была относительно высокой, а занятость мужчин — в отраслях тяжёлой промышленности, где женская занятость была традиционно минимальна (табл. 1). Итогом этих процессов стало существенное расхождение отраслевых распределений женщин и мужчин. Об этом свидетельствует рост значений индекса Дункана, рассчитанный для занятости в крупной промышленности. За 1923–1928 гг. он вырос с 42,0 до 48,5% (рис. 2).

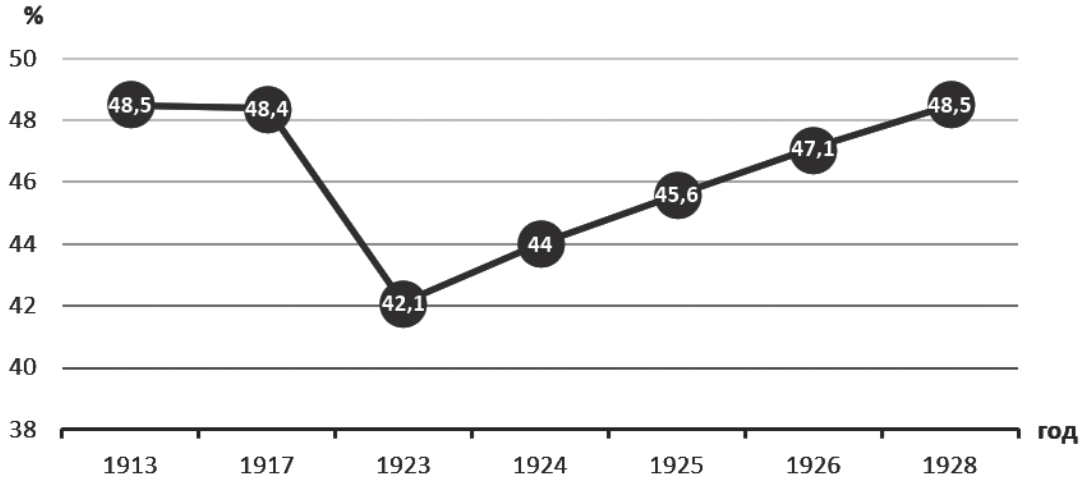


Рис. 2. Динамика индекса гендерной диссимиляции по отраслям цензовой промышленности в России/РСФСР/СССР (1913–1926 гг.)
Источник: расчёты автора.

В этот период впервые на государственном уровне встал вопрос о качественных параметрах женской занятости. Ситуация была настолько острой, что в 1924 г. на Тринадцатом съезде РКП(б) была принята специальная Резолюция «О работе среди работниц и крестьянок»[15], в которой, в частности, подчёркивалось, что «несмотря на общее

[14] Вопросы труда в цифрах: Стат. справочник за 1927–1930 гг. М. Гострудиздат, 1930. С. 43. Исторические материалы. https://istmat.org/node/29193 (дата обращения 05.07.2023).

[15] Тринадцатый съезд РКП(б), 23–31 мая 1924 год // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1986). Т. 3. 1922–1925. М.: Политиздат. 1984. С. 284

улучшение положения рабочего класса, положение работницы, в массе своей относящейся к неквалифицированной и хуже оплачиваемой части пролетариата, всё еще остается тяжёлым». Принятие Резолюции впервые официально обозначило, говоря современным языком, существование проблемы гендерной горизонтальной и вертикальной профессиональной сегрегации и гендерного разрыва в оплате труда не только в капиталистической, но и советской сфере труда. Резолюция предлагала и решения проблемы. Одно из них было сформулировано максималистски, что соответствовало духу эпохи и открывало дорогу стремительному сокращению профессиональной и отраслевой сегрегации в будущем: «В связи с продолжающимся вытеснением работниц из производства … сохранение женской рабочей силы в производстве имеет политическое значение и ставит перед партией задачу усилить поднятие квалификации женского труда и вовлечь женщин, где возможно, в те отрасли производства, в которых женский труд не применялся вовсе или применялся в недостаточной мере»[16].

Принятие постановления не привело к каким-либо быстрым и системным решениям, но стало первым значимым сигналом о недостаточности для достижения равенства женщин и мужчин в сфере труда только массового вовлечения женщин в общественное производство, пусть даже с ограничением их занятости в тяжёлых и вредных условиях.

Первые пятилетки

Первый пятилетний план развития народного хозяйства СССР на 1928/29–1932/33 гг. был обозначен как начало индустриализации страны с акцентом на укрепление отраслей тяжёлой индустрии и обороноспособности. Выполнение плана требовало резкого увеличения числа работников, занятых во всех отраслях, но прежде всего в тяжёлой индустрии и строительстве. Масштабы нехватки кадров потребовали поиска источников ещё не используемой рабочей силы, одним из которых стали женщины.

Годы первой пятилетки можно считать началом следующего этапа государственной политики по форматированию женской занятости, в котором предполагалось осуществить не только увеличение количественных (увеличение численности занятых), но и изменение качественных её параметров, приблизив их к соответствующим параметрам занятости мужчин (увеличение числа женщин среди занятых на рабочих местах квалифицированного труда в профессиях и отраслях преимущественно мужского труда). Центральным документом, определяющим направления этой работы, стало Постановление «Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок», принятое ЦК ВКП(б) в 1929 г. Постановление включало специально разработанный план по вовлечению женщин в общественное производство и расширение их занятости в отраслях и профессиях, считавшихся до этого «мужскими». Он предусматривал, в частности:

- увеличение применения женского труда в тяжёлой индустрии, особенно в механических цехах и машиностроении и в тех отраслях промышленности, где женский труд применяется недостаточно, но где он себя вполне оправдывает (деревообделочная, кожевенная и т. д.);
- проведение твёрдой линии на запрещение подземного труда работниц при одновременном расширении применения женского труда на поверхностных работах;
- максимальное заполнения женским трудом швейной, бумажной, пищевкусовой, текстильной, химической промышленности;
- максимальное расширение применения женского труда в торговом и советском аппаратах и на транспорте (кондуктора, вожатые, шофёры и т. д.);

[16] Там же. С. 286.

- расширение применения постоянного труда сельскохозяйственных работниц и батрачек в совхозах и плантациях[17].

Реализация плана позволяла решить одновременно две задачи — обеспечение растущей промышленности рабочей силой и дальнейшее выравнивание положения женщин и мужчин в сфере труда. Практически параллельно с разработкой плана по вовлечению женщин в общественное производство, шла работа по установке дифференцированных правил использования труда женщин и мужчин.

В 1930 г. Положением о пенсиях и пособиях по социальному страхованию СЗ СССР № 11[18] были введены дифференцированные по признаку пола правила назначения пенсии по старости. В гл. 3 ст.12 устанавливалось, что пенсионному обеспечению стали подлежать мужчины, достигшие до оставления работы по найму 60 лет, проработавшие по найму в общей сложности не менее 25 лет, женщины — достигшие 55 лет и проработавшие не менее 20 лет. Впрочем, на тот момент установление таких критериев означало, что пенсионное обеспечение могли получить единицы, поскольку, согласно данным Росстата в 1926–1927 гг., в Европейской части РСФСР ожидаемая продолжительность жизни при рождении у мужчин составляла 40,23 года, у женщин 45,6 лет.

В 1930 г. был разработан список особо тяжёлых и вредных работ и профессий, на которых не допускалась занятость женщин[19], содержавший 75 профессий и видов работ по 10 отраслям. Впрочем, этот список действовал не долго. В 1932 г. после проведённых специальных исследований его откорректировали[20]. Новый список включал 70 профессий и производств в 12 отраслях (были добавлены отдельные профессии и производства кожевенной и мясо-консервной отраслей, кроме того, транспортная отрасль пополнилась профессиями «местного транспорта»). В обновлённом списке отсутствовали некоторые профессии из списка 1930 г., т.е. разрешёнными стали, например, работы с пневматическими ручными инструментами (заклёпка, чеканка, сверловка, рубка, работа с зубилом), горячие работы и клёпка в котельном производстве (за исключением нагревания заклёпок), работы по травке и по сушке квашеной проволоки — при отсутствии рациональной вентиляции и пр. Но в то же время в нём устанавливался запрет на применение труда женщин в ряде новых профессий и производств, например, он стал включать шофёров на грузовых машинах с тоннажем, превышающим 2,5 т и автобусов с количеством мест свыше 14, варку асфальта, рытьё колодцев, камнебойные работы, корчёвку корней деревьев, работу по очистке сети канализации и пр.

Кроме того, были утверждены дифференцированные по признаку пола нормы переноски и передвижения тяжестей. В соответствии с этими нормами женщины старше 18 лет теперь могли переносить по ровной поверхности вручную грузы весом до 20 кг, перевозить на одноколёсных тачках грузы до 50 кг, на трёх- или четырёхколесных ручных тележках —

---

[17] Об очередных задачах партии по работе среди работниц и крестьянок (Из постановления ЦК ВКП(б) от 15 июня 1929 г.) // Известия ЦК ВКП(б) от 13 июля 1929 г. Электронная библиотека исторических документов. http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136545 (дата обращения: 05.07.2023).

[18] Положение о пенсиях и пособиях по социальному страхованию // Собрание законов и распоряжений Рабоче-Крестьянского Правительства СССР за 1930 год. С. 220–228. Электронная библиотека исторических документов. http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/352002-postanovlenie-tsentralnogo-ispolnitelnogo-komiteta-i-soveta-narodnyh-komissarov-polozhenie-o-pensiyah-i-posobiyah-po-sotsialnomu-strahovaniyu-13-fevralya-1930-g (дата обращения: 05.07.2023).

[19] Народный комиссариат труда СССР Постановление от 17 мая 1930 г. №177 «О запрещении женского труда на особо-тяжёлых и вредных работах и профессиях, к которым не допускаются женщины». Е-ДОСЬЕ. https://e-ecolog.ru/docs/LcOUJwnvVJuSDvHD7Mvo0/1 (дата обращения: 05.07.2023).

[20] Народный комиссариат труда СССР. Постановление от 10 апреля 1932 г. №118 «Об утверждении нового списка особо тяжёлых и вредных работ и профессий, к которым не допускаются женщины». Е-ДОСЬЕ. https://e-ecolog.ru/docs/XYHa-tLCopmowiDHrPzd1 (дата обращения: 05.07.2023).

грузы до 100 кг, в вагонетках — до 600 кг[21]. Для взрослых грузчиков-мужчин предельная норма переноски тяжести равнялась 80 кг. Для перемещения грузов весом 80–500 кг грузчикам должны были предоставляться простейшие приспособления: тачки, тележки и пр., для грузов весом 500 кг и более — специальные механические приспособления: лебёдки, домкраты, подъёмные краны и др.[22]

О том, насколько перечисленные ограничения реально выполнялись и влияли на отраслевую и гендерную профессиональную и отраслевую сегрегацию сказать трудно, поскольку необходимая статистика отсутствует.

В 1936 г. была принята новая Конституция СССР, в которой ст. 122 подтверждала равные права женщин и мужчин. Возможность осуществления этих прав обеспечивалась предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов. При этом статья законодательно закрепляла только женщину в качестве единственного адресата государственной поддержки родительства, многодетных и неполных семей. Развитие этого подхода к отцовству и материнству в будущем приведёт к росту скрытой дискриминации женщин в сфере занятости.

Выравниванию положения женщин и мужчин в сфере труда должна была способствовать начавшаяся в эти годы работа по массовому и приоритетному вовлечению женщин в профессиональное обучение всех уровней. Несмотря на повышение уровня грамотности среди женского населения (в 1926 г. среди женщин в возрасте 9–49 лет грамотными были только 42,7%, а в 1939 г. — уже 83,4%[23]), отставание женщин от мужчин в уровне образования оставалось острейшей проблемой. В 1918 г. была сделана попытка введения для всех граждан старше 16 лет вне зависимости от пола права вступить в число слушателей любого высшего учебного заведения[24]. Впрочем, это начинание не продержалось и двух лет и закончилось принятием решения о приёме только лиц, имевших определённый запас знаний, при этом также оговаривалось равенство. Однако значимых сдвигов в сокращении уровней образования женщин и мужчин это не принесло.

В результате при трудоустройстве женщины, обладающие меньшим, чем мужчины, уровнем образования, в своём большинстве могли претендовать только на профессии малоквалифицированного труда. Это, с одной стороны, противоречило идее их равенства с мужчинами в сфере труда, а другой — мало способствовало удовлетворению потребностей производства в квалифицированных кадрах. Для ликвидации нехватки квалифицированных кадров в стране был инициирован процесс массового вовлечения молодёжи в профессиональное образование, а особый акцент делался на привлечение девушек в обучение на все ступени профессионально-технического образования.

Специально организованное массовое вовлечение женщин в профессиональное обучение позволяло существенно снизить как горизонтальную сегрегацию учащихся (гендерно асимметричное распределение учащихся по профессиям обучения и/или отраслевой принадлежности учебных заведений), так и вертикальную сегрегацию (неравное распределение женщин и мужчин по местам получения профессиональных навыков и по местам

---

[21] Народный комиссариат труда СССР. Постановление от 14 августа 1932 г. № 145 «О предельных нормах переноски и передвижения тяжестей взрослыми женщинами». Е-ДОСЬЕ. https://e-ecolog.ru/docs/p46HkErw2h6aflVbKbqSH (дата обращения :05.07.2023).

[22] Правила об условиях труда грузчиков при погрузочно-разгрузочных работах. Утверждены НКТ СССР 20 сентября 1931 г. №254. Контент-платформа Pandia.ru. https://pandia.ru/text/79/271/34080.php (дата обращения: 05.07.2023).

[23] Женщины и дети в СССР: Стат. сб. М.: Госстатиздат, 1963. С 53. Исторические материалы. https://istmat.org/node/39787 (дата обращения: 05.07.2023).

[24] Совет народных комиссаров РСФСР. Декрет от 2 августа 1918 года «О правилах приёма в высшие учебные заведения». Исторические материалы. https://istmat.org/node/30852 (дата обращения 05.07.2023).

профессионального обучения и профессиональным учебным заведениям разного уровня). В дальнейшем это должно было соответствующим образом повлиять на профессиональную сегрегацию.

Некоторые формы низшего уровня обучения касались только женщин и их обучения только на мужские профессии. Так, получило широкое распространение обучение домохозяек профессиям мужей. В итоге разные отрасли промышленности получили тысячи новых работниц, занятых по профессиям преимущественно мужского труда. Например, во всех трестах Азнефтедобычи были созданы курсы для жён нефтяников, на которых училось 1 400 домашних хозяек [*Хасбулатова*, 2015. С. 7].

Бронирование / квотирование учебных мест для женщин в профессиональных учебных заведениях разного уровня было построено по принципу пирамиды: в учебных заведениях самого низкого уровня доля квотированных мест была самой большой, в учебных заведениях высокого уровня доля таких мест была минимальна. Но в любом случае особый акцент делался на расширение обучения женщин индустриальным профессиям, которые в эти годы были профессиями преимущественно мужского труда.

Так, в школах ФЗУ по заданию НТК СССР для женщин предлагалось бронировать 50% мест и только 25% мест на рабфаках высших технических учебных заведений. [*Хасбулатова*, 2003. С. 32]. Для более высоких уровней профессионального образования вводились свои льготные условия увеличения числа женщин среди учащихся. В 1929 г. ЦК ВКП(б) принял постановление, посвящённое бронированию учебных мест для женщин в индустриально-технических техникумах и ВТУЗах, по которому устанавливалась 25% бронь для женщин в индустриальных и сельскохозяйственных техникумах и 10% бронь среди рабфаковцев, командируемых во ВТУЗы[25].

В эти годы фабрично-заводское ученичество (ФЗУ) для подростков обоих полов было основной и стремительно расширяющейся формой подготовки для квалифицированной работы. За 1928–1931 гг. общее число учащихся в ФЗУ выросло в 2,4 раза (с 244,4 до 584,5 тыс. чел.). Но квотирование способствовало лишь небольшому росту доли девушек среди учащихся этих школ. За 1928–1932 гг. она увеличилась с 27,6 до 29,7% и оставалась ниже целевых показателей. При этом в индустриальных школах ФЗУ рост составил только 4,4 п.п. (с 27,6 до 32,0%), но зато быстро росла доля девушек в школах социально-экономического направления (с 45,0 до 80,3%) и транспортных (с 8,1 до 22,9%)[26].

В техникумах за 1930-1936 гг. доля женщин среди вновь принятых студентов увеличилась почти в полтора раза — с 33,1 до 48,1%, а среди студентов, принятых в ВТУЗы, увеличение доли женщин было ещё значительнее — в 1,8 раз (с 23,6 до 41,9%). Причём в учебных учреждениях этих уровней наибольший рост доли женщин среди студентов произошёл, как и намечалось, в традиционно «мужских» (промышленных, строительных и транспортных) техникумах и ВТУЗах. С 1930–1936 гг. доли женщин, среди всех принятых в техникумы и ВТУЗы этого профиля, выросли в 2 и 2,2 раза, соответственно (12,9 до 25,9% и 12,2 до 27,2%) (табл. 2). В то же время в ВТУЗах других профессиональных профилей доли женщин среди принятых выросли менее значительно, а в «феминизированных» медицинских учебных заведениях она даже упала.

В техникумах динамика гендерного состава принятых была несколько иная. Техникумы промышленной, строительной и транспортной принадлежности оказались единственными, где доля женщин возросла, в техникумах иной направленности она

---

[25] О броне для девушек во втузах, техникумах и рабфаках см.: Постановление ЦК ВКП(б) от 22 февраля 1929 г. // Известия ЦК ВКП(б). 20/III 1929 г., № 7. Электронная библиотека исторических документов. http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136546-o-brone-dlya-devushek-vo-vtuzah-tehnikumah-i-rabfakah-postanovlenie-tsk-vkp-b-ot-22-fevralya-1929-g (дата обращения: 05.07.2023).

[26] СССР за 15 лет: Стат. материалы по народному хозяйству. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1932. С. 316. Исторические материалы. https://istmat.org/node/22087 (дата обращения: 05.07.2023).

сократилась. Самое значимое падение значения показателя было среди медицинских учебных заведений (табл. 2), где доля мужчин среди вновь принятых на учёбу увеличилась почти в два раза (с 10,2 до 20,6%).

Таблица 2
Численность и доля женщин и мужчин, принятых во ВТУЗы и техникумы в СССР, %

	Женщины				Мужчины			
	доля среди всех поступивших		доля среди поступивших женщин		доля среди всех поступивших		доля среди поступивших мужчин	
	1930	1936	1930	1936	1930	1936	1930	1936
ВУЗы — всего	23,6	41,9	100,0	100,0	76,4	58,1	100,0	100,0
Промышленные, строительные, транспортные	12,2	27,2	28,1	17,7	87,8	72,8	62,4	34,1
Сельскохозяйственные	27,4	28,3	18,1	6,6	72,6	71,7	14,8	12,1
Социально-экономические	25,9	35,4	3,8	5,1	74,1	64,6	3,3	6,7
Педагогические, художественные	38,1	45,6	33,4	40,4	61,9	54,4	16,8	34,7
Медицинские	67,5	63,4	16,6	30,3	32,5	36,6	2,5	12,6
Техникумы — всего	33,1	48,1	100,0	100,0	66,9	51,9	100,0	100,0
Промышленные, строительные, транспортные	12,9	25,9	18,0	13,6	87,1	74,1	60,2	36,0
Сельскохозяйственные	28,0	23,9	12,3	6,9	72,0	76,1	15,6	20,3
Социально-экономические	48,2	47,1	9,3	3,8	51,8	52,9	5,0	4,0
Педагогические, художественные	55,6	53,3	46,7	37,2	44,4	46,7	18,4	30,2
Медицинские	89,8	79,4	13,7	38,5	10,2	20,6	0,8	9,2

Источник: Рассчитано автором по данным Женщина в СССР: Стат. сб. ЦУНХУ ГОСПЛАНА СССР и В/О СОЮЗОРГУЧЕТ. М., 1937. С. 122.

Разнонаправленность динамики доли женщин среди поступивших в традиционно «женские» и «мужские» профессиональные учебные заведения способствовала сближению распределений учащихся женщин и мужчин по учебным заведениям разной отраслевой принадлежности. Об этом свидетельствует индекс Дункана: за 1930–1936 гг. его значение для принятых в высшие учебные заведения сократилось с 34,4 до 23,4%, а для принятых в техникумы — с 45,5 до 36,1%. Поскольку гендерная сегрегация в системе профессионального образования является по сути дела предшественницей отраслевой сегрегации в сфере труда, то её снижение не могло не сказаться соответствующим образом и на уровне гендерной сегрегации в сфере труда.

Усилия по повышению уровня общего и профессионального образования населения, предпринимавшиеся в годы первых пятилеток, не пропали даром. Правда, в РСФСР за 1928–1941 гг. численность специалистов с высшим и средним специальным образованием среди занятых мужчин выросла более масштабно, чем среди женщин (у мужчин с 413 до 1 438 тыс. чел., у женщин с 120 до 518 тыс. чел.). Но поскольку темпы роста числа таких специалистов у женщин были выше, то выросла и их доля в общей совокупности таких

специалистов (с 29 до 36%)[27]. Произошедшие изменения помогли улучшить показатели качества занятости женщин.

В сфере труда индустриализация и коллективизация привели к грандиозным переменам в отраслевой структуре занятости и мужчин, и женщин. За 1928–1940 гг. общая численность рабочих и служащих в народном хозяйстве РСФСР выросла почти в три раза (с 7,9 до 22,2 млн чел.). Прирост численности женщин был лишь немного меньше, чем мужчин (6,9 и 7,4 млн. чел., соответственно), что существенно увеличило долю женщин среди занятых (с 26,5 до 40,7%).

В эти годы занятость выросла во всех отраслях, но по-разному. Наиболее масштабный приток рабочей силы был в промышленности, где рост числа занятых составил 5,9 млн чел. (число занятых увеличилось в 3 раза), торговле (1,6 млн чел., или в 4,7 раза) и транспорте (1,3 млн чел., или в 2,4 раза). В промышленности задача роста женской занятости, поставленная еще в первой пятилетке, была выполнена. Увеличение численности занятых в промышленности на 45% произошло за счёт женщин, и их доля среди рабочих и служащих увеличилась с 30 до 40%. В торговле рост занятых был обеспечен преимущественно за счёт женщин (54% прироста занятых), а число женщин, занятых в отрасли, увеличилось в 11 раз. Результатом стало изменение их доли среди работающих с 20 до 41%. А вот транспортная отрасль оказалась малопривлекательной для женщин; возможно, сказалось также наличие запретов на занятость женщин по целому ряду профессий этой отрасли. Доля женщин в приросте занятых составила только 35%, но их доля среди транспортников всё равно выросла с 7 до 23%. Самый быстрый рост числа занятых (в 10 раз) оказался в ЖКХ, а рост числа женщин, занятых здесь, оказался почти в два раза больше (в 19 раз), поэтому доля женщин среди работников отрасли изменилась с 22 до 43%. Снижение доли женщин среди занятых с 31 до 18% в эти годы наблюдалось только в культуре, (табл. 3).

В результате изменений, произошедших в занятости мужчин и женщин их распределения по отраслях существенно сблизились. А индекс Дункана беспрецедентно сократился с 26,3 до 17,8%.

Годы Великой Отечественной войны

Завершающий этап масштабного сокращения гендерной отраслевой сегрегации пришёлся на военные годы. Начало Великой Отечественной войны привело к кардинальному изменению ситуации в экономике и сфере занятости. В условиях мобилизации значительного числа мужчин в ряды Красной Армии и Военно-морского флота, потери части территории, проживающих на них людей и находящихся на них производств, численность только рабочих и служащих в экономике СССР сократилась в 1941 г. по сравнению с 1940 г. на 12,5 п.п. (с 31,2 до 27,3 млн чел.), а в 1942 г. по сравнению 1941 г. — ещё на 22,6 п.п. (до 18,4 млн чел.). Это сокращение произошло преимущественно за счёт уменьшения занятости мужчин. За 1940–1942 гг. среди рабочих и служащих их стало меньше на 10,7 млн чел., женщин — на 2,1 млн чел. Это означало массовое замещение женщинами рабочих мест мужского труда. Доля женщин среди рабочих и служащих СССР возросла с 38 до 53%.

В условиях катастрофической нехватки рабочих рук в стране была возрождена трудовая повинность[28]. Она касалась мужчин 16–55 лет и женщин 16-50 лет. Трудовой повинности не подлежали лишь беременные, начиная с пяти месяцев беременности, женщины, имеющие грудных детей, а также женщины, имеющие детей в возрасте до 8 лет, в случае

---

[27] Рассчитано по: Труд в РСФСР: Стат. сб. М.: ЦСУ РСФСР. 1981. С. 362

[28] Постановление СНК СССР от 10 августа 1942 г. «О порядке привлечения граждан к трудовой повинности в военное время». Исторические материалы. https://istmat.org/node/67024 (дата обращения: 05.07.2023).

Таблица 3

Динамика численности женщин и мужчин рабочих и служащих в отраслях народного хозяйства, доли женщин среди занятых в отрасли, распределения женщин и мужчин по отраслям экономики, 1928–1940 гг.

	Всего	муж.	жен	Всего	муж.	жен	Доля женщин среди занятых в отрасли, %		Распределение женщин по отраслям, %		Распределение мужчин по отраслям, %	
	1928, тыс. чел.			1940, тыс. чел.			1928	1940	1928	1940	1928	1940
ВСЕГО	7864	5779	2085	22173	13149	9024	26,5	40,7	100,0	100,0	100,0	100,0
Промышленность	3126	2180	946	9025	5411	3614	30,3	40,0	45,4	40,0	37,7	41,2
Сельское хозяйство	984	743	241	1687	1178	509	24,5	30,2	11,6	5,6	12,9	9,0
Лесное хозяйство	51	44	7	177	117	60	13,7	33,9	0,3	0,7	0,8	0,9
Строительство	552	512	40	1275	957	318	7.2	24,9	1,9	3,5	8,9	7,3
Транспорт	927	864	63	2269	1739	530	6.8	23,4	3,0	5,9	15,0	13,2
Связь	66	48	18	306	146	160	27.3	52,3	0,9	1,8	0,8	1,1
Торговля и общепит	433	346	87	2052	1087	965	20,1	47,0	4,2	10,7	6,0	8,3
ЖКХ	108	84	24	1076	611	465	22,2	43,2	1,2	5,2	1,5	4,6
Здравоохранение, физкультура, социальное обеспечение	275	96	179	935	217	718	65,1	76,8	8,6	8,0	1,7	1,7
Образование	486	197	289	1468	459	1009	59,5	68,7	13,9	11,2	3,4	3,5
Культура, искусство	29	20	9	223	183	40	31,0	17,9	0,4	0,4	0,3	1,4
Наука	62	37	25	271	155	116	40,3	42,8	1,2	1,3	0,6	1,2
Кредитование, финансы.	66	39	27	161	91	70	40,9	43,5	1,3	0,8	0,7	0,7
Аппарат органов управления	671	544	127	1137	733	404	18,9	35,5	6,1	4,5	9,4	5,6
Другое	28	16	12	111	63	48	42,9	43,2	0,6	0,5	0,3	0,5

Источник: расчёты автора по: Труд в РСФСР. Стат. сб. М.: ЦСУ РСФСР. 1981. С.22, 32.

отсутствия других членов семьи, обеспечивающих уход за ними. Женщины стали привлекаться во все без исключения профессии и на все работы, включая самые тяжёлые и вредные. Списки профессий, по которым ранее запрещалось работать женщинам, фактически больше не действовали.

Рост общего числа рабочих и служащих начался в 1943 г. Сначала он происходил только за счёт увеличения числа женщин (число мужчин снижалось и в 1943 г.). В результате в 1943–1944 гг. доля женщин среди рабочих и служащих достигла пика за всю историю фиксации показателя и составила 57%. В 1945 г. она сократилась до 55%.

При этом за военные годы общая структура занятости изменилась минимально. В 1942–1943 гг. произошло увеличение на 2–3 п.п. доли занятых в промышленности (с 39% в 1940 г. до 42% в 1943–1944 гг.) и соответствующее уменьшение доли занятых в торговле и просвещении. В дальнейшем отраслевая структура занятости практически восстановилась до довоенного вида[29].

Таблица 4

Распределение женщин и мужчин — рабочих и служащих по отраслям народного хозяйства СССР 1940–1945 гг., %

.	Женщины					Мужчины				
	1940	**1942**	**1943**	**1944**	**1945**	**1940**	**1942**	**1943**	**1944**	**1945**
Промышленность	39,4	40,4	38,4	35,4	34,4	38,3	43,8	46,0	43,0	42,0
Строительство	3,1	2,1	2,6	3,8	3,4	7,1	8,7	8,5	9,3	9,3
МТС	0,5	1,0	1,1	1,1	1,0	2,8	2,2	2,0	2,1	2,2
Совхозы	5,2	8,3	9,1	10,1	9,3	6,9	6,7	6,9	7,5	7,6
Транспорт, связь	8,2	10,0	10,7	10,5	11,0	17,6	17,6	16,9	17,6	17,9
Торговля, заготовки	8,4	7,3	6,9	7,1	7,6	9,3	7,0	5,9	5,9	6,1
Общественное питание	4,6	4,0	4,5	4,2	4,3	1,5	1,0	1,2	1,0	1,0
Здравоохранение	10,0	8,7	9,2	9,0	8,6	2,1	2,1	2,2	2,2	1,9
Просвещение, наука, культура	14,9	12,7	11,9	12,6	13,4	7,3	5,5	5,3	5,7	6,0
Аппарат органов гос. и хозуправления	5,6	5,5	5,6	6,1	6,9	7,0	5,3	5,1	5,8	6,1
Всего	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Источник: Рассчитано автором по: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. сб.. Госкомстат СССР. М.: Информационно-издательский центр, 1990. Исторические материалы (дата обращения: 24.06.2023).

А вот динамика распределений женщин и мужчин по отраслям была совершенно иной (табл. 4). На фоне стремительно сокращающегося числа занятых в промышленности введение брони для мужчин, занятых на ряде промышленных предприятий, привело среди мужчин к увеличению доли занятых в промышленности (с 38,3% в 1940 г. до 46% в 1943 г.). Кроме того, среди мужчин значительно выросла доля занятых в строительстве (на 2,2

[29] Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.: Стат. сб.. Госкомстат СССР. — М.: Информационно-издательский центр, 1990. Исторические материалы. https://istmat.org/node/350 (дата обращения: 05.07.2023).

п.п.), но сократилась в торговле и просвещении, науке, культуре (соответственно, на 3,2 и 1,3 п.п.). В остальных отраслях экономики изменения были, но не столь значительные.

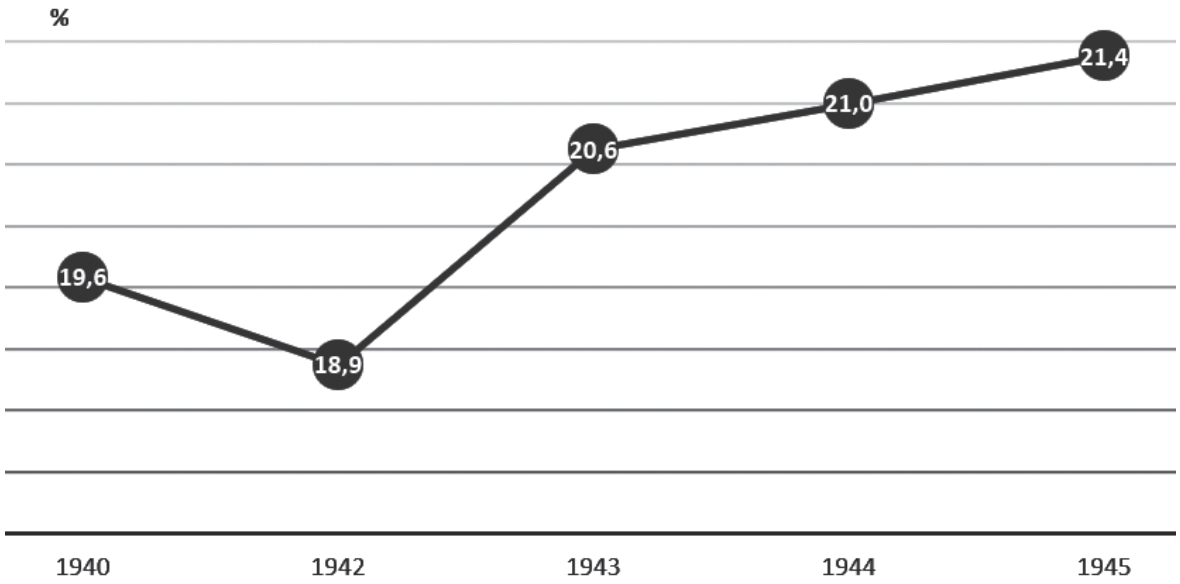


Рис. 3. Динамика индекса Дункана для распределений мужчин и женщин (рабочих и служащих) по отраслям народного хозяйства СССР (1940–1945 гг.)

Источник: расчёты автора по: Народное хозяйство СССР в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Стат. сб.. Госкомстат СССР. М.: Информационно-издательский центр, 1990. Исторические материалы. https://istmat.org/node/350 (дата обращения: 24.06.2023).

Среди работающих женщин доля занятых в промышленности кратковременно возросла только в 1942 г. (40,4%), но затем стала стремительно снижаться. И в 1945 г. она была уже существенно ниже даже её довоенного уровня (39,4% в 1940 г. и 34,4% в 1945 г.). Зато практически удвоилась доля работниц совхозов. Заметно (на 2,8 п.п.) увеличилась и доля тех, кто работал на транспорте или в связи, на 1,3 п.п. — в аппаратах государственного и хозяйственного управления. Среди женщин уменьшилась доля тех, кто работал в здравоохранении и образовании (на 1,4 и 1,5 п.п., соответственно). В остальных отраслях изменения были незначительными.

В результате расхождение между распределениями женщин и мужчин — рабочих и служащих — по отраслям экономики СССР достигло своего минимума в 1942 г. Значение индекса Дункана по этим распределениям оказалось равно 18,9% (см. рис. 3). На этом и закончилось самое значительное сокращение гендерной отраслевой сегрегации в нашей стране.

(Окончание следует)

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Айвазова С.Г. (1998). *Русские женщины в лабиринте равноправия: Очерки политической теории и истории. Документальные материалы.* [*Aivazova S. G.* (1998) Russian women in the Labyrinth of Equality (Essays on Political Theory and History. Documentary materials)]. — М.: РИК Русанова.

Гендерная экспертиза российского законодательства. (2001). [Gender expertise of Russian legislation. (2001)]. / Отв.ред. Л.Н. Завадская. — М.: Издательство БЕК.

Гендерное равенство: поиски решения старых проблем. (2003). [Gender equality: finding solutions to old problems. (2003).]. — М.: Международная организация труда.

Дискриминация в сфере труда по гендерному признаку. (2013). [Gender Discrimination in Work (2013)]. — М.: Уполномоченный по правам человека города Москвы.

Елисеева И.И. Декина М.П. (2019). Статистический анализ гендерного неравенства оплаты труда в современной России [*Eliseeva I.I., Dekina M.P.*(2019) Statistical Analysis of Gender Pay Gap in Modern-day Russia] // *Статистика и экономика.* Т. 16. № 5. С 85-93.

Как преодолеть разрыв в оплате труда мужчин и женщин. — Конфедерация труда в России. http://www.ktr.su/content/news/detal.php?ID=7194 (дата обращения: 8.07.2023).

Кашина М.А. (2009). Женщины на российской государственной гражданской службе: феминизация и воспроизводство гендерной пирамиды [*Kashina M.A.* (2009). Women in the Russian civil service: feminization and reproduction of the gender pyramid] // *Женщина в российском обществе.* №2(51). С. 13–31.

Ленин В.И. (1970). Великий почин. [*Lenin V.I.* (1970) The Great Initiative] // Ленин В.И. *Полное собрание сочинений.* Т. 39. — М.: Политиздат. С. 1–29.

Лукьянова А.Л. (2002). *Гендерный разрыв в оплате труда: за рамками декомпозиции Оаксаки — Блайндера* [*Lukyanova A.L.* (2002). Gender Pay Gap: Beyond The Oaxaca—Blinder Decomposition] Препринт WP3/2022/08 Серия WP3 Проблемы рынка труда. — М.: ИД НИУ ВШЭ. http://www.hse.ru/org/hse/wp (дата обращения: 24.06.2023).

Мальцева И.О., Рощин С.Ю. (2006). *Гендерная сегрегация и трудовая мобильность на российском рынке труда* [*Maltseva I.O., Roshchin S.Yu.* (2006). Gender segregation and labour mobility in the Russian labour market]. — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ.

Опыт КПСС в решении женского вопроса. (1981). [The CPSU's experience in solving the women's issue (1981)].— М.: Мысль.

Ощепков А.Ю. (2007). Гендерные различия в оплате труда [*Oshchepkov A.U.* (2007). Gender pay differences] // *Заработная плата в России: эволюция и дифференциация.* — М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. С. 250–297.

Рощин С.Ю., Зубаревич Н.В. (2005). *Гендерное равенство и расширение прав и возможностей женщин в России в контексте целей развития тысячелетия* [*Roshchin S.Y., Zubarevich N.V.* (2005) Gender equality and extension of women rights in Russia within millennium development goals]. — М.: Информационный центр ООН.

Савинская О.Б., Лебедева Н.В. (2020). Почему женщины уходят из STEM: роль стереотипов [*Savinskaya O. B., Lebedeva N. V.* (2020). Why Women Leave STEM: the Role of Stereotypes] // *Женщина в российском обществе.* № 2. С. 62–75.

Серебрянников Г.Н. (1934). *Женский труд в СССР* [Serebryannikov G.N. (1934). Women's labour in the USSR]. — М. — Л.: Государственное с-э издательство.

Струмилин Г.С. (1982). *Проблемы экономики труда* [Strumilin G.S. (1982). Problems of labour economics]. — М.: Наука.

Тоскунина В.Э., Кармакулова А.В. (2013). Женская занятость в регионах севера России: проблемы и пути решения [*Toskunina V. E., Karmakulova A.V.* (2013). Women's employment in the regions of the North of Russia: problems and solutions] // *Экономика региона.* № 4 (36) С. 27–35.

Хасбулатова О.А. (2003). Женщины и образование в России: исторический обзор (1860–2000 гг.). [*Khasbulatova O.A.* (2003). Women and Education in Russia: a Historical review (1860–2000)] // *Женщина в российском обществе.* №1–2. С. 31–35.

Хасбулатова О.А. (2015). Профессиональное образование мужчин и женщин в России в 1918–2015 гг.: историко-социологический анализ [*Khasbulatova O. A.* (2015). Professional education of men and women in Russia: socio-historical analysis] // *Женщина в российском обществе.* №3–4. С. 3–16.

Энгельс Ф. (1961). Происхождение семьи, частной собственности и государства в связи с исследованиями Льюиса Г. Моргана. [*Engels F.* (1961) The origin of the Family, Private property and the State in connection with the research of Lewis G. Morgan] // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения.* Т. 21. — М.: Государственное издательство политической литературы. С. 23–178.

Albæk K., Larsen M., Thomsen L.S. (2017).Segregation and gender wage gaps in the private and the public sectors: an analysis of Danish linked employer–employee data, 2002–2012 // *Empirical Economics.* 2017. Vol. 53. No. 2. Pp. 779–802.

Blau F.D., Kahn L.M. (2016). The Gender Wage Gap: Extent, Trends, and Explanations. // *NBER Working Paper*. No. 21913 January.

Баскакова Марина Евгеньевна
baskakovame@mail.ru

Marina E. Baskakova
Dr. Sci. (Econ.), Leading Researcher, Institute of Economics RAS (Moscow)
baskakovame@mail.ru

STATE REGULATION OF WOMEN'S EMPLOYMENT AND OCCUPATIONAL SEGREGATION IN THE RUSSIAN LABOUR SPHERE — 100 YEARS OF HISTORY (Part 1. 1918–1945)

Abstract. This article investigates the dynamics of gender occupational segregation, a crucial parameter that reflects the position of men and women in the workforce and significantly influences gender disparities in pay and working conditions. Over the course of our country's history, efforts have been made to reduce such segregation, highlighting the importance of collecting information to assess the effectiveness of these initiatives. The study provides a comprehensive analysis of political documents and legislative acts from both the Soviet and post-Soviet eras, aimed at promoting equal rights and, in the past three decades, equal opportunities for women and men in the labor market, which have a significant impact on gender segregation in employment. It explores the transformation of perceptions regarding the strategies, methods, and conditions necessary to achieve gender equality. In the early Soviet period, the focus was on the ideological dogmatization of maximizing women's involvement in a wide range of professions and industries. This was accompanied by labor legislation restrictions on female employment in hazardous and demanding conditions (to safeguard health) and measures to protect women during childbirth and child-rearing. During the developed socialist period, an entire system of benefits and preferences was developed to create the most favorable conditions for working women to balance their professional and family responsibilities. This included expanding the list of prohibited professions and occupations for women. In the post-Soviet era, efforts shifted toward prohibiting gender discrimination in the workplace. Labor legislation was transformed to ensure that rights, benefits, and preferences related to child-rearing and care were assigned to both mothers and fathers with family responsibilities. Rights, benefits, and preferences related to childbirth and breastfeeding assigned solely to mothers. Restrictions on female employment in hazardous and strenuous conditions have been reduced, and in some cases, these restrictions have been seen as discriminatory. Additionally, the article analyzes the dynamics of gender differences in the occupational structure of employment for women and men, drawing on historical and contemporary statistics. It reveals that despite changes in the regulation of women's work, their distribution across sectors has consistently differed significantly from that of men. However, a period from the late 1920s to the post-war years stands out as a period of substantial reduction in gender occupational segregation. Subsequently, there was a gradual increase in the level of segregation, which continued with minor fluctuations in subsequent years. The empirical basis for this study relies on data from the Central Statistical Office of the Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR) and Rosstat. The statistical analysis of gender segregation dynamics in this study employed the Duncan index, which quantitatively assesses and compares differences between the distributions of women and men across sectors and types of economic activity.

Keywords: *gender segregation, women, men, human potential, equality, education, employment, labor market.*
JEL: J16, J21, J71, J78.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ

В.Л. Степанов
д.и.н., ведущий научный сотрудник, Институт экономики РАН (Москва)

ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА 1993 г. В МЕМУАРИСТИКЕ И НАУЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аннотация. В статье дан обзор мемуарной и научной литературы, в которой приводятся различные мнения о денежной реформе 1993 г., осуществлённой в форме обмена старых, преимущественно советских денег, на новые российские банкноты. Одни авторы вообще не считают эту меру реформой, характеризуют её как проявление монетаристского курса правительства, как неудачную по замыслу, организации и результатам инициативу Центробанка, проведённую в режиме «шоковой терапии» без учёта общего состояния народного хозяйства, или как стремление консервативных сил взять реванш у либеральных реформаторов. Однако некоторые другие экономисты рассматривают обмен 1993 г., в сочетании с законом 25 сентября 1992 г. о введении российской валютной единицы, как полноценную реформу, как закономерный шаг, позволивший отделить денежную систему России от бывших союзных республик, покончить с дальнейшим существованием разорительной для страны рублёвой зоны и укрепить экономический суверенитет государства. Вместе с тем все исследователи сходятся в том, что реформа 1993 г., которая должна была также остановить прогрессирующую инфляцию и создать предпосылки для упорядочения денежного обращения, не дала ожидаемого эффекта. Обмен банкнот не был подкреплен последующими рациональными действиями государственной власти, и это, в конечном итоге, привело к дефолту 1998 г.

Ключевые слова: *экономическая история Российской Федерации, финансы, кризис, эмиссия, инфляция, денежная реформа, обмен денег.*

JEL: G28, N24, P21, P34

УДК: 338 (091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_147_156

© В.Л. Степанов, 2023
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Степанов В.Л.* Денежная реформа 1993 г. в мемуаристике и научной литературе // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 147–156. DOI: 10.52342/2587- 7666VTE_2023_3_147_156.

FOR CITATION: *Stepanov V.* The Monetary Reform of 1993 in Memoirs and Scientific Literature // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 147–156. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_147_156.

Попытки стабилизации денежного обращения в России в 1992–1993 гг. предпринимались в экстремальных экономических и политических условиях. Страна переживала расстройство государственных финансов, гиперинфляцию, которая стимулировалась стихийно формирующимися институтами рынка и шоковой либерализацией цен, падение бюджетных доходов, кризис неплатежей и увеличение просроченной задолженности, рост дефицита товаров широкого потребления, сокращение производства, вспышки забастовочной борьбы, конфликт между законодательной и исполнительной ветвями власти. Крушение СССР в 1991 г. поставило на повестку дня вопрос о дальнейшем существовании рублёвой зоны. С одной стороны, была налицо тенденция сохранения единого валютного пространства, чтобы не разрушать связи между бывшими республиками, а с другой — наблюдалось стремление последних не только к политической, но и к экономической само-

стоятельности. Это привело к тому, что почти все они в 1992–1993 гг. или анонсировали, или начали переход к национальным денежным единицам.

Тем временем на территории бывшего СССР, раздробленной на полтора десятка независимых государств, сохранялась видимость единого денежного механизма с использованием в расчётах между предприятиями и хозяйственными организациями валюты уже не существующей страны. Рублёвая наличность продолжала бесплатно и без ограничений поступать в бывшие союзные республики, которые к тому же широко пользовались правом безналичной денежной эмиссии. Для России подобная практика приводила к получению взамен поставляемых товаров ничем не обеспеченных «пустых» рублей, что способствовало усилению инфляционного давления на экономику. Самостоятельно устанавливаемые странами СНГ разные нормативы ценового, бюджетного, налогового и банковского законодательства фактически превращали внешне общий рубль в совокупность его национальных разновидностей, одинаковых лишь по названию, но разных по режиму обращения и покупательной способности. Эти несоответствия обрекали на неудачу проходившие в 1992–1993 гг. переговоры с республиками о единой «рублёвой зоне нового типа».

Поэтому правительство РФ приняло меры для обособления национальной валюты. 25 сентября 1992 г. последовал закон №3537-1 «О денежной системе Российской Федерации», на основании которого в обращение был введён новый российский рубль, отменено его официальное соотношение с золотом и другими драгоценными металлами, эмитентом объявлен Банк России (Центробанк), установлены принципы эмиссии денег, виды законных платежных средств, статус банкнот и монет как безусловных обязательств Банка и др. На основании этого закона были выпущены банкноты достоинством 5 000 и 10 000 руб., уже без советской символики. Следующим шагом стала реформа, условия которой излагались в телеграмме Центробанка от 24 июля 1993 г. №131-93 за подписью его председателя В.В. Геращенко. С 26 июля прекращалось обращение на всей территории Российской Федерации государственных казначейских билетов СССР, билетов Государственного банка СССР и банкнот Банка России образца 1961–1992 гг. Они подлежали обмену в течение двух недель в учреждениях Сбербанка на новые банкноты образца 1993 г., причём лимит был установлен в размере 35 тыс. рублей на человека, а более крупные суммы подлежали зачислению на депозиты сроком на шесть месяцев.

Это распоряжение вызвало сильную тревогу среди населения, а средства массовой информации всех направлений набросились на правительство с обвинениями в попытке в очередной раз ограбить население. Настоящий скандал разразился и в высших сферах власти. Министр финансов Б.Г. Федоров, в то время находившийся в США, выступил с публичным заявлением, в котором резко открестился от объявленной меры и потребовал немедленной отставки В.В. Геращенко. Правительству пришлось отступить, чтобы избежать ещё более сильного взрыва общественного недовольства. 26 июля был обнародован указ президента РФ Б.Н. Ельцина №1107 «Об обеспечении нормального функционирования денежной системы Российской Федерации», который увеличил сумму принимаемых к обмену банкнот образца 1961–1992 гг. до 100 тыс. руб. на человека, причём банкноты в 10 000 руб. образца 1992 г. обменивались без каких-либо ограничений. Срок обмена был продлён до конца августа, а в дальнейшем даже до конца года, но с оговоркой, что с 1 октября он допускается только при предъявлении документов, подтверждающих его невозможность в более ранний период.

Как вспоминал Б.Н. Ельцин, за полтора месяца до этих событий на его встрече с председателем правительства РФ В.С. Черномырдиным, Б.Г. Федоровым и В.В. Геращенко была достигнута договоренность, что все финансовые проблемы будут решаться согласованно. Позднее президент узнал от В.С. Черномырдина о предстоящем обмене денег, причём не было сомнений в поддержке этой меры со стороны министра финансов, так как он всегда высказывался за собственную рублёвую зону, и В.В. Геращенко считал его в этом

вопросе своим союзником. Ельцин предполагал, что «граждане страны легко и непринужденно простятся со старыми деньгами, с портретами Ленина, и радостно перейдут на новые купюры с российским флагом». Несмотря на провал этих ожиданий и сомнительные результаты реформы, президент дал ей весьма положительную оценку: «И всё же акция с обменом денег принесла свои плоды. В августе — сентябре — октябре курс рубля перестал падать. Начались не скачкообразные, на десятки процентов, а нормальные колебания. Появились надежды на то, что инфляция (а соответственно и падение производства) станет хотя бы управляемой, что её темпы можно будет сдерживать» [*Ельцин*, 2008. С. 306, 308].

По свидетельству В.С. Черномырдина, вопрос об обмене денег был решён на совещании с участием его самого, Б.Н. Ельцина, Б.Г. Федорова и В.В. Геращенко. Необходимость этой меры диктовалась тем, что национальные банки бывших советских республик требовали от Центробанка РФ «во имя дружбы и сохранения СНГ» как можно больше наличности, и в итоге советские рубли «давили» на внутренний рынок, многократно увеличивая инфляцию. Руководство рассчитывало, что реформа пройдет не как «павловская», а «спокойно и без эксцессов», но всё получилось иначе: «Было объявлено, что менять будут только по 30 тыс. и в ограниченное время. А лето, люди в отпусках. Народ взбаламутили, кругом паника, возмущение. Пришлось принимать срочное решение: и сроки увеличивать, и суммы обмена». Именно по поводу этой реформы В.С. Черномырдин произнес свою знаменитую фразу «Хотели как лучше, а получилось как всегда!» [*Черномырдин,* 2013. С. 212, 213].

Б.Г. Федоров в своих мемуарах утверждал, что обмен банкнот без какой-либо предварительной договоренности с ним был инициирован В.В. Геращенко, заручившимся согласием Б.Н. Ельцина и В.С. Черномырдина. Бывший министр финансов вообще осудил монетаристские увлечения правящей элиты, отметив характерное для СССР и России «полумистическое отношение к денежной реформе как средству решения всех проблем». Он указал на печальный опыт «павловской» реформы 1991 г., проведённой по распоряжению премьер-министра В.С. Павлова тем же В.В. Геращенко, который не учёл уроков прошлого и повторил прежние ошибки. По его словам, председатель Центробанка, снабжал бывшие советские республики деньгами в неограниченном количестве, и эта «безумная акция» понадобилась ему, чтобы прикрыть свою «неблаговидную» деятельность. «Результатом обмена денег были психоз и паника в стране, — писал Б.Г. Федоров. — Огромные очереди в банках. Все, у кого были наличные деньги, в тот день кинулись делать закупки любой ценой, и розничные цены взлетели, сведя в значительной степени на нет усилия шести предыдущих месяцев. До сих пор никто так и не ответил за совершенную глупость, нанесшую гигантский материальный урон нашему государству» [*Федоров,* 2010. С. 116–119].

В.В. Геращенко предполагал, что по какой-то причине В.С. Черномырдин не сообщил Б.Г. Федорову о готовившемся обмене банкнот, хотя эта мера предварительно обсуждалась на заседании правительства, и в итоге получился «конфуз». При этом председатель Центробанка упрекнул министра финансов в отсутствии «дипломатичности» при выступлении в США. Как отмечал В.В. Геращенко, цель реформы заключалась в том, чтобы в финансовом отношении отделиться от стран, ранее входивших в состав СССР. Он объяснил причину жёстких условий операции, изложенных в телеграмме от 24 июля 1993 г.: «Мы исходили из того, что в 1961 году, когда производился обмен всех денег, было установлено, что старые и новые дензнаки будут иметь хождение три месяца. Но население тогда сдало старые деньги за три с половиной недели. Поэтому мы посчитали, что на этот раз успеем произвести обмен за две недели». Несмотря на все издержки реформы, В.В. Геращенко указал на её пользу с точки зрения разработки «технологии» подобных акций [*Кротов*, 2011. С. 248–250].

Е.Т. Гайдар, в тот момент консультант Б.Н. Ельцина по экономическим вопросам, впоследствии писал, что правительство объявлением об обмене денег ударило всех «как обухом по голове». Он назвал «несусветной ерундой» заявление Центробанка о необхо-

димости защититься от «рублёвой интервенции» республик, поскольку по инициативе В.В. Геращенко российская наличность ранее отправлялась в них целыми вагонами. Назревшая проблема требовала тщательного урегулирования и переговоров со странами СНГ, а не каких-либо скоропалительных мер. «Совершенно ясно, что неизбежный результат при любых ограничениях вызовет массовый сброс денег в Россию и панические закупки всех товаров, ускорение инфляции, удар по рынку, — вспоминал Е.Т. Гайдар. — Ну, и ко всему тому — людские нервы, испорченные отпуска, очереди в сберкассы — всё до боли напоминает павловскую денежную реформу января 1991 года». По его свидетельству, он попытался, по крайней мере, уменьшить «социальные издержки» этой финансовой операции и сумел убедить президента увеличить сумму, подлежащую обмену, продлить его сроки и оставить пока в обращении старые мелкие купюры, что получило отражение в указе от 26 июля. Однако это не смогло компенсировать понесённый экономический и политический ущерб [*Гайдар,* 1997. С. 451–453].

В научной литературе эта денежная реформа оценивалась неоднозначно. В январе 1994 г. в первом номере журнала «Вопросы экономики» был опубликован аналитический обзор деятельности Министерства финансов за прошлый год, составленный под руководством Б.Г. Федорова. В нём разъяснялось, что обмен банкнот осуществлялся Центробанком без согласования с финансовым ведомством, вопреки прежним договоренностям о постепенном изъятии дензнаков старого образца до конца года. Это мероприятие имело «шоковый» характер, было слабо подготовлено технически, вызвало сильный всплеск инфляции, дестабилизацию курса рубля, усилило политическую напряжённость в обществе и подорвало веру населения в дееспособность исполнительной власти. Кроме того, был проигнорирован закон, по которому банкноты являлись безусловными обязательствами Центробанка и обменивались без каких-либо ограничений, а также в одностороннем порядке без всякого предупреждения были нарушены обязательства перед странами СНГ. В обзоре подчёркивалось, что политика руководства ЦБ не соответствовала поставленной цели — отсечь избыточную рублёвую массу, обращавшуюся в странах СНГ, и окончательно отделить от них денежную систему России. Даже после проведения обмена банкнот состоялась отправка значительного объёма наличности образца 1993 г. в Узбекистан, начались переговоры о создании «рублёвой зоны нового типа» с бывшими союзными республиками, причём В.В. Геращенко неизменно выражал готовность к объединению с ними на очень льготных условиях [*Российские финансы*…, 1994. С. 54, 55].

По мнению Ю.П. Бокарева, реформа была проведена в соответствии с планом, принятым правительством В.С. Черномырдина под давлением монетаристки настроенных политиков и экономистов, призывавших к борьбе с инфляцией путём сокращения субсидий предприятиям и увеличения налогообложения дополнительных заработков населения. Однако попытка прекратить приток в Россию не обеспеченных товарами бумажных денег из других стран СНГ не увенчалась успехом и не способствовала укреплению рубля. На деле она привела к серьёзным межгосударственным конфликтам, для разрешения которых пришлось передать часть новых банкнот Казахстану и Беларуси. Вся вторая половина 1993 г. прошла в бесплодных совещаниях по вопросу о создании рублёвой зоны нового типа под руководством Центробанка РФ. В конечном итоге рубль как платёжное средство на территории бывших союзных республик прекратил своё существование [*Бокарев,* 1994. С. 312; *Бокарев,* 2011. С. 428, 431].

Шведский экономист А. Ослунд, советник Е.Т. Гайдара в 1991–1994 гг., назвал инициативу В.В. Геращенко «типично советским мероприятием, не продуманным с точки зрения закона и последствий для населения», напоминающим такую же «деструктивную и вредную для экономики» денежную реформу 1991 г. По его словам, в обмене банкнот не было никакого смысла, так как руководство Центробанка выступало за сохранение рублёвой зоны и до последней минуты настаивало на выделении бывшим республикам

большого количества наличности без всяких условий. А. Ослунд считает, что предпринятая мера была продиктована в первую очередь политическими мотивами — В.В. Геращенко и его единомышленники в сговоре с Верховным Советом РФ хотели подорвать позиции президента и правительства. Обмен денег ознаменовал собой конец наступления либеральных сил и начало консервативного реванша, продолжавшегося до роспуска парламента 21 октября 1993 г. Кроме того, Центробанк рассчитывал подчинить своему влиянию страны СНГ, которые еще оставались в рублёвой зоне. В итоге внезапная и заранее не согласованная демонетизация советского рубля подорвала доверие населения к национальной валюте, правительству и государственным институтам, а также ввергла в полный хаос экономики бывших республик, продолжавших использовать старые банкноты [*Ослунд,* 1996. С. 164–166].

В 2003 г. в связи с 10-летием реформы Финансовой академией при Правительстве Российской Федерации совместно с Институтом экономики РАН было проведено заседание «Круглого стола», в котором приняли участие более 80 специалистов (учёных и практиков) из различных государственных и научных учреждений [*Андрюшин, Красавина,* 2003. С. 66–72]. В.С. Бард во вступительном слове заявил, что выбор темы для дискуссии обусловлен не только «юбилеем» реформы, но и неясностью в определении её хронологических рамок: считать её началом 25 сентября 1992 г., когда был утверждён акт о создании национальной денежной системы России, или президентский указ от 26 июля 1993 г. об обмене старых банкнот на новые. По его свидетельству, некоторые исследователи вообще не признают это законодательство реформой, что доказывает наличие определенного застоя в изучении теории денег и денежного обращения. В.С. Бард указал также на потребность обсудить вопросы регулирования инфляции в России с учетом её специфики и с использованием мирового опыта, поскольку правительству ни в 1992–1993 гг., ни в более поздний период так и не удалось решить эту проблему [*Денежная реформа…,* 2003. С. 5–8].

В ходе обмена мнениями А.А. Хандруев, бывший заместитель председателя Центробанка, указал на объективную необходимость вынужденного и скрытого характера реформы 1993 г., проводимой в обстановке политического распада государства, экономической нестабильности, «рублёвого натиска» из бывших республик и «вымывания» товаров из России, ставшей вынужденным кредитором СССР на неформальной основе. По его словам, в подобной ситуации обмен дензнаков стал проявлением политической зрелости руководства страны и личного мужества председателя Центробанка В.В. Геращенко. Смысл этой меры, не понятый многими сторонниками рыночных преобразований и широкой общественностью, заключался во введении национальной денежной единицы как одного из важнейших признаков новой государственности. А.А. Хандруев считал, что ошибки и трудности, проявившиеся в ходе реализации реформы, были во многом учтены при деноминации 1998 г., которая осуществлялась публично и при большей поддержке действий Центробанка средствами массовой информации [*Денежная реформа…,* 2003. С. 210–211].

А.А. Полищук вообще не признала обменную операцию 1993 г. реформой. С её точки зрения, «текущий ремонт» денежной системы в постперестроечный период осуществлялся неоднократно, причём коренные изменения в этой сфере произошли в 1990 г. в связи с установлением коммерческого курса рубля к иностранным валютам и начавшейся «долларизацией» экономики. В дальнейшем последовала череда не каких-либо системных изменений, а лишь частных экстренных мер, не приводивших к позитивным результатам. Несмотря на принятие законов 25 сентября 1992 г. и 26 июля 1993 гг., бывшие союзные республики продолжали использовать старые советские и российские банкноты. Окончательный распад рублёвой зоны произошёл только после прекращения полномочий и роспуска Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. Как считает А.А. Полищук, достигнутое упорядочение денежной сферы было неустойчивым, и в дальнейшем Россия вступила в фазу депрессивной стабилизации, продолжавшейся всего два-три года. Деноминация

рубля в 1998 г. также носила незавершённый характер и стала лишь предвестницей новых экономических потрясений [*Денежная реформа…,* 2003. С. 49–60].

По мнению О.Л. Роговой, в 1990-е гг. правительство проводило монетаристский курс, характерный для слаборазвитых и развивающихся стран, что способствовало утверждению фактического произвола в денежной сфере, подавлению потенциала национальной валюты и разрушению основ её устойчивости. Это, в свою очередь, привело к деформациям и структурным перекосам системы денежного обращения, установлению режима бесконтрольного присвоения собственности, запуску механизма выведения отечественного капитала не только из производственной сферы, но и вообще за границу. В подобной ситуации законы 1992–1993 гг. по основным существенным признакам не соответствуют понятию «денежная реформа», поскольку их реализация по сути представляла собой масштабное обесценение (нуллификацию) всего объёма эмитируемой денежной массы (долговых обязательств казны), которая являлась собственностью граждан и различных хозяйственных субъектов. Как полагает О.Л. Рогова, явная неготовность экономической среды, сама организация проведения реформы и её шоковый характер противоречат элементарным требованиям осуществления преобразований в любой сфере, причём в особой степени это относится к денежным системам, успешное функционирование которых зависит от доверия к национальной валюте и государству как гаранту её стабильности [*Денежная реформа…,* 2003. С. 33–48].

Однако Л.Н. Красавина классифицировала обмен банкнот в 1993 г. как «полную» денежную реформу (в отличие, например, от «частичной» реформы 1991 г.), начало которой было положено законом 25 сентября 1992 г., установившим правовые основы денежной системы РФ и её функционирования. Кроме отсечения части рублёвой массы, обращавшейся в бывших союзных республиках, правительство преследовало в первую очередь политическую цель — выпустить национальную валюту как атрибут нового российского государства, как символ его суверенности. Вместе с тем Л.Н. Красавина указала, что реформа 1992–1993 гг. не привела к упорядочению денежной системы, её главная задача (преодоление инфляции) не была выполнена, многие принятые правила до сих пор не соблюдаются, в частности, нарушается запрет использовать другие (кроме рубля) денежные единицы и суррогаты денег, а также осуществлять расчеты не в рублях, поскольку в стране полным ходом идет долларизация российской экономики [*Денежная реформа…,* 2003. С. 12–14; *Красавина*, 2003. С. 7–9].

Позицию Л.Н. Красавиной поддержал С.А. Андрюшин. По его словам, денежная реформа, как правило, проводится с целью нормализации денежного обращения и укрепления национальной валюты, которая должна выполнять функции масштаба цен, средств обращения и накопления. Законодательство 1992–1993 гг. вполне соответствовало этим критериям. Введённый в 1892 г. новый российский рубль стал официальной денежной единицей, отражающей на внутреннем рынке пропорции обмена товаров и услуг через систему потребительских и оптовых цен, а на внешнем — через валютный курс, формируемый рынком капитала, состоянием платёжного баланса и внешнего долга. Обмен денег в 1993 г. был обусловлен необходимостью отделения денежной системы России от бывших союзных республик, наличием в стране избыточной денежной массы и отсутствием механизма организации денежного предложения, позволяющего эффективно влиять на запас банкнот. Реформа создала необходимые условия и предпосылки для упорядочения денежного обращения, однако не дала ожидаемого эффекта. Последующие мероприятия правительства спустя пять лет привели к деноминации рубля и августовскому кризису 1998 г. [*Денежная реформа…,* 2003. С. 21–32].

По оценке С.М. Борисова, после распада СССР действия нового руководства РФ и других стран СНГ в области устройства национальных денежных систем осуществлялись бессистемно, разрозненно, без должной концептуальной проработки и подготовки,

в значительной степени стихийно и к тому же под сильным влиянием политической конъюнктуры. Долгое время среди властной элиты сохранялась иллюзия возможности дальнейшего существования суверенных государств в общей рублёвой зоне, однако в течение двух лет в полной мере выяснилась полная несостоятельность подобного замысла. Ситуация изменилась в ходе односторонней акции российского правительства в июле 1993 г. по изъятию старой советской наличности и замене её на новые банкноты ЦБ РФ: «Проведённый в грубой, нецивилизованной форме и с большими неудобствами для населения этот обмен, тем не менее, объективно способствовал чёткому размежеванию национальных экономических интересов государств — бывших республик Советского Союза с соответствующим обеспечением экономических позиций России в отношениях со странами ближнего зарубежья». Автор особо отметил, что реформа 1993 г., окончательно превратившая рубль в иностранную валюту для других бывших участников рублёвого пространства, поставила на повестку дня чрезвычайно важный вопрос о разработке новой модели взаимодействия между ними в денежной сфере [*Борисов*, 2004. С. 167–171].

В.А. Воронцов в своей монографии указал на крайне тяжёлые социальные последствия обмена банкнот в 1993 г. По его мнению, эта мера на некоторое время вызвала в стране «буквально хаос», спровоцированный, по-видимому, «определёнными силами». Спекулянты сразу же стали скупать у провинциалов и командированных, оказавшихся вдали от дома, советские банкноты по цене гораздо ниже их номинальной стоимости. Кроме того, предприимчивые дельцы приобретали старые деньги за валюту по низкому курсу, а затем с большой выгодой сдавали их в банки. «Эта плохо подготовленная, недостаточно просчитанная и явно не слишком своевременная денежная реформа практически не решила ни одной из задач стабилизации финансово-экономического положения страны, — утверждал В.А. Воронцов. — Но зато она нанесла ещё один серьёзный удар по материальному положению многих россиян и по их здоровью, потому что вынужденное участие простых людей в процессе её проведения стало для них стрессом, повлекшим за собой не только дополнительные инфаркты и инсульты, но и подорвавшим остатки доверия к руководству страны» [*Воронцов*, 2009. С. 124–129].

На социально-политический аспект реформы 1993 г. обратил внимание также А.В. Шавров. Он отметил, что интересы значительной части граждан, имевших сбережения в наличных деньгах, были серьёзно ущемлены ограничительными условиями обменной операции. Это вызвало целый ряд эксцессов — панические настроения, массовые очереди в банки, проблемы со здоровьем у людей и даже факты смертных случаев. Общественное мнение резко повернулось против правительства, которое в обстановке конфликта с парламентом опасалось роста оппозиционных выступлений. Поэтому, начиная с президентского указа 26 июля, началось смягчение порядка обмена банкнот и тем самым фактическое отступление руководства Центробанка от первоначальных намерений. По мнению А.В. Шаврова, предпринятую В.В. Геращенко меру следует идентифицировать как неудачную попытку конфискационной реформы, не отвечавшей интересам населения и осуществляшейся неприемлемыми методами [*Шавров*, 2009].

Как отметил А.А. Яник, после распада СССР Россия была не в состоянии контролировать свою валюту, а бывшие советские республики, отчасти из-за слабости своих экономик, отчасти по политическим причинам, совершенно не стремились к согласованным действиям в сфере денежного обращения. В.В. Геращенко и руководство Верховного Совета РФ считали, что сохранение экономической кооперации со странами СНГ имеет большее значение, чем стабилизация денежной системы в самой России. Однако довольно скоро стало очевидно, что единственной возможностью «купировать» негативные последствия для страны «суверенной» финансовой политики государств постсоветского пространства является «национализация» рубля с целью принудить республики к введению собственных валют и установлению обменных курсов. Эту цель и преследовала реформа 1993 г., которая,

правда, была плохо подготовлена и проведена, а также носила «подчёркнуто конфискационный характер», сопровождалась скандалами, сделала президента Б.Н. Ельцина главным объектом критики и общественного недовольства [*Яник*, 2012. С. 366, 367].

Достаточно позитивно денежную реформу оценили Д.Ю. и О.Ю. Десятниченко, указав на сочетание в ней элементов конфискационного и компенсационного характера. Она достигла намеченных целей, стала важным и знаковым этапом институциональных преобразований как для России, так и для остальных государств СНГ, позволила обеспечить синхронизацию политической и правовой автономии бывших союзных республик, полученной еще в 1991 г., с утверждением самостоятельности их денежно-кредитной сферы. Несмотря на все сложности практической реализации, обмен банкнот положил конец существованию рублёвой зоны, длительное сохранение которой грозило России и странам ближнего зарубежья тяжёлыми макроэкономическими последствиями, устранил негативное влияние факторов, тормозивших процессы рыночных преобразований. По словам авторов, «именно эта реформа фактически завершила первый этап формирования финансовой системы обновлённой постсоветской России». Они особо отметили роль В.В. Геращенко в преобразовании денежной системы и учреждении национальной валюты, хотя председатель Центробанка по своим взглядам и принадлежал к сторонникам длительного сохранения рублёвой зоны [*Десятниченко*, 2020. С. 41–52; *Десятниченко,* 2022 С. 167–94].

Историографический обзор выявил существенные различия в суждениях мемуаристов и исследователей об обменной операции 1993 г. Большинство из них вообще не считают эту меру реформой, характеризуют её как следствие монетаристского курса правительства, как неудачную по замыслу, организации и результатам инициативу Центробанка, проведённую в режиме шоковой терапии без учёта общего состояния народного хозяйства, как стремление консервативных сил взять реванш у либеральных реформаторов, как попытку в очередной раз обобрать народ, провалившуюся в результате протестов широкой общественности. Однако некоторые авторы рассматривают обмен 1993 г., в сочетании с законодательством 25 сентября 1992 г. о российской валютной единице, как полноценную реформу, как закономерный шаг, позволивший «автономизировать» денежную систему России, покончить с дальнейшим существованием разорительной для страны рублёвой зоны и укрепить экономический суверенитет государства. Вместе с тем все исследователи сходятся в том, что акты 24–26 июля 1993 г., которые должны были остановить прогрессирующую инфляцию и создать предпосылки для упорядочения денежного обращения, не дали ожидаемого результата. Они не были подкреплены последующими рациональными действиями правительства, и это, в конечном итоге, привело к дефолту 1998 г.

На наш взгляд, точка зрения меньшинства экономистов представляется более сбалансированной. После политического распада СССР реформа 1992–1993 гг. выполнила назревшую задачу утверждения национальной валюты, однако по ряду причин (монетаристские методы проведения, неблагоприятные хозяйственные условия, крупные просчёты в политике государственной власти) не смогла стать средством оздоровления денежного обращения и финансовой системы в целом.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Андрюшин С.А., Красавина Л.Н. (2003). Денежная реформа 1992–1993 годов и проблемы регулирования инфляции в России. (По материалам заседания за «Круглым столом», проведённого Финансовой академией при Правительстве Российской Федерации совместно с Институтом экономики РАН). [*Andryushin S.A., Krasavina L.N.* (2003). The Monetary Reform of 1992–1993 and the Problems of Inflation Regulation in Russia (According to the «Round Table» Meeting Conducted by the Financial Academy under the Government of the Russian Federation in conjunction with the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences)] // *Деньги и кредит*. №8. С. 66–72.

Бокарев Ю.П. (1994). Рубль в условиях радикальной реформы: 1992–1994 гг. [*Bokarev Yu.P.* (1994). The ruble under radical reform: 1992–1994] // *Русский рубль. Два века истории. XIX–XX* вв. — М.: Прогресс-Академия. С. 296–314.

Бокарев Ю.П. (2011). Рубль после распада СССР (1992–2009 гг.) [*Bokarev Yu.P.* (2011). Ruble after the collapse of the USSR (1992–2009)] // *История денежного обращения России*: в 2 т. Т. 1: Деньги России с древнейших времен до наших дней. — М.: ИНТЕРКРИМ-ПРЕСС. С. 421–458.

Борисов С.М. (2004). *Рубль — валюта России*. [*Borisov S.M.* (2004). The Ruble is the currency of Russia]. — М.: Консалтбанкир.

Воронцов В.А. (2009). *Новейшая история России: шоки без терапии эпохи Ельцина.* [*Vorontsov V.A.* (2009). Recent History of Russia: Shocks Without Therapy of the Yeltsin Era]. — М.: Академический проект.

Гайдар Е.Т. (1997). Дни поражений и побед. [*Gaidar E.T.* (1997). Days of defeats and victories] Сочинения в 2 т. Т.1. — М.: «Евразия».

Денежная реформа 1992–1993 г. и проблемы регулирования инфляции в России: Материалы «Круглого стола», проведенного Финансовой академией при Правительстве Российской Федерации совместно с Институтом экономики Российской академии наук 28 января 2003 г. (2003). [Monetary reform of 1992–1993 and problems of inflation regulation in Russia. Materials of the «Round Table» held by the Financial Academy under the Government of the Russian Federation jointly with the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences on January 28, 2003. (2003)]. — М.: Институт экономики РАН.

Десятниченко Д.Ю., Десятниченко О.Ю. (2020). *Денежно-кредитная политика России в 1990-х гг.* [Desyatnichenko D.Yu., Desyatnichenko O.Yu. (2020). Monetary policy of Russia in the 1990s.]. — СПб.: Астерион.

Десятниченко Д.Ю., Десятниченко О.Ю. (2022). Вынужденная необходимость: денежная реформа 1993 г. [*Desyatnichenko D.Yu., Desyatnichenko O.Yu.* (2022). Forced Necessity: The 1993 Monetary Reform] // *Денежная система России: становление через реформы* / под ред. М.Н. Конягиной. — СПб.: ИПЦ СЗИУ РАНХиГС. С. 162–175.

Ельцин Б.Н. (2008). *Записки президента: Размышления, воспоминания, впечатления*. [*Yeltsin B.N.* (2008). President's Notes: Reflections, memories, impressions]. — М.: РОССПЭН.

Красавина Л.Н. (2003). Денежная реформа 1992–1993 гг. и регулирование инфляции в России: теоретическая основа [*Krasavina L.N.* (2003). Monetary reform 1992–1993 and regulation of inflation in Russia: the theoretical basis] // *Вестник Финансовой академии.* № 3. С. 5–13.

Кротов Н.И. (2011). *Путь Геракла: история банкира Виктора Геращенко, рассказанная им Николаю Кротову.* [*Krotov N.I.* (2011). The Way of Hercules: the story of banker Viktor Gerashchenko, told by him to Nikolai Krotov]. — М.: Эксмо.

Ослунд А. (1996). Россия: рождение рыночной экономики. [*Åslund A.* (1996). Russia: the birth of a market economy]. — М.: Республика.

Российские финансы в 1993 году. (1994). [Russian finance in 1993 (1994)] // *Вопросы экономики.* № 1. С. 4–85.

Федоров Б.Г. (1999). *10 безумных лет. Почему в России не состоялись реформы.* [*Fedorov B.G.* (1999). 10 crazy years. Why reforms did not take place in Russia]. — М.: Коллекция «Совершенно секретно».

Черномырдин В.С. (2013). Мемуары: в 3 т. *Т. 2. Народный премьер, 1990–1998.* [*Chernomyrdin V.S.* (2013). Memoirs: in 3 volumes. Vol. 2: People's Premier, 1990–1998.]. — М.: АНО «Музей В.С. Черномырдина».

Шавров А.В. (2009). О несостоявшейся денежной реформе 1993 года. [*Shavrov A.V.* (2009). On the failed monetary reform of 1993] // *Юриспруденция*. № 14. С. 89–94.

Яник А.А. (2012). *История современной России: Истоки и уроки последней российской модернизации (1985–1999).* [*Yanik A.A.* (2012). The History of Modern Russia: The Origins and Lessons of the Last Russian Modernization (1985–1999)]. — М.: Фонд современной истории; Издательство Московского университета.

Степанов Валерий Леонидович
valerij-stepanov@mail.ru

Valerii Stepanov
doctor habilitatus in history, leading research fellow of the Institute of Economics, the Russian Academy of Sciences, Moscow

MONETARY REFORM OF 1993 IN MEMORIES AND SCIENTIFIC LITERATURE

Abstract. The article provides an overview of the memoir and scientific literature, which provides various opinions on the monetary reform of 1993, implemented in the form of the exchange of old, mainly Soviet money, for new Russian banknotes. Some authors do not consider this measure a reform at all, characterize it as a manifestation of the monetarist course of the government, as an unsuccessful initiative of the Central Bank in terms of design, organization and results, carried out in the mode of "shock therapy" without taking into account the general state of the national economy, as the desire of conservative forces to take revenge from liberal reformers. However, some other economists consider the 1993 exchange, in combination with the law of September 25, 1992 on the introduction of the Russian currency unit, as a full-fledged reform, as a natural step that allowed separating the monetary system of Russia from the former Soviet republics, ending the continued existence of a ruinous ruble zone for the country and strengthening the economic sovereignty of the state. At the same time, all researchers agree that the reform of 1993, which was also supposed to stop the progressive inflation and create prerequisites for the regulation of monetary circulation, did not have the expected effect. The exchange of banknotes was not supported by the subsequent rational actions of the state authorities, and this eventually led to the default of 1998.

Keywords: *finance, crisis, emission, inflation, monetary reform, money exchange.*
JEL: G28; N24; P21; P34.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

Е.В. Балацкий
д.э.н., главный научный сотрудник, Центральный экономико-математический институт РАН (Москва)

МЕТОД СОБЫТИЙНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ДИАГНОСТИКИ И «КИТАЙСКОЕ ПРОРОЧЕСТВО» ДЖЕКА ЛОНДОНА[1]

Аннотация. В статье рассматривается «китайское пророчество» Джека Лондона, отражённое в его рассказе 1910 г. «Беспримерное нашествие» («The Unparalleled Invasion»). Суть предсказания писателя сводится к столкновению в отдалённом будущем США и Китая, в результате которого китайская цивилизация будет полностью уничтожена посредством биологического оружия. Эпидемия коронавируса COVID-19, прокатившаяся во всему миру, начавшись в 2020 г. в китайском городе Ухань, в которой просматривается «американский след», позволяет говорить о том, что «китайское пророчество» Джека Лондона подтвердилось через 113 лет после публикации рассказа. Помимо общей фабулы сюжета, в рассказе имеется целый ряд более мелких и конкретных прогнозов, которые поражают своей точностью. Для объяснения феномена «китайского пророчества» предлагается простая модель футурологического успеха. В её основе лежит формула, согласно которой успех предсказания определяется лежащим в его основе научным методом и индивидуальной интуицией писателя. На примерах показано, что Джек Лондон действительно опирался на эти две составляющие творческого успеха. Раскрыты некоторые важные расхождения между «китайским пророчеством» и нынешней реальностью; показана роль исходных экзистенциальных установок писателя, присущих западной цивилизации, в характере прогнозов и восприятии будущих событий.

Ключевые слова: *прогнозирование, предвидение, тренды, конфликты, война.*

JEL: B31, B41

УДК: 338.27

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_157_170

© Е.В. Балацкий, 2023
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Балацкий Е.В.* Метод событийно-психологической диагностики и «китайское пророчество» Джека Лондона // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 157–170. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_157_170.

FOR CITATION: *Balatsky E.* The Method of Event-Psychological Diagnostics and the «Chinese Prophecy» by Jack London // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 157–170. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_157_170.

[1] Мнение части членов редколлегии может не совпадать с мнениями авторов работ, публикуемых журналом «Вопросы теоретической экономики».

Введение: возврат к прошлому для понимания будущего

В настоящий момент человечество переживает ужасное явление — период геополитической турбулентности. Для этого времени характерно угасание влияния старого мирового гегемона — США — на фоне усиления позиций стран, которые совсем недавно находились в тени большой международной политики. С одной стороны, начинается война всех против всех, с другой — образуется множество альянсов для сдерживания давления со стороны старого гегемона. В этот период нарастают локальные военные конфликты и, что самое главное, возникает опасность глобального столкновения цивилизаций. Неудивительно, что сейчас человечество озабочено своим будущим, и на фоне этой озабоченности множатся разные футурологические сценарии дальнейшего хода событий. Однако, несмотря на все успехи социальных наук, глобальное социальное прогнозирование до сих пор находится за пределами академического знания и по-прежнему остаётся прерогативой футурологов.

Такое положение вещей вполне естественно. Как, например, научно проверить глобальный прогноз, который простирается на 20 или даже 50 лет в будущее? Окончательная проверка возможна только по истечении этого срока, что невозможно — мы не можем ждать 20 и более лет для сопоставления прогноза и реальности. В связи с этим возникает непреодолимое желание обратиться к старым футурологическим сценариям, которые сегодня мы можем подвергнуть ретроспективной проверке.

В данной статье я хочу обратиться к футурологическому рассказу Джека Лондона «The Unparalleled Invasion», опубликованному в 1910 г. и вышедшему в России в переводах С. Займовского 1924 г. и В. Быкова 2001 г. под названием «Беспримерное нашествие», а в переводе С. Заяицкого 2008 г. как «Неслыханное нашествие». Наверное, максимально адекватным переводом на русский можно считать «Беспрецедентное вторжение», но это уже детали. В этом коротком рассказе из 15 страниц Джек Лондон поднялся на высшую ступень социальной футурологии — он предсказал глобальное столкновение США и Китая, а в более широком контексте — Запада и Востока. Раскроем подробнее эту сторону вопроса.

Дело в том, что глобальная турбулентность вошла в свою зрелую фазу в 2020 г., когда по миру прокатилась эпидемия коронавируса COVID-19, принявшая характер социальной истерии и регуляторного безумия. В 2020 г. этот проект стартовал в китайском городе Ухань и, по мнению многих аналитиков, был выпущен на свет отнюдь не китайцами, а американцами[2;3]. С этого же года начался процесс медленной деглобализации из-за санитарных ограничений между странами, а в последующие годы по нарастающей стал развиваться американо-китайский конфликт вокруг Тайваня. Этому событию предшествовало превращение в 2014 г. Китая в самую большую экономику мира, а в 2021 г. его ВВП превышал аналогичный показатель США уже более чем на 18%. Совершенно очевидно, что главным претендентом на роль нового мирового лидера, а быть может, и гегемона, является Китай. И для американского истеблишмента, и для руководства КПК всё это создает колоссальные вызовы и проблемы. Глобальное противостояние налицо[4], а способы его разрешения

---

[2] Американский след признают даже американские эксперты: См., например, *Морозов А*. Теперь официально: ковид создали в лаборатории, технологии американские // Комсомольская правда, 02.07.2022. https://www.kp.ru/daily/27413.5/4611807/ (дата обращения: 10.08.2023).

[3] Автор основывается на конспирологических версиях. Если использовать старый римский принцип «cui prodest?», то непонятно, почему страна, «выпустившая вирус на свет», понесла столь большие жертвы от пандемии. Собственно, даже само место появления вируса (Ухань? американские города?) остаётся предметом дискуссий в медицинской среде — *Прим. ред.*

[4] До появления на политической арене Д. Трампа вместо «противостояния» было принято говорить о «слишком сильной зависимости» экономик США и КНР — Роуч С. Несбалансированные. Созависимость Америки и Китая. — Изд-во Института Гайдара, 2019. — *Прим. ред.*

и окончательные результаты — неизвестны. Именно эта интрига и делает оправданным возвращение к старому рассказу Джека Лондона, где писатель дал свою версию будущего возможного конфликта.

Узловое событие означенного рассказа слишком похоже на события в Ухане 2020 г., чтобы от этого можно было просто отмахнуться. Это и создаёт главную интригу нашего анализа. И было бы крайне опрометчиво полагать, что наблюдаемые совпадения событий в Ухане и в рассказе, написанном за 110 лет до этого, носят случайный характер. Гораздо разумнее предположить, что Джек Лондон опирался на некий метод, позволивший ему осуществить поразительное предсказание, которое для краткости в дальнейшем будем называть «китайским пророчеством». Цель статьи состоит в раскрытии этого футурологического приёма Джека Лондона и его соотнесения с достижениями современной социальной науки.

Общая фабула рассказа и причины замалчивания «китайского пророчества»

В рассматриваемом рассказе Джек Лондон совершенно непостижимым образом предсказал геополитическое столкновение Китая и США, что и составляет суть «китайского пророчества». Писатель показывает подъём Китая и его превращение в мирового экономического гиганта, что становится совершенно нетерпимым для стран Запада, и прежде всего для США. Однако американские интеллектуалы не спасовали перед очередным вызовом — они разработали и провели в жизнь в одинаковой мере изощрённый и беспощадный план. Западные страны усовершенствовали в своих лабораториях болезнетворные штаммы всех мыслимых и немыслимых микробов, бактерий и вирусов, осуществили сухопутную и морскую блокаду Китая, а потом забросали его пробирками с болезнетворными бациллами, вызывающими десятки летальных заболеваний. Результат не замедлил проявиться — китайское население заражалось разными смертельными болезнями, большие скопления людей способствовали ускорению эпидемии и смерти, обширный вектор болезней не оставлял людям шанса на выживание, а блокада не позволяла китайцам покинуть территорию собственной страны. Итогом стало беспрецедентное вымирание китайской нации, после чего земли Китая были заселены мигрантами со всего мира, в результате чего осуществилось «счастливое смешение наций» [*Лондон*, 2001. С. 351].

Даже общая фабула рассказа, увидевшего свет 113 лет назад, не может не впечатлять. Подобное провидение столкновения цивилизаций достойно, по крайней мере, пристального внимания. Однако рассказ Джека Лондона «Беспримерное нашествие» совершенно не знаком не только широкому кругу людей, но и большинству активных почитателей писателя. Складывается впечатление, что это произведение автора как-то искусственно замалчивается, а ведь оно не относится к разряду посмертных или утерянных [*Быков*, 1996]. Зададимся вопросом о причинах отсутствия популярности рассказа, который по всем меркам должен быть признан гениальным. Причин тому нам видится несколько.

Во-первых, Джек Лондон — вообще писатель, которого американский истеблишмент явно недолюбливает. Он сам открыто провозглашал себя социалистом, что в самой капиталистической стране мира считается признаком дурного тона [*Балацкий*, 2019]. Например, книга очерков «Люди бездны», роман «Железная пята» и пьеса «Кража» являются ярчайшими антикапиталистическими памфлетами, а это уже само по себе непростительно. Результатом такого расхождения с официальной идеологией США вполне логично стало замалчивание писателя и принижение его достоинств. К пророчествам человека, разделяющего коммунистическую ересь, просто нельзя относиться серьёзно. По крайней мере, поднимать на флаг подобные футурологические экзерсисы писателя не стоит.

Во-вторых, в СССР, а теперь и в РФ, к Джеку Лондону сформировалось неадекватное и совершенно ошибочное отношение — он воспринимается преимущественно как представитель приключенческого жанра, как писатель для юношества. За этим искажённым образом стоит нежелание советской цензуры показывать своего (пролетарского (!)) писателя с нежелательной стороны. Этим обстоятельством, например, объясняется тот факт, что замечательный роман писателя «Мятеж на Эльсиноре» в советское время так и не был переведён. И не удивительно — в нём Лондон в такой откровенной форме стоит на позиции «белого» шовинизма, что лучше этого не показывать массам. А в рассказе «Неукротимый белый человек» он вообще откровенно воспевает гимн белой нации. По мнению Дж. Лондона, Белый Человек покорил мир, немного расслабился и вырождается, но если понадобится, то снова покорит уже нынешний, сильно исковерканный мир. Такие взгляды, которые в полной мере характерны и для рассказа «Беспримерное нашествие», для коллективистского Советского Союза были явно неприемлемы.

В-третьих, «китайское пророчество» писателя относится к разряду неполиткорректных — для всех идеологических течений современности. Как было сказано выше, истеблишмент Запада недолюбливает Джека Лондона за социалистические идеи и критику капитализма, в странах социалистической ориентации его побаиваются из-за его расистской риторики, а в современном мире он становится неугоден практически всем по причине излишней откровенности своих взглядов в отношении острых вопросов столкновения цивилизаций. Как, например, китайцы должны воспринять рассматриваемый рассказ, в котором моделируется тотальное уничтожение Западом китайской цивилизации? Не является ли откровенным издевательством его описание бомбардировки Поднебесной, когда сторонний зритель мог бы увидеть, «что улицы кишат болтливыми желтокожими зрителями, что каждая голова с косой запрокинута назад, и все косые глаза устремлены в небо» [*Лондон*, 2001. С. 347]? Даже для сегодняшней демократической Америки такие пассажи оказываются слишком циничными. Сказанное ещё больше усугубляется и без того напряжёнными отношениями между США и Китаем, между Западом и Не-Западом.

Все перечисленные обстоятельства предопределили тот синдром забвения, который наблюдается на протяжении десятилетий в отношении «китайского пророчества» американского писателя.

Свод откровений «китайского пророчества»

Рассказ Джека Лондона «Беспримерное нашествие» наполнен множеством конкретных откровений. Остановимся на некоторых из них подробнее.

1. *Столкновение США и Китая.* Рассказ начинается с итогового политического диагноза: «В 1976 году конфликт между Китаем и остальным миром достиг высшей точки» [Там же. С. 336]. Главным выразителем интересов «остального мира» являются США, следовательно, возникший конфликт — прежде всего конфликт между США и Китаем. Уже в 1910 г. Лондон понимал, что, выражаясь метафорой Оливера Генри, «Боливар не выдержит двоих» («Bolivar cannot carry double») [*Генри*, 2014][5]. Мировая система функционирует в режиме моноцентричности, а потому два равносильных государства-гиганта не могут мирно уживаться — одно из них рано или поздно должно уступить другому; иного не дано. Но здесь важнее другое — писатель прекрасно осознавал, что власти и даже конкретные жители Америки никогда не смирятся с поражением, они пойдут на всё, чтобы отстоять

[5] Нельзя не отметить забавное совпадение: рассказ О. Генри «Дороги, которые мы выбираем» («Roads We Take»), в котором была озвучена историческая фраза, был написан в 1910 г. — одновременно с рассказом Джека Лондона.

свою гегемонию. Сегодня это пророчество идеально сбывается, а ведь тогда США ещё ни разу ни с кем не воевали, если не считать старую и непоказательную войну с Мексикой. Тем не менее Джек Лондон сумел разглядеть непримиримость американского истеблишмента в отстаивании своих интересов.

2. *Главное оружие Китая — демография и экономика.* В своём рассказе писатель поразительно точно предсказал механизм подъёма Китая. Его вердикт предельно ясен: «Вопреки ожиданиям, Китай не обнаружил воинственности… люди пришли к убеждению, что Китая надо бояться не в войне, а в торговле… Настоящая опасность крылась в плодовитости китайского населения» [Там же. С. 341]. И это опять поразительно, ибо в 1910 г. Китай ещё не начал никакой серьёзной модернизации и движения к своему нынешнему могуществу. Джек Лондон просто не мог знать о будущей стратегии Китая даже в её самой зачаточной форме, но он её всё-таки предсказал[6].

3. *Политическая близорукость США в отношении Китая.* Исходным пунктом «китайского пророчества» является тот факт, что руководство стран Запада во главе с США банально проспало подъём китайской цивилизации. Об этом свидетельствуют саркастические замечания писателя: «…никто тогда не догадался, где кроется истинная опасность» [Там же. С. 341]. Таким образом, подъём Поднебесной оказался возможным только благодаря политической близорукости политических архитекторов Запада и в первую очередь США. Но именно это и произошло в конце XX и начале XXI вв.! Почему же так слеп оказался Западный Мир? И Джек Лондон даёт простой, но поразительно точный ответ на этот вопрос: «…в то время как западные народы ссорились и дрались и пускались в мировые авантюры друг против друга, Китай спокойно продолжал трудиться у своих станков и размножаться» [Там же. С. 342]. И этот вердикт опять-таки поражает воображение, если вспомнить, что в 1910 г. ещё не было никаких мировых войн и планета ещё не умылась кровью будущих столкновений западных государств.

4. *Анатомия пробуждения Китая.* Поразительно точный диагноз даёт Лондон и в отношении истоков подъёма китайского дракона. По его версии, началом этого процесса стала русско-японская война 1904 г., в которой Япония одержала победу над Российской Империей. Впервые в Новой истории восточная страна смогла не просто бросить вызов западному соседу, но и победить его. Футурологическая экстраполяция Лондона приводит к последующему захвату Японией Китая и его приобщению к достижениям западной цивилизации. Сама же Япония «быстро усвоила западные идеи, переварила и так умело использовала их, что неожиданно выступила во всеоружии мировой державы» [Там же. С. 337]. Причём этот казус эволюции Страны Восходящего Солнца писатель списывает на бесконечные социальные мутации в обществе: «Трудно найти объяснение этой особенной восприимчивости Японии к чуждой культуре Запада, так же трудно было бы объяснить какую-нибудь биологическую игру природы в животном царстве» [Там же. С. 337]. Но в целом диагноз абсолютно верен.

Сегодня мы знаем то, как история откорректировала прогноз писателя: подъём Китая стал возможен благодаря трём реперным историческим точкам. Первая — демонстрация Японией способности восточного государства вобрать в себя западную культуру

---

[6] Абзац содержит сразу два ошибочных утверждения автора: 1) уже в 2022 г. население КНР стало сокращаться: «Население Китая сократилось впервые за 60 лет». Лента. https://lenta.ru/articles/2023/04/10/china/; 2) «Плодовитость китайского населения» была не его оружием, а его проблемой, что и выразилось в известном решении «одна семья — один ребёнок». Идеологическая предвзятость и синофобия автора становится особенно заметна в свете игнорирования знаменитого высказывания лидера Алжира Х. Бумедьена на Ассамблее ООН в 1974 г.: «Недалёк тот день, когда миллионы людей покинут южное полушарие и переберутся в северное. Они прибудут не как друзья, а как завоеватели. Их оружием будут дети, лоно наших женщин — оружие нашей победы». (One day, millions of men will leave the Southern Hemisphere to go to the Northern Hemisphere. And they will not go there as friends. Because they will go there to conquer it. And they will conquer it with their sons. The wombs of our women will give us victory). — *Прим. ред.*

и использовать её в своих интересах; вторая — приобщение Китая через СССР к коммунистическому учению, имеющему западное происхождение и советскую аранжировку; третья — получение от Запада капитала и новых технологий благодаря стратегическому сотрудничеству с США. Без этих трёх «даров» Запада Китай просто-напросто не мог бы состояться как полноценное современное государство. И теперь Китай может только повторить провидческие слова писателя: «Благодаря вам, мы теперь вооружены всей современной военной техникой» [Там же. С. 346]. Каким образом Джек Лондон увидел возможность такого трансфера западных достижений в Китай, остаётся загадкой.

5. *Ползучая экспансия Китая.* Помимо всего прочего в своём рассказе писатель прозорливо указал типично китайский способ овладения планетой. «Процесс завоевания был довольно прост. Прежде всего являлись китайские иммигранты (или, вернее, они уже находились на месте, медленно и настойчиво просочившись в предыдущие годы). Затем раздавался звон оружия, и всякое сопротивление сметалось чудовищной армией милиции, за которой следовали с пожитками их семьи. И наконец, китайцы оседали колонистами на завоёванной территории» [Там же. С. 343–344]. Поразительно, но этот сценарий методично реализовывался Китаем со второй половины XX в.[7]. Проэкстраполировать этот тренд 110 лет назад было затруднительно уже хотя бы потому, что в то время Поднебесная ещё не имела никаких предпосылок для подобной экспансии.

6. Лидер Китая и его идеология. На страницах своего рассказа Джек Лондон вывел собирательный образ китайского правителя — Ли-Танг-Фвунга. В уста этого человека писатель вложил специфическую политическую идеологию нации: «Какое дело Китаю до содружества наций? ...Мы самая древняя, самая почтенная и царственная из рас. Нам предстоит выполнить свою собственную миссию. Правда, неприятно, что наша миссия не совпадает с миссией остального мира, но что же делать?» [Там же. С. 344–245]. Фактически Лондон описал современную идеологию культурного эгоцентризма Китая, основанную на идее априорного превосходства китайской культуры над всеми остальными цивилизациями. Более того, он предвосхитил и политическую пассивность страны даже после того, как она стала ядерной державой. До прихода к власти нынешнего лидера Китая Си Цзиньпина его руководство сознательно уклонялось от участия в международной политике, вуалируя свою пассивность большими внутренними проблемами. И наоборот, крайне контрастным событием в современной международной политике стала встреча Госсекретаря США Энтони Блинкена с Си Цзиньпином 18 июня 2023 г. Блинкен стал самым высокопоставленным представителем Вашингтона в Пекине с 2018 г., однако лишь за полчаса до встречи она была официально подтверждена; до последнего было неизвестно, состоится ли встреча. Сам же разговор занял всего 35 минут, американскую делегацию усадили сбоку стола напротив китайских чиновников, что подчёркивало подчинённое положение посланников США. Эти факты позволили китаеведам утверждать, что Си Цзиньпин провёл встречу с Блинкеном в лучших традициях китайских императоров с заокеанскими варварами; китайский лидер всем своим видом показывал, что Блинкен здесь гость нежеланный, ему отведено мало времени, и китайцам эта встреча не нужна [*Иванов*, 2023. С. 29].

В этой картине видно почти полное совпадение образов сегодняшнего Си Цзиньпина и выдуманного Ли-Танг-Фвунга. Однако распознать скрытую политическую угрозу и гря-

[7] На Западе существует и существовало множество «чайна-таунов», но ничего подобного периодическим современным столкновениям в европейских городах коренного населения с арабскими, афганскими, иракскими мигрантами там не происходило. Очевидно, что синофобия Дж. Лондона основывалась на общественном мнении США, которое приветствовало известный «Акт об исключении китайцев» (Chinese Exclusion Act), принятый Конгрессом США 6.05.1882 и запрещавшим любую китайскую иммиграцию. Этот запрет сохранялся на протяжении 1882–1943 гг. Стоит также отметить и «бойню в Рок-Спрингсе» (Вайоминг) — массовое убийство китайцев белыми рабочими-иммигрантами в 1885 г. На этом фоне заявления автора о «политической близорукости США», как и гениальной прозорливости Дж. Лондона, выглядят странно. — *Прим. ред.*

дущую гегемонию в традиционной идеологии нищего Китая начала XX в. было крайне трудно. В подтверждение этого тезиса укажем лишь, что в 1947 г. британский историк А. Тойнби в поисках «третьей великой державы», способной сбалансировать ситуацию противостояния США и СССР, говорил, что таковую можно найти «уж никак не в Китае или в Индии, ибо, несмотря на их древние цивилизации и огромное население, обширные территории и ресурсы, эти мастодонты наверняка не смогут напрячь свои латентные силы в течение того критического периода истории, который, как представляется, предстоит нам пройти» [*Тойнби*, 2011. С. 136]. Несмотря на своё историческое преимущество в 37 лет, Тойнби ошибся, а Джек Лондон оказался прав.

7. *Невозможность мировой гегемонии Китая.* Сама интрига рассказа «Беспримерное нашествие» предполагает априорную невозможность мирового главенства Китая. Именно это обстоятельство и продуцирует усилия по его обузданию. Тем самым Джек Лондон безоговорочно лишает Китай мандата на мировое господство в том смысле, что ничего хорошего оно не несет западному миру. Уже тогда писатель понял культурную закрытость Поднебесной[8], которая может распространять себя физически, но не в состоянии выступить в роли плавильного котла, который бы переработал и саму китайскую культуру, вобрав достижения иных культур, и дал бы нечто ценное другим народам, вовлекая их в свою орбиту. Этого не может быть! Сегодня это кажется очевидным, но 110 лет назад это еще надо было увидеть.

8. *Главное дело Запада — война.* Как уже отмечалось выше, в рассматриваемом рассказе Китай поднялся на фоне бесконечных междоусобных войн стран Запада. И лишь окончательное осознание нависшей над ними угрозы со стороны Поднебесной породило Эпоху Великого Перемирия, когда «каждая страна торжественно обязалась не воевать ни с какой другой» [*Лондон*, 2001. С. 346]. Общий враг на время сплотил Запад, но после «утилизации» Китая всё вернулось на свои места — был объявлен конец Великому Перемирию, и «началась старая вражда между Францией и Германией из-за того же Эльзаса и Лотарингии» [Там же. С. 352]. И лишь растущая конфронтация между странами и опыт предыдущего конфликта сподвигли мировое сообщество на принятие хартии о неприменении «друг против друга лабораторной войны» [Там же. С. 352].

Сегодняшние события показывают, что даже после двух мировых войн, о которых Джек Лондон ничего не мог знать в 1910 г., ситуация с агрессивным настроем стран не изменилась. Однако писатель уже тогда был уверен, что природу Белого Человека (а может быть, и не только белого) ничто не изменит, и он всегда будет вести войны и уничтожать себе подобных. Быть может, лишь иногда он будет исключать из своего боевого арсенала некоторые совсем уж опасные виды вооружения. Сегодня это ядерное оружие, о котором Джек Лондон ничего не знал; всё остальное пока, как говорится, в разработке.

9. *Характер гибридной войны — тайна.* Ещё одно поразительное откровение американского писателя состоит в угадывании смены характера научных исследований перед лицом глобальных угроз. В определённом смысле главным персонажем рассказа выступает американский исследователь Якобус Ланингдэл, который, собственно говоря, и придумал способ, как обуздать Поднебесную. Однако, как пишет Лондон, его «голове хватило ума держать свою идею в тайне» [Там же. С. 346]. А дальше ещё более саркастичный пассаж: «Он не стал писать статей для журналов, а вместо того попросил отпуск» [Там же. С. 346]. Сегодня уже сформулирована ироничная закономерность относительно науки: «Всё нахо-

---

[8] По крайней мере, начиная с XXI в., если не раньше, утверждения о «культурной закрытости Поднебесной» не соответствует действительности. Едва ли не большинство иностранных студентов в мире — китайцы, причём обучаются они не только в западных, но и в российских университетах. На территории КНР действует множество филиалов западных университетов и НИИ (включая упомянутую автором Уханьскую лабораторию), не говоря уже о филиале МГУ, представляющую копию здания на Воробьевых горах — *Прим. ред.*

дящееся в открытом доступе — не ценно, а всё то, что ценно — не доступно» [*Балацкий*, 2012. С. 143].

Джек Лондон предвосхитил этот тренд, что поистине удивительно для начала XX в., когда стремление исследователей публиковаться было ещё не опошлено системой учёта и оценки научных достижений XXI в. Действия блока западных стран против единого врага в рассказе писателя являются согласованными, но разрабатываются и реализуются в глубокой тайне. И опять — это точное предсказание способа ведения гибридных войн второй половины XX и начала XXI вв.

10. *Судьба Японии.* В своём рассказе Джек Лондон смоделировал неудачное для Страны Восходящего Солнца столкновение с Китаем, в результате которого «Япония сошла с мировой сцены» [*Лондон*, 2001. С. 341]. «После этого она предалась искусству, поставив себе задачей изумлять и пленять мир чудесными произведениями красоты» [Там же. С. 341]. В реальности, как известно, Япония действительно отошла на задворки мировой политики после поражения во Второй мировой войне. Хотя затем состоялось «японское экономическое чудо», но это лишь отсрочило окончательно угасание страны. Сегодня когда-то самая могущественная страна Востока уже около 30 лет находится в стагнации. Она, конечно, по-прежнему числится среди промышленных лидеров и конструирует чудо-роботы, однако это больше похоже на произведения искусства, о чём пророчествовал Джек Лондон.

Почти каждое из приведенных откровений писателя представляет собой своеобразную загадку. Откуда все эти прозрения?

Списать все творческие успехи Джека Лондона на поприще футурологии на его изначальную гениальность означает уход от ответа. С большим основанием можно предположить, что у писателя был свой метод, позволяющий ему «прощупывать» будущее. Рассмотрим его общие черты.

Метод событийно-психологической диагностики и дар интуиции

Как было показано выше, «китайское пророчество» Джека Лондона представляет собой яркий образец футурологического успеха. Столько проницательных предсказаний в пятнадцатистраничном рассказе! Чем же обусловлен этот успех?

Самый общий ответ на поставленный вопрос может быть таким: полнотой и совершенством исходной модели футурологического успеха. Сама же формула этой модели имеет максимально простой вид:

$$\begin{pmatrix}\text{УСПЕХ}\\ \text{ПРЕДСКАЗАНИЯ}\end{pmatrix} = \begin{pmatrix}\text{НАУЧНЫЙ}\\ \text{МЕТОД}\end{pmatrix} + \begin{pmatrix}\text{ИНДИВИДУАЛЬНАЯ}\\ \text{ИНТУИЦИЯ}\end{pmatrix}$$

Это означает, что писатель, рисуя картину будущего, отнюдь не просто фантазирует и наобум нагромождает события; наоборот — он опирается на железную логику и авторский метод. Это позволяет создавать целостную картину и избегать банальных нелепостей, поджидающих любого конструктора футуристических картин. Одновременно писатель опирается на свою интуицию, позволяющую ему узреть некие образы будущего, которые затем надо оживить и связать между собой. Чем полнее и лучше представлены эти два элемента в творчестве писателя, тем более впечатляющим будет результат. Джек Лондон обладал тем и другим в самом совершенном виде.

Сначала рассмотрим его метод, который будем называть *методом событийно-психологической диагностики.* Суть его состоит в выявлении ключевых событий истории, которые знаменуют начало нового эволюционного тренда с доминированием тех или иных

факторов развития [*Балацкий*, 2021], и наложении этих событий на *психологические стереотипы поведения масс*. Диагностика ключевых событий истории предоставляет аналитику те узлы социальной эволюции, в которых берут начало новый тренд и новая логика развития. В рассказе «Беспримерное нашествие» таким ключевым событием стала победа Японии над Россией в 1904 г. По мнению Лондона, с этого момента стало ясно, что страны Азии могут побеждать западные государства. Однако этого не достаточно, ибо если это так, то чего можно ожидать от гигантского Китая, если даже маленькая Япония способна побеждать? И что мешает спящему Китаю проснуться, как это сделала Япония? В этой точке определяется новый вектор эволюции человечества и закручивается футурологическая интрига.

Однако Джек Лондон даёт чёткие ответы на поставленные вопросы в терминах психологии западной, китайской и японской культур. Так как западная и китайская ментальности никак не сопрягаются, то Китай обречён и дальше прозябать на задворках истории, однако благодаря некому капризу природы японская психология пересекается и с западной, и с китайской, а следовательно, может служить мостом между ними, через который Поднебесная и будет осуществлять заимствование западных достижений. Далее писатель опирается на конкурентные преимущества Китая — высокую рождаемость и удивительную способность людей к монотонному труду — и окончательно оформляет своё «китайское пророчество».

Сегодня экономисты в своих работах по анализу исторической динамики стран мира Японию рассматривают в группе западных государств, ибо она давно уже имеет больше сходства с ними, нежели с какими-либо другими азиатскими странами; в некоторых статистических диаграммах учитывается страновой агрегат «Азия (без Японии)» [*Лукас*, 2013. С. 180]. Более того, история донесла до нас факт немыслимого перфекционизма Японии в деле учёта и контроля материальных благ. Так, уже к 1700 г. в Японии действовала система управления лесными ресурсами; сёгун и феодалы заказывали очень подробные описи лесных угодий. В качестве эталона управленческой скрупулезности сохранилась опись лесного массива возле Каруидзавы от 1773 г., согласно которой лес в 2,986 квадратных миль содержит 4114 деревьев, из них 573 — кривые или сучковатые, а 3546 — хорошие; из 4114 деревьев 78 большие хвойные деревья (66 хороших) со стволами в 24–36 футов высотой и 6–7 футов в обхвате, 293 ели средних размеров (253 хороших), 4–5 футов в обхвате, и т.д. и т.п. [*Даймонд*, 2008. С. 415–416]. Иными словами, подсчитано и измерено всё! Судя по всему, Лондон явно что-то знал об этих фактах. Об этом, в частности, свидетельствует следующий пассаж: японские инженеры и шпионы в Китае «отмечали число лошадиных сил каждого водопада, удобные места для будущих фабрик, высоту гор и перевалов, число быков в округе или число земледельцев, которых можно было бы завербовать принудительными наборами» [*Лондон*, 2001. С. 339]; «Никогда ещё в этой стране не производилось подобной переписи, и её никто не мог бы произвести, кроме настойчивых, патриотически настроенных японцев» [Там же. С. 339]. В этой связи следует напомнить, что Джек Лондон читал много, но читал он не дешёвую беллетристику или бульварные издания, а сугубо научные книги. Из них он, по-видимому, и почерпнул необходимые знания о Японии.

Применительно к психологии китайцев также следует обратить внимание на то, что «китайское пророчество» имело богатую предысторию в виде серии блестящих рассказов писателя о китайцах, их менталитете и культуре. Вспомним хотя бы рассказы «Слезы А Кима», «Чун А-Чун», «Китаёза». Следовательно, писатель ещё раньше проник в китайскую психологию, что и позволило ему в дальнейшем делать далеко идущие обобщения: между Западом и Китаем «нет общего психологического языка!» [Там же. С. 337]. «Мыслительные процессы обеих рас коренным образом различались между собой. Не существовало между ними языка доверия… Не нашлось способа внедрить западные понятия в китайскую душу. Китай продолжал спать. Материальные достижения и прогресс Запада были для него книгой за семью печатями» [Там же. С. 337].

Сегодня этим утверждениям есть научные подтверждения. Так, социолингвистический анализ показывает, что в русском, китайском и японском языках, а также в хинди, урду, санскрите и арабском языках понятие «общество» отражает превалирование «общего над частным», идею единства с приоритетом общества как целого над входящими в него индивидами, а его визуальной метафорой в восточных языках и культурах служит такой плод, как гранат [*Кирдина-Чэндлер, Круглова,* 2019. С. 19]. Для английского, французского, немецкого языков и для латыни понятие «общество» демонстрирует принцип его построения «снизу», когда целостность понимается как объединение «первичных» индивидов в легитимированном союзе, а сам индивид «впаян» в «общество», а его визуальной метафорой в западных языках и культурах служит такой плод, как виноград [Там же. С. 21]. Характерно, что имевшие место в истории попытки «переобозначить» указанные языковые константы в соответствии с иными образцами не имели успеха, что подтверждает глубинные основы культурных стереотипов народов Европы и Азии [Там же. С. 23].

Исходное неприятие Китаем западных ценностей также уже получило эмпирические подтверждения и с чисто экономической точки зрения. Например, исходным импульсом подъёма Запада явилось возникновение в результате Великих географических открытий и морской торговли *феномена сверхприбыли*, когда годовая норма прибыли колебалась в диапазоне 700–2000%. Это событие стало историческим вызовом всем народам мира, и, в отличие от Китая, Европа его приняла: в Британии началось становление институтов *индивидуалистического* типа (с приоритетом интересов индивидуума над интересами коллектива), а в Китае — продолжилось существование институтов *коллективистского* типа (с приоритетом интересов коллектива над интересами индивидуума) [*Балацкий*, 2021]. Иными словами, сверхприбыль и сопутствующая ей жажда наживы не захватили китайское общество — оно осталось глухим к новым возможностям, возникшим на Западе.

Что касается разрешения цивилизационного конфликта путём развязывания биологической войны, то и эта тема была глубоко и методично продумана писателем. В подтверждение этому вспомним его роман «Алая чума» («*The Scarlet Plague*»), написанный в год выхода рассказа «Беспримерное нашествие», но опубликованный только в 1912 г. Это одно из первых произведений в жанре постапокалипсиса, когда действие романа происходит после катастрофы, вызванной эпидемией и приведшей к гибели почти всего человечества. Остатки же выживших людей впадают в «новое варварство». Тем самым осмысление бактериологического оружия и его возможностей в жизни Джека Лондона заняло вполне определённый период. Более того, серьёзное увлечение данной темой у писателя началось ещё в первый год обучения в университете, где он с упоением слушал лекции по философии, истории и биологии [*Быков*, 1996. С. 24].

Таким образом, диагноз Джека Лондона по всем реперным точкам мировой истории был абсолютно верным с научной точки зрения, что и послужило основой для футуристического прогноза. Однако, разумеется, никакой научной основы не хватит для откровения на уровне «китайского пророчества». Для этого нужна ещё развитая интуиция, которая позволила бы писателю «увидеть» ход будущих событий. Это второе условие формулы успеха предсказания. И Джек Лондон обладал этим редким даром в полной мере.

Оговоримся, что поднимаемый вопрос является крайне тонким и дискуссионным, однако обойти его невозможно. Дело в том, что даже прекрасная научная основа для исходной точки футурологического сценария предполагает колоссальную вариативность возможных траекторий развития событий. И из всех этих вариантов писатель должен выбрать «правильный». В реальности это делается путём глубокой медитации и погружения вопрошающего в картины будущего. Джек Лондон умел это делать. Косвенным доказательством его уникальных навыков может служить роман «Смирительная рубашка», в котором автор путешествует во времени по своим прошлым воплощениям. Тема произведения и то, как

оно подано, недвусмысленно говорят о том, что писатель имел подобный трансцендентный опыт. Нечто похожее — мысленное путешествие в прошлое — происходит и в рассказах писателя «До Адама» и «Когда мир был юным». По-видимому, на такой специфический ментальный (можно было сказать мистический) опыт Лондон и опирался при создании «китайского пророчества».

Не следует упускать из виду и то обстоятельство, что Джек Лондон — гениальный писатель-фантаст, что также часто умалчивается. Сегодня даже в России выходят специальные сборники его фантастических произведений [*Лондон*, 2022]. Это означает, что «китайское пророчество» было не случайным: оно встроено в большую и системную работу писателя по предвидению будущего. И, надо признать, его фантастика насквозь пропитана проницательными наблюдениями и предчувствиями. Всё это — результат высокого профессионализма и обострённой интуиции, что и отделяет выдающегося футуролога от обычного фантазёра.

Чего не предвидел Джек Лондон и сюрпризы современности

В своём рассказе Джек Лондон продемонстрировал чудеса проницательности. Однако 110 лет берут своё и вносят свои краски в «китайское пророчество». Рассмотрим их для лучшего понимания всей моделируемой ситуации.

Во-первых, лабораторный эксперимент США в Ухане не привёл к фатальным последствиям для Китая. Более того, он лишь неявно обозначил будущее столкновение двух стран-гигантов. Через три года после этого события соперники по-прежнему пребывают в нерешительности перед возможным решающим столкновением.

Во-вторых, в антикитайскую коалицию в рассказе «Беспримерное нашествие» входили США, страны Западной Европы, Турция и Россия [*Лондон*, 2001. С. 346]. Сегодня мы видим, что последние две страны не входят в этот альянс, Евросоюз находится на перепутье, а против России Запад уже ведёт горячую войну на Украине. В этой ситуации Россия и Китай становятся союзниками против коллективного Запада, и прежде всего против США. Карты спутаны, современность преподносит свои сюрпризы.

В-третьих, Джек Лондон полагал, что слабым местом Китая в столкновении будет отсутствие флота [Там же. С. 343]. Сегодня мы видим обратную ситуацию: Поднебесная активно наращивает свой военный флот и угрожает в перспективе перекрыть торговые пути в Китайском море для товарных потоков из США.

В-четвёртых, в 1910 г. американский писатель ещё не мог знать о том, что будет создано ядерное оружие массового поражения, которое воспрепятствует прямому столкновению ядерных держав и не даст им идти до конца — до полного уничтожения геополитического соперника. И тем более писатель не знал, что Китай будет входить в клуб ядерных держав. Это существенно гасит тот драматизм, который присущ рассказу «Беспримерное нашествие».

В-пятых, Джек Лондон переоценил решительность высшего руководства США в деле отстаивания своей гегемонии. Сто с лишним лет после выхода в свет рассказа ясно показали, что США воюют только с заведомо более слабыми странами — Ираком, Афганистаном, Сирией, Сербией, Ливией, Сомали. Даже с Северной Кореей Америка в последнее время уже старается не связываться, поняв решительность её властей при наличии ядерного арсенала. Правда, сегодня Америка косвенно воюет с Россией, но на территории Украины. А с Китаем она может столкнуться только на территории Тайваня, да и это — большой вопрос. Более глобальный конфликт пока кажется маловероятным.

В-шестых, Джек Лондон переоценил креативность населения США. В своём рассказе писатель откровенно говорит о том, что именно некий гений Америки должен стать

козырной картой в войне с Китаем: «Но был один учёный муж, которого Китай не оценил — Якобус Ланингдэл» [Там же. С. 346]. Именно этот человек придумал оригинальный и бескомпромиссный сценарий нападения на врага. Увы! Из США уже давно никаких оригинальных, разумных и эффективных идей не исходит. И крайне мало шансов, что в отношении сегодняшнего Китая американский креативный класс сможет предложить своему правительству что-то по-настоящему действенное.

Рассмотренные «проколы» Джека Лондона имеют значение не как упрёк писателю, который умер в 1916 г. и даже теоретически не мог учесть всех перечисленных обстоятельств, а в качестве того, какие факторы социальной эволюции оказываются наименее предсказуемыми. В данном случае мы видим, что это как раз то, на что писатель возлагал свои основные надежды, — манёвренность верховной власти США и непотопляемость американской смекалки. Думаю, именно эти социальные атрибуты Америки Джека Лондона за 100 лет угасли и дали глобальный сбой.

Заключение: всё только начинается

Помимо всех поднятых выше вопросов, рассказ «Беспримерное нашествие» содержит в себе ещё некоторые аспекты более высокого плана. Прежде всего это нулевая точка событий, в качестве каковой выступает инфернальный страх западной цивилизации, а Джек Лондон в полной мере разделяет этот страх (!), перед китайской угрозой. Именно этот страх толкает Запад на уничтожение враждебной цивилизации. Лейтмотивом произведения стала идея о невозможности нормального сосуществования двух миров. Насколько правомерен такой сюжет?

Во-первых, с позиции современной науки это ошибочное суждение. Сегодня в поле академических публикаций уже появляются работы, посвящённые философии сотрудничества, идущей на смену философии конкуренции. Более того, российский академик В.М. Полтерович провозглашает «закат общества конкуренции», ибо оно утратило свою прежнюю эффективность[9] [*Полтерович*, 2023]. Однако этот вопрос является крайне сложным и дискуссионным. По всей видимости, Джек Лондон не верил в возможность быстрого изменения природы человека и исходил из положения, что Homo sapiens всегда будет стремиться к доминированию, изначально заложенному в него природой. Следовательно, глобальное послание писателя нашему поколению состоит в том, сможем ли мы перебороть в себе исходную агрессию и непримиримость к окружающему миру и народам.

Во-вторых, страх перед угрозой не обязательно должен выплеснуться в войну. В рассказе проводится мысль, что против «расползающихся» по всему миру китайцев Запад не может ничего сделать. Однако в этом и состоит скрытый абсурд ситуации. Кто мешает странам проводить строгую иммиграционную политику и охранять свои границы от нежелательных социальных элементов? Более того, в рассказе писателя на определённом этапе объединённый Запад так и поступил перед началом атаки на Китай — он блокировал его границы. Но ведь после этого можно было ничего и не предпринимать? Кто же тогда виноват в последовавшем за этим побоище? Напомним, что в своей книге очерков «Люди бездны» Лондон, анализируя причины бедственного положения пролетариата столицы Англии в условиях колоссального технологического прогресса, выносит свой (абсолютно

[9] В своём законченном виде тезисы этой концепции были сформулированы В.М. Полтеровичем в его докладе «Закат общества конкуренции и проблемы формирования механизмов сотрудничества», сделанном 26 мая 2023 г. на XV международном Пущинском симпозиуме по эволюционной экономике «Экономика России и мира в эпоху смены мирохозяйственных укладов: теория, методология, практика» (г. Звенигород, Россия). https://inecon.org/nauchnaya-zhizn/konferenczii/25-27-maya-2023-g-xv-mezhdunarodnyj-pushhinskij-simpozium-po-evolyuczionnoj-ekonomike.html (дата обращения 08.07.2023).

верный (!)) вердикт: «негодная система управления» [*Лондон*, 1994. С. 517]; «…управляется страна преступно плохо» [Там же. С. 509]. Но тогда, по логике писателя, и невозможность мирного противостояния Китаю также продуцируется негодной системой управления. И это, судя по всему, второй главнейший месседж писателя нынешним читателям.

В настоящий момент мы пока видим, что мир идёт по траектории, расчерченной в рассказе Джека Лондона. Запад в лице США стремится доминировать во что бы то ни стало. Всё, что ему мешает, должно быть ликвидировано. Советский Союз мешал гегемонии США — и он был ликвидирован. Сегодня Российская Федерация стоит на пути мирового владычества Америки — и её также пытаются уничтожить посредством развязывания вооруженных конфликтов по линии её границ. А теперь политическая и экономическая монополия США упирается в Китай — и он обязательно должен быть уничтожен. Как это ни прискорбно, но «закат общества конкуренции» откладывается. Противостояние гигантов входит в решающую стадию. Всё только начинается.

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

Балацкий Е.В. (2012). За пределами «экономического империализма»: преодоление сложности [*Balatsky E.V.* (2012). Beyond “Economic Imperialism”: Overcoming Complexity] // *Общественные науки и современность.* №4. С. 138–149.

Балацкий Е.В. (2019). Измерения власти по С. Льюксу [*Balatsky E.V.* (2019). Measurement of Power by Steven Lukes] // *Мир России*. Т. 28. №2. С. 172–187. DOI: 10.17323/1811-038X-2019-28-2-172-187.

Балацкий Е.В. (2021). Поликаузальная концепция социальной эволюции [*Balatsky E.V.* (2021). Polycausal concept of social evolution] // *Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз.* Т. 14. № 6. С. 49–69. DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.3.

*Быков В. (*1996). *По следам Джека Лондона* [*Bykov V.* (1996). In the footsteps of Jack London]. — М.: Изд-во МГУ.

Генри О. (2014). *Боливар не выдержит двоих* [*Henry O.* (2014). Bolivar can’t take two]. — М.: Эксмо.

Даймонд Дж. (2008). *Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают* [*Diamond J.* (2008). Collapse. Why do some societies survive and others die]. — М.: АСТ.

Иванов Г. (2023). Встреча с заокеанскими варварами. Как Си принял Блинкена [*Ivanov G.* (2023). Meeting with overseas barbarians. How Xi accepted Blinken] // *Аргументы и факты.* №26.

Кирдина-Чэндлер С.Г., Круглова М.С. (2019). «Общество», «государство» и институциональные матрицы: опыт междисциплинарного мезоанализа [*Kirdina-Chandler S.G., Kruglova M.S.* (2019). «Society», «state» and institutional matrixes: the case of interdisciplinary meso-analysis] // *Социологические исследования.* № 10. *С. 15–26.* DOI: 10.31857/5013216250007101-4.

Лондон Дж. (1994). *Мартин Иден: Роман; Люди бездны: Очерки* [*London J.* (1994). Martin Eden: A Novel; People of the Abyss: Essays]. — Харьков: Фолио.

Лондон Дж. (2001). *Сочинения: В 2-х т. Т. 1. Статьи и очерки; Рассказы* [*London J.* (2001). Essays: In 2 vols. Vol. 1: Articles and essays; Short stories]. — М.: ТЕРРА — Книжный клуб.

Лондон Дж. (2022). *Неслыханное нашествие: фантастические рассказы и повести* [*London J.* (2022). The Unparalleled Invasion: fantastic stories and novellas]. — М.: Текст.

Лукас Р.Э. (2013). *Лекции по экономическому росту* [*Lucas R.E.* (2013). Lectures on economic growth]. — М.: Изд-во Института Гайдара.

Полтерович В.М. (2023). Закат общества конкуренции и стратегия социально-экономического развития России [*Polterovich V.M.* (2023). The Decline of the Competition Society and the strategy of socio-economic development of Russia] // *Экономика России и мира в эпоху смены мирохозяйственных укладов: теория, методология, практика: Сб. тезисов докл. участников XV Пущинского симп. по эволюционной экономике.* — М.: ИЭ РАН. 2023. С. 75–77.

Тойнби А.Дж. (2011). *Цивилизация перед судом истории. Мир и Запад* [*Toynbee A.J.* (2011). Civilization before the court of history. The World and the West]. — М.: АСТ: Астрель.

Балацкий Евгений Всеволодович
evbalatsky@inbox.ru

Evgeny Balatsky
Doctor of Economics Sciences, Chief Researcher, RAS Central Economics and Mathematics Institute (Moscow}
evbalatsky@inbox.ru

THE METHOD OF EVENT-PSYCHOLOGICAL DIAGNOSTICS AND THE «CHINESE PROPHECY» BY JACK LONDON

Abstract. The article examines the «Chinese prophecy» of Jack London, reflected in his 1910 story «The Unparalleled Invasion». The essence of the writer's prediction boils down to a collision in the distant future of the United States and China, as a result of which Chinese civilization will be completely destroyed by biological weapons. The COVID-19 coronavirus epidemic, which swept around the world and began in 2020 in the Chinese city of Wuhan with a clear «American trace», suggests that Jack London's «Chinese prophecy» was confirmed 110 years after the publication of the story. In addition to the general plot, there are a number of smaller and more specific forecasts in the story, which amaze with their accuracy. To explain the phenomenon of «Chinese prophecy», a simple model of futurological success is proposed, which is based on a formula according to which the success of a prediction is determined by the underlying scientific method and the individual intuition of the writer. Examples and facts show that Jack London really relied on these two components of creative success. Some important discrepancies between the «Chinese prophecy» and the current reality are revealed; the role of the writer's original existential attitudes, characteristic of Western civilization, in the nature of forecasts and perception of future events is shown.

Keywords: *forecasting, foresight, trends, conflicts, war.*
JEL: B31, B41.

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

М.А. Фельдман
д.и.н., профессор, Уральский институт — филиал Российской Академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (Екатеринбург)

КОРАБЛЕСТРОЕНИЕ ПРИ НИКОЛАЕ II (О новой книге В.В. Поликарпова)

Аннотация. Анализируется книга В.В. Поликарпова «Кораблестроение при императоре Николае II. Очерки технологической истории». Отмечается новизна исследования, построенного на фронтальном изучении архивных источников Совета министров, Морского министерства и подведомственных ему учреждений и предприятий, из пяти центральных и двух региональных архивов; стенографических отчётов Съездов представителей промышленности и торговли. Оно дополняется системным анализом источников, содержавших оценки специалистов и учёных качества технических и технологических процессов судостроения и характеристик переданных флоту кораблей. Впервые исследование касается всех видов кораблей, снабжения их артиллерией и энергетическими установками. Комплексное изучение источников позволило автору дать новую научную оценку многим устоявшимся положениям, содержавшимся в исторической литературе. Развитие кораблестроения раскрывается как переменчивый процесс, чьи характеристики определялись запросами Морского министерства, необходимостью соответствовать лучшим образцам мирового судостроения, а также возможностями российской промышленности.

Ключевые слова: *Россия, военно-морской флот, Морское министерство, промышленность, судостроение, корабли.*

JEL: N00, N43, N60

УДК: 338(091)

DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_171_177

© М.А. Фельдман, 2023
© ФГБУН Институт экономики РАН «Вопросы теоретической экономики», 2023

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: *Фельдман М.А.* Кораблестроение при Николае II (о новой книге В.В. Поликарпова) // Вопросы теоретической экономики. 2023. № 3. С. 171–177. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_171_177.

FOR CITATION: *Feldman M.A.* Shipbuilding under Nicholas II (About the New Book by V.V. Polikarpov) // Voprosy teoreticheskoy ekonomiki. 2023. No. 3. Pp. 171–177. DOI: 10.52342/2587-7666VTE_2023_3_171_177.

Новая книга В.В.Поликарпова «Кораблестроение при императоре Николае II. Очерки технологической истории» [*Поликарпов*, 2023][1] — событие в мире исторической науки, поскольку речь идёт о монографии общепризнанного крупнейшего исследователя военной промышленности первых двух десятилетий XX в.; историка, каждый труд которого венчает многолетнюю работу по комплексному изучению источников, их всестороннюю оценку, далекую от конъюнктурных подходов и субъективизма.

[1] Далее ссылки на эту монографию даются в круглых скобках; указываются только страницы.

В.В. Поликарпов не первый раз взялся за тему исследования невероятной сложности — это состояние экономического потенциала предреволюционной России. Оно действительно относится к малоизученным сюжетам: по обоснованному мнению автора, запущенность анализа источниковой базы обернулась историографическим провалом. «Кораблестроение» продолжает линию изучения российского ВПК, начатую книгами «От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века» [Поликарпов, 2008] и «Русская военно-промышленная политика 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы» [*Поликарпов*, 2015].

«Введение» рассматриваемой монографии демонстрирует мастерство историографа, передавая образцы фундаментальных познаний научной полемики на протяжении XX и уже нового XXI столетия. Уважительное отношение к трудам предшественников, сумевших воссоздать картину возрождения и развития российского флота как в советский период [*Шацилло*, 1968; *Цветков*, 1983; *Бескровный*, 1986], так и последние три десятилетия [*Шацилло*, 1992; *Цветков*, 1995; *Амирханов, Титушкин,* 1996*; Золотарев*, *Козлов,* 2002; *Шилов*, 2004; *Виноградов*, 2017; *Международный*…, 2020] не исключает тщательной проверки содержания их исследований и выводов. Перед читателями предстаёт историк промышленности, армии и флота, доказывающий, что история как наука начинается при глубоком знании всего комплекса источников, позволяющего проверять и перепроверять данные архивных материалов. Поликарпов, опираясь на конкретные документы, показывает, как «в известные периоды специалисты в этой области испытывали чрезвычайные затруднения», вследствие навязанных сверху стереотипов о приоритете российских открытий и изобретений по отношению к тлетворному Западу» (С. 16–17).

Поколения историков, следовавших этому правилу, не замечали противоречия между объективным содержанием своих трудов и идеологизированными выводами. Труды выдающихся историков — К.Ф. Шацилло, И.Ф. Цветкова — стали научным мостом между эпохами, сохранив, однако, многие выводы прошлого, прежде всего бездоказательный тезис об отечественной «самой передовой военной промышленности», включая кораблестроение (С. 58, 81).

Детальное изучение истории технологических процессов в отечественной промышленности [*Бабошин,* 1918; *Мырцымов,* 1946; *Гусев*, 1964] позволило уточнить характеристики потенциала российских судостроительных заводов. Новизна книги Поликарпова отчётливо проявляется в акценте исследования на уровне технологического развития России; на способности развиваться на основе высших достижений научно-технической мысли, самостоятельно выдвигать производственно-технические идеи (С. 11, 14). Так, в «Кораблестроении» проведена аналитика материалов, касающихся конструирования кораблей всех классов, а также снабжения их артиллерией и энергетическими установками — турбинами и дизелями.

Именно поэтому в ткань исследования наряду с материалами ведомств умело вводятся и тонко интерпретируются материалы повседневной переписки инженеров и директоров предприятий, руководителей акционерных компаний; свидетельства технических специалистов в воспоминаниях и научных трудах (С.18). Благодаря такому подходу реконструкция производственных и технологических процессов в российском кораблестроении перестаёт быть одномерным и одноцветным.

Как знаток дореволюционной промышленной статистики Поликарпов обращает внимание на существенный пробел в материалах ряда предвоенных промышленных переписей: отсутствие статистических данных по казённым военно-морским заводам (С. 6). Вместе с тем автор далёк от фетишизации количественных показателей, зачастую присутствующей в научной литературе.

Выбор темы исследования автор связывает с тем, что «воссоздание флота после войны с Японией оказалось стержневой проблемой военной и экономической стратегии Российской

империи», а «в военном судостроении сосредотачивались лучшие научно-технические силы и промышленные ресурсы страны» (С. 2). Путь исследования зримо обозначен в монографии: состояние флота зависело от способности российской индустрии создавать новейшие конструкции надводных кораблей и подводных лодок, снабжать их могучей артиллерией и современными двигателями — паровыми турбинами и дизельными моторами, способными состязаться с лучшими образцами кораблестроения стран Запада (С. 2).

Глава монографии «Власть и флот в Российской империи» задаёт высокую планку научному процессу, сконцентрировав поиск в четырёх основных плоскостях: сведения о действительно грандиозных планах воссоздания флота просвечиваются, во-первых, сквозь призму фантастических планов захватов проливов, как составной части имперской внешнеполитической доктрины. Модернизация флота становится заложницей невиданной ранее гонки вооружений и подготовки к мировой войне, девальвирующих и делающих недостаточными любые достижения военной промышленности. В этом контексте автор объясняет метания Правительства страны от ставки на «только российскую» продукцию к срочным заказам на корабли и их оборудование за рубежом (С. 28).

Во-вторых, масштаб стратегических и тактических «метаний», по наблюдению Поликарпова, усиливался долговременной напряжённостью в отношениях власти и крупной буржуазии: «…рассчитывать на отечественные капиталы не приходилось: сами заводчики открыто заявляли, что инвестировать в дорогостоящие проекты военного судостроения трудно из-за отсутствия гарантий в заказах долговременного характера. Приходилось только мечтать о гарантиях заказов на 10–15 лет» (С. 26). В-третьих, напряжённость в сфере финансово-экономической дополнялась политическим противоборством власти и оппозиции: для финансирования конкретных программ строительства кораблей приходилось «преодолевать сопротивление Государственной Думы» (С. 51). В-четвёртых, отчётливо проявлялось научно-техническое отставание России от Германии и Англии — ведущих морских держав (С. 59, 122, 170).

Направление государственных заказов Морского министерства преимущественно на казённые заводы, вялое участие частного капитала в воссоздании флота после войны с Японией (С. 26, 27) сужали возможности для манёвра военного руководства страны, тормозили сроки сооружения и оснащения кораблей. Лишь в сентябре 1914 г. вступил в строй первый из заложенных в 1909 г. дредноутов — линкор «Севастополь», остальные — в декабре 1914 г. Степень готовности четырёх линейных крейсеров в 1915 г. оценивалась в 20–60% по весу и в 4–18% по оснащению (С. 56). Головной болью военного руководства России было то, что сам характер предстоящей войны не давал положительного ответа на вопрос о достаточности усилий по модернизации флота.

Высветив в главе «Власть и флот в Российской империи» четыре плоскости своего исследования (взаимосвязь модернизации флота и гонки вооружений и подготовки к мировой войне; напряжённость в отношениях власти и крупной буржуазии; политическое противоборство власти и оппозиции; степень отставания судостроения России от Германии и Англии), Поликарпов акцентирует особое внимание на одной — научно-техническом отставании России от Германии и Англии. Примеры, приведённые автором убедительны и системны, но при этом, к сожалению, исчезает взаимосвязь, синергетика всех остальных направлений.

Глава «Развитие русской кораблестроительной школы» посвящена разбору концепции так называемой «передовой кораблестроительной школе в России, опередившей практику кораблестроения в других странах» (С. 58). Поликарпов подробно разбирает все элементы указанной концепции — «школы кораблестроения, позволившей обеспечить постройку лучших в мире линейных кораблей типа «Севастополь»; эскадренных миноносцев типа «Новик», подводных лодок типа «Барс» (С. 58). Автор приходит к аргументированному выводу: ограниченность технико-экономических ресурсов страны подталкивала

руководство страны и флота к необходимости выборочного усиления кораблей (ставке на повышение скорости или усиления броневой защиты; силы или качества артиллерийского огня) (С. 59). Выборочный подход, ставка на отдельные элементы кораблестроения стали постоянной характеристикой морской военной политики.

После длительных дискуссий в Правительстве и в Морском министерстве в 1907 г. было принято решение Совета министров в пользу заказов военно-морских кораблей российским предприятиям, «испытывавшим ныне, вследствие недостатка работы, величайшие затруднения» (С. 70–710). В результате для отечественных судостроителей открылись широкие возможности. Однако монография последовательно указывает на «непредвиденные» барьеры на этом пути, например на признание директоров судостроительных фирм в неспособности изготовления чертежей и проектов броненосцев (С. 72). Автор отмечает: в декабре 1908 г. Морское министерство не имело чертежей этих броненосцев (С. 75).

Практическим результатом в сложившейся ситуации стало решение Правительства провести международный конкурс проектов на сооружение броненосцев (С. 72–74). Но сегодня особо важно, что правдивое и горькое замечание автора обращено не только в далекое прошлое: отечественное кораблестроение участвовало в создании судов только в качестве заказчика — в посильном освоении результатов конкурса немецкого и английского проектов. Бесконечные исправления и переделки чертежей кораблей сопровождали весь процесс кораблестроения. Если по итогам международного конкурса проектов заказ на постройку броненосцев для России получила германская фирма «Блом и Фосс», то под давлением Англии и Франции, проект в переработанном виде перешёл к английской фирме «Виккерс» (С. 72, 78, 105).

Ещё одним барьером на пути судостроения стала неспособность российских заводов изготовлять броневую сталь повышенного сопротивления, необходимую для защиты судов, и уменьшения водоизмещения (С. 79). К 1914 г. петербургские заводы не располагали оборудованием, необходимым для прокатки броневой стали повышенного сопротивления, фиксирует автор. В таких условиях «соревнование между ставкой на скорость или на вооружение» заканчивалось ослабленной броней и пониженной скоростью кораблей (С. 89, 104).

Неспособность российских заводов выполнить требования программы судостроения, в частности изготовление турбин, привела к заказу в 1912 г. двух лёгких крейсеров германским фирмам. Монография фиксирует: эти корабли, оплаченные российской казной, с началом мировой войны пополнили германский флот. Малочисленность представителей инженерного корпуса обусловила и характеристики, общее состояние инженерно-конструкторской мысли института заказчиков кораблей — специалистов Морского Генерального Штаба (МГШ) и Главного Управления Кораблестроения Морского министерства (ГУК) — в частности, способность оценить существующие финансовые и технические возможности отрасли. Даже в тех случаях, когда корабли строились на российских предприятиях (например, линкор «Императрица Мария»), значительная часть оборудования поступала из-за рубежа с нарушениями сроков поставок и отсутствием ряда контрольных приборов (С. 89, 106, 107). Гордость российского флота, эскадренный миноносец «Новик», как и остальные эскадренные миноносцы, строились с очень широким применением иностранной технической помощи, импортных материалов и комплектующих изделий; их главные механизмы были привезены из-за рубежа (С. 109, 112).

Поликарпов отмечает и позитивный сдвиг в теории отечественного кораблестроения: исходные технические задания по эсминцам нового типа были выполнены в России. Образцовый эсминец, в конечном счёте, всё же получился. Но успешное проектирование эсминца «Новик» на новой Путиловской верфи являлось плодом сотрудничества Путиловского общества с германскими фирмами. В целом же, заключает автор, судостроительная программа, рассчитанная на 1912–1916 гг., не опиралась на учёт реальных ресурсов страны и оказалась практически невыполненной (С. 109, 112). К сожалению, указывая на

позитивный сдвиг в теории кораблестроения, Поликарпов не анализирует масштаб произошедших перемен. Отсутствие ясности в этом вопросе породило и его сомнения в категоричности утверждений о «полной зависимости строительства эсминцев типа “Новик” от германских фирм» (С. 112).

Глава «Артиллерия главного калибра» реконструирует историю оснащения кораблей линейного флота 14- и 16-дюймовыми орудиями. В период 1908 — 1910 гг. на Обуховском заводе, при содействии английской фирмы «Виккерс», оказывавшей помощь в проектировании и налаживании производства, сконструировали и испытали 12-дюймовые орудия. На освоение серийного выпуска ушли ещё два года. Тем не менее к 1914 г. указанные орудия получили четыре линкора Балтийского флота (С. 131. 132).

Попытка наладить производство 14-дюймовых орудий на Обуховском заводе натолкнулась на существенное препятствие — использование устаревшей марки стали и, как следствие, быстрое изнашивание орудий. Освоение выпуска орудий главного калибра в России упёрлось прежде всего в состояние сталелитейной промышленности, а конкретно — в освоение необходимой хромоникелевой стали (С. 137, 170). В роли поставщика 14-дюймовых орудий выступила фирма «Виккерс». К октябрю 1917 г. на крупнейших орудийных заводах России не удалось провести даже проверку отечественных экземпляров орудий главного калибра. В этом явлении, по мнению автора, проявилось системное и общекультурное отставание России, заставляющее военно-морское ведомство постоянно прибегать к зарубежным закупкам сложных изделий, изготовленных на основе новейших технологий (С. 172, 173).

Глава «Переход к паровым турбинам» — самая драматическая в монографии. Все запреты Правительства на закупку оборудования для флота за рубежом наталкивались на отсутствие даже на передовых судо- и машиностроительных заводах «металлургического производства для отливки больших слитков стали, её прокатки, термической обработки откованных штук, а также для производства крупного фасонного литья», без которых было немыслимо изготовление турбин и их роторов. В монографии прослеживается вынужденная практика российских заводов заказов кованых частей роторов у германских и австрийских фирм, а после августа 1914 г. — у британских (С. 182, 185, 189). От взгляда автора не ускользает и эгоистическое поведение петербургских банков, ещё до войны сокративших размер предполагаемых инвестиций в военную промышленность. Обращается внимание на завышенность запрсов финансово-промышленных группировок, требующих от Правительства десятилетних гарантий на закупки своей продукции и устранения конкуренции для её сбыта (С. 207).

Была ли эта ситуация тупиковой в отношениях власти и капитала? Ответа в этой главе нет. На ряде заводов в предвоенные годы развернулась с помощью зарубежных фирм подготовка к производству турбин и котлов, удовлетворяющих требованиям флота. Мировая война, прервавшая многие научно-технические связи, обострила проблему обеспечения энергетическими установками военно-морских судов России. И к 1918 г. отсутствовало полноценное отечественное производство энергетических установок (С. 237, 238).

Более оптимистично выглядели процессы, проходившие в производстве подводных лодок. Из 73 подводных кораблей, входивших в состав российского флота в 1901–1917 гг., 34 лодки были созданы по проектам русских конструкторов; 23 — построены за рубежом, а остальные были заложены в России, но по иностранным проектам, под руководством иностранных специалистов. В годы Первой мировой войны на Балтике боевые действия в основном вели либо подводные лодки, построенные в Англии, либо американские лодки «Голланд», собранные в России под руководством американских инженеров. Вместе с тем при сборке на Балтийском заводе доставленных из США в 1915–1916 гг. «голландов» русские судостроители приобрели ценный технический опыт, освоили ряд сложных технологических процессов (С. 270–272).

Ахиллесовой пятой отечественного подводного кораблестроения стало освоение производства дизельных моторов. Те корабли, которые удалось ввести в строй до 1918 г., располагали либо слабыми двигателями русской постройки (завод Нобеля), либо вдвое более мощными американскими. Попытки производить самим такие двигатели показали неприспособленность нашей промышленности к выпуску столь сложных агрегатов (С. 320).

В целом монография Поликарпова даёт грандиозную картину битвы наших соотечественников за модернизацию флота в первые два десятилетия XX в. Широкий спектр архивных источников, изучаемых, судя по статьям и книгам Поликарпова, более полувека, в новой монографии дополняется системным анализом источников, содержавших оценки качества судостроения специалистами и учёными. Впервые исследование касается всех видов кораблей, снабжения их артиллерией и энергетическими установками. Модернизация флота реконструирована в формате взаимоотношений власти и бизнеса, сквозь призму конкуренции характеристик российских кораблей и судов западных стран. В этом новизна научного труда и несомненная заслуга автора. В очередной раз публикация Поликарпова заставляет по-новому взглянуть на, казалось бы, устоявшиеся понятия. Все сложности российского кораблестроения автор связывает со слабостью казённых финансов, общей нехваткой капиталов, умелых инженерных и рабочих кадров (С. 320). Этот список следует дополнить недостаточным умением власти находить общий язык с отечественным капиталом. Взаимные обвинения — далеко не лучший способ укрепить единство в обществе.

Недостатком монографии, на мой взгляд, является то, что в книге научно-техническое отставание судостроения России от Германии и Англии превращается в некий неизменный фетиш. Как менялся показатель этого отставания за период 1907–1918 гг. — сюжет, оставшийся, видимо, для нового издания книги. Труд Поликарпова глубоко патриотичен: в нём историк, сын фронтовика, отчётливо говорит о нежелании видеть отставание свой Родины в военно-технической сфере. Ни в прошлом, ни в настоящем.

ЛИТЕРАТУРА/ REFERENCES

Амирханов А.И., Титушкин С.И. (1996). *Главный калибр линкоров* [*Amirkhanov A.I., Titushkin S.I.* (1996). The Main Caliber of Battleships]. — СПБ: Гангут.

Бабошин А.Л. (1917–1918). *Металлография и термическая обработка железа, стали и чугуна.* В 4-х ч. [*Baboshin A.L.* (1917–1918). Metallography and Heat Treatment of Iron, Steel and Cast Iron. In Four Parts]. — Петроград: Металлург. отд. военно-техн. помощи.

Бескровный Л.Г. (1986). *Армия и флот России в начале XX века. Очерки военно-экономического потенциала* [*Beskrovny L.G.* (1986). The Army and Navy of Russia at the Beginning of the Twentieth Century. Essays on the Military-Economic Potential]. — М.: Наука.

Виноградов С.Е. (2017). *Линейный корабль «Императрица Мария»* [*Vinogradov S.E.* (2017). Battleship «Empress Maria»]. — М.: Пятый Рим.

Золотарев В.А., Козлов.И.А. (2002). *Русский флот в Первой мировой войне* [*Zolotarev V.A., Kozlov I.A,* (2002). Russian Fleet in the First World War]. — СПБ: Галея принт.

Гусев С.А. (1964). *Развитие советской электротехнической промышленности* [*Gusev S.A.* (1964). Development of the Soviet Electrical Industry]. — М.-Л.: Энергия.

Международный опыт в отечественном кораблестроении (1890–1946). (2020). [International Experience in Domestic Shipbuilding (1890–1946). (2020)]. — СПб: Крыловский государственный научный центр.

Мырцымов А.Ф. (1946). Сравнительные свойства мартеновской стали и электростали [*Myrcymov A.F.* (1946). Comparative Properties of Open-Hearth Steel and Electric Steel]. — М.: Металлургиздат.

Поликарпов В.В. (2008). *От Цусимы к Февралю. Царизм и военная промышленность в начале XX века* [*Polikarpov V.V.* (2008). From Tsushima to February. Tsarism and the Military Industry in the Early Twentieth Century]. — М.: Индрик.

Поликарпов В.В. (2015). *Русская военно-промышленная политика 1914–1917. Государственные задачи и частные интересы* [*Polikarpov V.V.* (2015). Russian Military-Industrial Policy 1914–917. State Tasks and Private Interests]. — М.: Центрполиграф.

Поликарпов В.В. (2023). *Кораблестроение при императоре Николае II. Очерки технологической истории* [*Polikarpov V.V.* (2023). Shipbuilding under Emperor Nicholas II. Essays on Technological History]. — М.: Новый хронограф.

Цветков И.Ф. (1983). *Линкор «Октябрьская революция»* [*Tsvetkov I.F.* (1983). Battleship «October Revolution»]. — Л.: Судостроение.

Цветков И.Ф. (1995). *Судостроение в начале XX в.* В 5 т. / Под ред. И. Д. Спасского Т. 3 [*Tsvetkov I.F.* (1995). Shipbuilding at the Beginning of the 20th Century: In 5 vols. Ed. I. D. Spassky. Vol. 3]. — СПб.: Судостроение.

Шацилло К.Ф. (1968). *Русский империализм и развитие флота накануне Первой мировой войны* (1906–1914 гг.) [*Shatsillo K.F.* (1968). Russian Imperialism and the Development of the Fleet on the Eve of the First World War (1906–1914)]. — М.: Наука.

Шацилло К.Ф. (1992). Государство и монополии в военной промышленности России (конец XIX в. — 1914 г.) [*Shatsillo K.F.* (1992). The State and Monopolies in the Military Industry of Russia (The End of the 19th Century — 1914)]. — М.: Наука.

Шилов С.П. (2004). Кайзеровский военно-морской флот и Россия: от идеи германо-русского союза к конфронтации в 1897–1914 гг. [*Shilov S.P.* (2004). Kaiser's Navy and Russia: from the Idea of a German-Russian Alliance to Confrontation in 1897–1914]. — Тюмень: Изд-во Тюменского гос. университета.

Фельдман Михаил Аркадьевич
feldman-mih@yandex.ru

Mikhail Feldman
Doctor of Historical Sciences, Professor of the Ural Institute of Institute of management — branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Ekaterinburg)
feldman-mih@yandex.ru

SHIPBUILDING UNDER NICHOLAS II (about the new book by V.V. Polikarpov)

Annotation. The book of V.V. Polikarpov "Shipbuilding under Emperor Nicholas II. Essays on technological history. The novelty of the study is noted, based on a frontal study of archival sources of the Council of Ministers, the Maritime Ministry and its subordinate institutions and enterprises, from five central and two regional archives; verbatim reports of the Congress of representatives of industry and trade. It is supplemented by a systematic analysis of sources containing expert and scientific assessments of the quality of the technical and technological processes of shipbuilding and the characteristics of the ships transferred to the fleet. For the first time, the study concerns all types of ships, supplying them with artillery and power plants. A comprehensive study of the sources allowed the author to give a new scientific assessment of many well-established provisions contained in the historical literature. The development of shipbuilding is revealed as a changeable process, whose characteristics were determined by the requests of the Naval Ministry, the need to meet the best examples of world shipbuilding, as well as the capabilities of Russian industry.

Keywords: *Russia, Navy, Naval Ministry, industry, shipbuilding, ships.*
JEL: N00, N43, N60